

47/8
Р64

Гюнтер Розе

ПРОГРЕСС
БЕЗ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ?

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Гюнтер Розе

ПРОГРЕСС
БЕЗ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ?

(Теории «модернизации»
и буржуазные социальные
науки)

Москва «Мысль» 1985

ББК 87.3в02
Р64

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

Günther Rose

**MODERNISIERUNGSTHEORIEN
UND BÜRGERLICHE
SOZIALWISSENSCHAFTEN**

Eine Studie
zur bürgerlichen Gesellschaftstheorie
und Geschichtsideologie der Gegenwart

AKADEMIE-VERLAG
BERLIN 1981

Перевод с немецкого *И. Н. Михеевой*

Р 0302020300-213 53-85
004(01)-85

© Akademie-Verlag Berlin, 1981

© Пер. на русский язык.
Издательство «Мысль», 1985

Предисловие к русскому изданию

Предлагаемая читателю книга вышла в свет в Германской Демократической Республике в 1981 г. под названием «Теории «модернизации» и буржуазные социальные науки». В ней обсуждается тема, которая с середины 70-х годов получила определенный резонанс в связи с обострением дискуссий между представителями общественных наук социалистических и капиталистических стран. Теории «модернизации» и исследования процессов «модернизации» доминируют в современной буржуазной идеологии и теории. До сих пор они остаются ведущими во всех буржуазных социальных науках и концепциях общества, но прежде всего составляют важный компонент в духовном арсенале социал-реформистов. Данные теории обладают большим интегрирующим зарядом, так как связывают все формы немарксистской критики капитализма с концепцией «прогресса без социальной революции». Перед марксистско-ленинскими общественными науками стоит задача их анализа, оценки и обоснованного опровержения. Эта работа в данный момент еще только начинается.

Историки, философы, социологи и экономисты социалистических стран приступили к изучению теорий «модернизации» и начали их критический анализ лишь в рамках своих научных дисциплин, что, безусловно, недостаточно, так как рассмотрение этих теорий с необходимостью предполагает комплексный подход. В марксистской литературе нередко упоминают о теориях «модернизации» как о чем-то едином, хотя одновременно подчеркивают многозначность истолкования понятия «модернизация». Некоторые ученые-марксисты ставят теории «модернизации» в один ряд с теориями «стадий экономического роста», «индустриального общества» и «конвергенции», не делая различий между ними. Кроме того, до сих пор в марксистской литературе не закончилась дискуссия о том, каковы новые теоретические и методологические позиции, с помощью которых теории «модернизации» стимулируют дальнейшее развитие «классической» концепции «индустриального общества», и каков их новый научный потенциал.

Данным исследованием автор стремился внести свой вклад в марксистско-ленинский анализ и критику теорий «модернизации». При этом он предпринял попытку показать теоретические источники формирования и развития главных вариантов теорий «модернизации» и исследований «модернизации» в США и ФРГ, раскрыть их основные цели и идеологический смысл. Обоснование периодизации, систематизации и функционального назначения теорий «модернизации» строится с использованием метода, который в определенной мере уже был апробирован автором в работах, посвященных критике концепций «индустриального общества» и теории «конвергенции», а именно сопоставления буржуазных историко-идеологических концепций с теми или иными реальными политическими переменами в международном масштабе. Однако, несмотря на поставленную задачу — рассмотреть теории «модернизации» и исследования «модернизации» и дать их всесторонний анализ, в рамках настоящей работы сделать это практически не представляется возможным, поскольку решение такой задачи требует совместных усилий представителей различных общественных наук. Основное внимание в книге уделяется сравнительно-историческим теориям «модернизации», включая их философские, экономические и социологические аспекты. Автор выражает надежду, что русское издание книги внесет определенный вклад в международное сотрудничество представителей марксистско-ленинских общественных наук, в их борьбу против буржуазной идеологии.

*Берлин,
апрель 1984 г.*

Профессор, доктор Гюнтер Розе

С середины 50-х годов в буржуазных общественных науках непрерывно нарастает поток теорий «модернизации», расширяются и дифференцируются исследования самого процесса «модернизации». Это породило обширную литературу по теории общества¹ и огромное, всевозрастающее число научных работ, посвященных исследованию процесса его «модернизации»². Понятие «модернизация» возникло в США и в первое десятилетие не выходило за их пределы. В развитии теорий и исследований «модернизации» в Соединенных Штатах можно выделить три периода.

1. С середины 50-х до середины 60-х годов главным объектом указанных теорий были освободившиеся страны: исследования «модернизации» являлись в этот начальный период исследованием развития освободившихся стран и проводились преимущественно буржуазными экономистами. Они ставили своей главной задачей подготовку идейного обоснования и разработку практических рекомендаций для неокOLONИАЛИСТСКОЙ политики американского империализма в отношении освободившихся стран.

2. В середине 60-х годов происходит социологическая и политологическая «реформа» теорий «модернизации», и их предмет расширяется благодаря общесоциологическим теориям. Это способствовало формированию второй важной задачи исследований «модернизации», выразившейся в разработке буржуазных общественно-теоретических и мировоззренческих концепций.

3. В конце 60-х годов сравнительно-исторические исследования «модернизации» привели к дальнейшей дифференциации теорий. К этому времени исследования «модернизации» в значительной мере отделились от исследований развития освободившихся стран и от направлений, предполагающих создание социологических теорий, и оформились как новое направление буржуазной историографии. На основе сравнительно-исторического исследования «модернизации» в буржуазной историографии сформировалось направление, задача которого состояла в разработке новой интерпретации как

мировой истории, так и истории развитых капиталистических и социалистических стран.

С конца 60-х годов «реформированные» теории «модернизации» были восприняты представителями общественных наук других капиталистических стран, особенно ФРГ. Иногда при этом между учеными и идеологами возникали теоретико-методологические и политические разногласия. Небольшая, но явно приобретающая влияние группа историков и социологов из ФРГ преодолела первоначальное воздействие американских теорий «модернизации» и намеревалась независимо от этих теорий и концепции «индустриального общества» разработать собственную концепцию «модернизации» как *sui generis** теоретическую основу политически тяготеющей к социал-реформизму «историко-критической социальной науки». Этим историков и социологов можно рассматривать как ведущую группу того времени, способствовавшую дальнейшей кристаллизации теорий «модернизации». Она стремится с помощью теорий «модернизации» дать широкое описание исторического процесса и не только «модернизировать» методологию истории, но и разработать теорию универсального исторического процесса с момента возникновения капитализма. Представители указанной группы делают претенциозные заявления о том, что хотят «втиснуть в рамки адекватной исторической теории современную эпоху»³.

Современные теории «модернизации» весьма различны по своему происхождению и общественно-политическим целям. Среди этих теорий, существующих в современной буржуазной общественной науке, четко вырисовываются три главных направления, дополняющих друг друга, а зачастую и конкурирующих друг с другом. Между ними объективно сложилось «разделение труда»:

1. Теории «модернизации» и соответствующие исследования процессов «модернизации» ряда освободившихся стран, разрабатываемые и проводимые политологами, социологами, экономистами с целью подготовить почву для осуществления неоколониалистской политики.

2. Макросоциологическое направление, целью которого является разработка общих теорий социальных изменений и функционирования социальных систем и тем самым преодоление господства эмпирической социологии и так называемой микросоциологии в буржуазной общественной науке.

* *sui generis* (лат.) — в своем роде, своеобразный.

3. «Сравнительно-исторические теории модернизации» и исторические исследования «модернизации», целью которых является новая интерпретация истории развитых капиталистических и социалистических стран, а также «модернизация» самой исторической теории и методологии. К данному направлению относятся работы историков, представителей исторической социологии и политологии.

Современные теории «модернизации» не представляют собой единой целостной концепции. Хотя концептуальная путаница, инфляция конкурирующих точек зрения и хаос дефиниций старых теорий «модернизации» все более уступают место усилившемуся теоретико-методологическому единству, тем не менее до сего времени определенные расхождения полностью не преодолены. Одним из показателей этого может служить пестрое, многозначное и вводящее в заблуждение содержание понятия «модернизация», несмотря на то что основная масса буржуазных ученых-обществоведов тщится доказать, что «модернизация» придает капитализму, находящемуся на стадии заката, атрибуты «новизны» и прогрессивности. Так, понимание «модернизации» как преодоления «традиционной» социальной структуры и экономической отсталости переносится ими на освободившиеся страны. Более близкое рассмотрение, однако, показывает, что на деле такая «модернизация» рассчитана на предотвращение некапиталистической, а точнее, социалистической ориентации в развитии этих стран. Данное обстоятельство свидетельствует о стремлении буржуазных идеологов навязать освободившимся от колониального господства странам идею о необходимости капиталистического пути развития, предупредить желание некоторых стран формировать исторически прогрессивную социальную систему.

В исторических исследованиях «модернизации» понятие «модернизация» охватывает в основном начальный период возникновения капитализма, когда он был еще прогрессивным (по сравнению с феодализмом) общественным строем, но придает этому периоду характер квазинормативного процесса и доводит его до исторических масштабов. При этом следует различать содержание понятия «модернизация», характерное для буржуазной историографии конца 60-х годов, и его содержание в новых вариантах теорий «модернизации». Сначала «модернизация» понималась как возникновение «современного индустриального общества». Такое пони-

мание свойственно теории «атлантической», точнее, «современной», «мировой революции», в большей или меньшей степени перекликающейся с теорией «конвергенции»⁴. Современные теории «модернизации» отступают от ряда общественно-политических, теоретических и методологических предпосылок и положений концепции «индустриального общества» и пополняются новым категориальным аппаратом. Однако оба варианта имеют общую историко-философскую перспективу.

Применительно к коммунистической формации буржуазные теоретики понятие «модернизация» употребляют в двух смыслах: для обозначения возникновения социалистического «индустриального общества» (как правило, путем «революции сверху») и для характеристики процессов развития *внутри (innerhalb)* социалистического «индустриального общества». Под последними подразумевается преодоление будто бы имеющих место догматизма и бюрократизма и соответствующих им структур управления. При этом речь идет о якобы приспособлении указанных структур к «вещному фетишизму» (*Sachzwänge*) и требованиям «современного индустриального общества» в духе концепции эволюции, проповедуемой империалистическими кругами. Однако процессу «приспособления», утверждают теоретики «модернизации», препятствуют марксистско-ленинские «миражи» бесклассового общества, в результате чего социалистические режимы будто бы вынуждены вновь и вновь насильственно уводить общество с «естественного» пути его развития⁵.

О влиятельности теорий «модернизации» их сторонники высказываются сдержанно. В спорах с представителями других конкурирующих концепций они отмечают несовершенный, незаконченный характер, недостаточную эвристическую силу своих теорий. В 1969 г. В. Цапф определил их как «стилизованную реконструкцию фрагментов действительности, которая весьма упрощенно передает связь и развитие наблюдаемых явлений»⁶; в 1974 г. К. Г. Гемпель характеризовал теории «модернизации» как «историко-генетические эскизы-объяснения»⁷, т. е. как «неполную систему законов и предварительных условий, в которую каждый раз приходится дополнительно вводить эмпирическую содержательную информацию, чтобы с ее помощью можно было определить новые явления. Другими словами, эскизы-объяснения служат неполными объяснениями»⁸.

П. Флора сожалеет о том, что по сравнению

с марксистской общественной теорией исследования «модернизации», которые включают в себя «неоэволюционистские теории», исследования, базирующиеся на системной теории, и историко-социологические исследования обладают «меньшим теоретическим единством», что делает их «противоречивыми, хотя и способными к развитию»⁹. Г. Матцерат и Г. Фолькман утверждают, что еще не существует всеобъемлющей теории «модернизации», а есть лишь конкурирующие между собой подходы, различающиеся по глубине анализа, операциональным возможностям, происхождению и целям. Прежде всего нет «общих интегративных рамок», поэтому говорить о теории в строгом смысле слова пока не представляется возможным¹⁰. Г.-У. Велер упрекает старые теории «модернизации» в научной и политической слабости¹¹ и говорит также о незрелости новых теорий «модернизации», представляющих собой, по его мнению, «не завершенную теоретическую систему», а «область проблем и рекомендаций по их разрешению»¹², однако при этом он не видит для исторических теорий «модернизации» и дифференцированного исторического исследования «модернизации» «никакой более подходящей альтернативы»¹³.

Несмотря на эклектический, противоречивый характер рассматриваемых теорий и отсутствие внутреннего единства между ними (что в большей или меньшей мере свойственно всем позднебуржуазным теоретическим построениям), а также несмотря на различие познавательных интересов и незавершенность многих общих теоретико-методологических приемов в новых теориях «модернизации», они характеризуются целым рядом общих теоретико-методологических признаков, которые явно отличают их от традиционных концепций «индустриального общества».

С помощью историко-социологических теорий «модернизации» предполагается решить следующие задачи.

1. Разработать теорию универсально-исторических процессов с момента возникновения капитализма, а также исторически и эмпирически обоснованную теорию целостного общественного развития, которая должна будет заменить теории «среднего уровня» и выйти за пределы историко-философского понимания процессов развития с помощью рациональных схем концепции «индустриального общества». «Если ничто не изменится,— пишет франкфуртский социолог Г. Брандт,— концепция модернизации имеет все шансы выстоять про-

тив конкурирующих теорий, и кажется, что ей действительно удастся понять раньше всех перспективы общественного развития и подойти к целостному анализу общества, если в своих методах она будет придерживаться середины между абстрактной классификацией и узкоспецифическими характеристиками»¹⁴.

2. Разработать операционализируемый, т. е. созданный с помощью расчленения концепции на определенные проблемы и положения, пригодный для исследования методологический инструментарий, которого до сего времени не могла дать концепция «индустриального общества».

3. С помощью обновления теории и методологии, не в последнюю очередь частично используя некоторые аспекты методологии исторического материализма, одновременно отвергая марксизм-ленинизм в целом, разработать гибкую альтернативу историческому материализму.

4. Стремиться к созданию эмпирически и исторически подтвержденных теоретических предпосылок для преобразования капиталистической системы в «массово-демократическое социальное государство» (Г.-У. Велер).

В марксистско-ленинских общественных науках в ряде работ на различные темы отражено критическое отношение к отдельным аспектам теорий «модернизации»¹⁵, однако теории «модернизации» и исследования процессов «модернизации» в целом еще не стали предметом специального изучения. Так, ни в одной из существующих работ не раскрываются метаморфозы теорий «модернизации», т. е. различия между первоначальной моделью «модернизации», «реформированными» теориями «модернизации» 60-х годов и современными теориями «модернизации». Как показывает постепенно развертывающаяся в марксистской литературе дискуссия, выработка марксистско-ленинской оценки теорий «модернизации» еще только начинается.

Данная дискуссия касалась до сих пор двух главных вопросов: связи традиционной концепции «индустриального общества» с теориями «модернизации» и значения теорий «модернизации» в буржуазной идеологии. Точки зрения дискутирующих сторон по первому вопросу разнятся довольно основательно: от а) идентификации концепции «индустриального общества» и теорий «модернизации» до б) признания теорий «модернизации» модифицированным вариантом или дальнейшим развитием концепции «индустриального общества» и в) до харак-

теристики теорий «модернизации» как альтернативы последней.

По второму вопросу: от точки зрения, что теории «модернизации» являются выражением преходящей моды в буржуазной социальной философии, до вывода о том, что они представляют собой новый этап в развитии буржуазной теории общества. Дискуссия по проблемам концепции «модернизации» до сих пор не развернулась в полной мере.

Оба вопроса составляют центральную проблему, ставшую предметом рассмотрения в данной работе. Используя материалы дискуссий теоретико-методологического характера, касающиеся теорий «модернизации», автор надеется внести определенный вклад в критику современных буржуазных общественно-исторических теорий на основе анализа возникновения, развития теоретико-методологической структуры и функций данных теорий.

В центре работы — теории «модернизации» и исследования «модернизации» в США и ФРГ. Направленность интереса автора на указанные страны определяется прежде всего тем, что именно в этих странах теории «модернизации» приобрели преобладающее влияние. Проблема их использования учеными других капиталистических стран освещается в общих чертах; вопрос о заимствовании или несогласии с данными теориями ученых освободившихся стран рассматривается лишь вскользь¹⁶. Равным образом вопрос об использовании теорий «модернизации» в историографии прежних лет дан лишь в концептуальном плане. Автор был вынужден также заранее отказаться от детального анализа применения буржуазной социальной наукой данных теорий при изучении всемирной истории, истории капиталистических стран XVII—XVIII вв., истории освободившихся стран, в истолковании империализма, фашизма, в «исследовании коммунизма».

Генезис теорий «модернизации» и исследований «модернизации»

1. Исторические и социальные условия возникновения теорий

Разработка теорий «модернизации» и исследований «модернизации» в США после второй мировой войны была вызвана специфическими внешнеполитическими и идеологическими потребностями американского империализма в период перехода от второго к третьему этапу общего кризиса капитализма. Речь идет, с одной стороны, о вынужденном (вследствие крушения колониальной системы и растущей мощи мировой системы социализма) повороте от «классического» колониализма к неоколониализму, а с другой — об обусловленной исследованиями освободившихся стран и мировоззренческим вызовом, брошенным империализму социализмом, теоретической переориентации буржуазных общественных наук. После нескольких десятилетий господства эмпирической социологии (так называемой микросоциологии) в начале 60-х годов оживился интерес к общесоциальным процессам и системам. Под лозунгом «возвращения к всеобщности» начался «ренессанс» социальных теорий и «теорий преобразования». Крах колониальной системы империализма после второй мировой войны в Азии, после 1949 г. на Ближнем Востоке и в странах Магриба*, с середины 50-х годов в странах Африки привел в середине 60-х годов к образованию более 70 независимых государств в Азии и Африке. Утрата империалистическими государствами политического господства в бывших колониях и конфронтация с государственными властями этих стран происходили в условиях дальнейшего изменения соотношения сил в мире в поль-

* Регион в Африке, включающий Тунис, Алжир, Марокко (собственно Магриб), а также Ливию, Мавританию, Западную Сахару, образующих вместе с собственно Магрибом Большой Магриб, или Арабский Запад (*прим. переводчика*).

зу социализма, при этом была сведена к минимуму возможность сохранить колониальную эксплуатацию посредством прямого военно-политического господства над народами. На место «классического» колониализма пришел неоколониализм¹. Наряду с неоколониалистской эксплуатацией все большее значение приобретала попытка помешать освободившимся странам следовать по некапиталистическому пути или по пути социалистической ориентации. Выбор пути развития освободившимися странами стал важнейшим вопросом в противоборстве между социализмом и капитализмом.

В повороте к неоколониализму, в переориентации исследований освободившихся стран США до 60-х годов играли решающую роль. Уже в 1949 г. президент Трумэн в речи по поводу его переизбрания возвестил Соединенным Штатам о том, что старым колониальным державам больше не удастся удерживать господство, которое они использовали исключительно ради своей выгоды. Его «программа четвертого пункта» предусматривала массовый экспорт капитала для приведения в действие капиталистической машины в молодых национальных государствах. Эту программу можно рассматривать как первый программный документ неоколониализма. США намеревались наследовать права старых колониальных держав, тем самым предвзято неоколониалистские методы, которые доказали свою эффективность только в 60-х годах. В 1952 г., в конце президентства Трумэна, действие «программы четвертого пункта» распространялось на 35 стран.

До конца 50-х годов США выдвинули большое количество программ для освободившихся стран. В период администрации Эйзенхауэра эти программы были подчинены далеко идущим военно-политическим требованиям «стратегии отбрасывания назад». Молодые национальные государства получали американскую экономическую помощь только в том случае, если они включались в крестовый поход против коммунизма и вступали в агрессивные военные пакты, причем львиная доля экономической «помощи» шла на военные расходы. Однако в условиях распада империалистической колониальной системы и роста числа молодых национальных государств такая практика все более становилась препятствием для осуществления неоколониалистского влияния на освободившиеся страны.

В то же время социалистические страны начали оказывать молодым государствам действенную многосто-

ронную экономическую, политическую и военную помощь, и некоторые освободившиеся страны ориентировались на некапиталистический путь развития. Двойной вызов — со стороны мировой социалистической системы и национально-освободительного движения в период полного краха империалистической системы колониализма — побудил администрацию Кеннеди изменить свою политику в отношении освободившихся стран. Надежнейшую гарантию против выбора молодыми национальными государствами некапиталистического пути развития она увидела в обеспечении военными средствами буржуазной реорганизации этих государств «сверху».

В начале своего президентства Кеннеди объявил о широкой программе помощи иностранным государствам, которая «позволит народам отсталых государств перейти к обеспеченному собственными импульсами экономическому росту» и «докажет, что как в XIX, так и в XX вв., как в южном, так и в северном полушариях экономическое развитие и политическая демократия могли и могут развиваться рука об руку». Если освободившиеся страны готовы «начать с необходимых внутренних реформ и самовосстановления», то США могли бы «в течение этих грядущих «десятилетий развития» осуществить решительный перелом в судьбах слаборазвитых стран»².

Для осуществления этой программы во времена администраций Кеннеди и Джонсона была разработана система новых политических, экономических и технических методов и средств ее обеспечения³. Она включала исследования процессов экономического, социального и политического развития в освободившихся странах, изучение условий и средств оказания им иностранной помощи и ее результатов, а также предполагала выработку необходимых методов для проведения там действенной прокапиталистической политики и не в последнюю очередь создание и пропаганду буржуазных теорий развития, которые могли бы представить альтернативу некапиталистическому пути и воспрепятствовать растущему влиянию социалистических идей на национально-освободительное движение. «Страх перед притягательной для народов слаборазвитых стран силой примера коммунизма создавал угрожающую ситуацию для западных правительств»⁴.

В результате перед специалистами по освободившимся странам была поставлена задача, соответствующая неоколониалистским целям: всесторонне и широко про-

анализировать общество освободившихся стран и разработать, исходя из понимания движущих сил капиталистического развития, краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную теоретически обоснованную стратегию и тактику, программу действий, с помощью которых следовало не только ускорить развитие этих стран по капиталистическому образцу при сохранении зависимости от империалистических государств, но и наметить пути преодоления тормозящих такое развитие социальных структур, явлений, образа жизни. Составление программы потребовало более глубокого обоснования на уровне макросоциологического подхода⁵. Традиционная буржуазная этнология*, основывающаяся на традиционных методах исследования бывших колоний⁶, не подходила для этих целей ни концептуально, ни методологически. Направленные на обеспечение интеграции колониальных и полуколониальных народов в систему колониальной зависимости исследования первичной социальной организации в деревнях и племенах, материальной и духовной культуры, структуры и функций традиционных политических институтов, открытое оправдание колониальной эксплуатации и угнетения, откровенный или завуалированный расизм более не соответствовали требованиям неоколониалистской стратегии. Исходя из таких посылок было невозможно не только понять новые экономические, социальные и политические явления в освободившихся странах, но и предложить новые альтернативы некапиталистическому пути развития. Выполняя заказ империалистической буржуазии, ее теоретики все более превращали свои разработки проблем освободившихся стран в специальные разделы политологии и макросоциологии, ориентированные на теоретический анализ общественной структуры и исторического процесса⁷.

На этом фоне в конце 50-х годов в американской общественной мысли стало обретать право гражданства понятие «*модернизация*». Оно заменило такие распространенные в освободившихся странах для обозначения процессов развития, но несшие на себе отпечаток колониализма и дискриминации понятия, как «европензация»

* *Этнология* — то же, что этнография. Некоторые буржуазные ученые рассматривают этнологию как дисциплину, выясняющую и обобщающую общие закономерности развития человеческой культуры, а этнографию — как чисто описательную дисциплину. Такое разделение единой отрасли знания на описательную и теоретическую дисциплины методически неправильно. Термин «этнология» в советской науке не употребляется (*прим. переводчика*).

(Europäisierung), «американизация» (Amerikanisierung), «цивилизирование» (Zivilisierung) и «озападнение» (Verwestlichung). Таким способом предполагалось завуалировать империалистический характер американской политики по отношению к освободившимся странам и создать видимость соблюдения социально-экономического и политического нейтралитета при проведении курса на капиталистическое развитие, по пути которого США стремились направить освободившиеся страны. Теоретики «модернизации» утверждают, что понятие «модернизация» нельзя оценить как «хорошее», «позитивное» или «прогрессивное», оно попросту «этически нейтрально»⁸. Преимущество данного понятия не только в том, что оно более широкое, чем употреблявшиеся ранее, но и в том, что оно меньше обременено каким-либо дискредитирующим значением⁹.

Именно благодаря аморфности и многозначности понятие «модернизация» оказывается наиболее подходящим для того, чтобы придать намеченному процессу привнесения в освободившиеся страны общественной и политической системы капитализма атрибуты закономерности и прогрессивности. «Модернизация является новым названием старых процессов — процессов социальных перемен, вследствие которых менее развитые страны приобретают общие черты развитых обществ»¹⁰.

Бегство в «этическую нейтральность» является следствием негативизма в отношении к капитализму и колониализму в освободившихся странах. Таким образом, идеологи империализма были вынуждены придать своим моделям развития видимость нейтральности¹¹.

Вскоре в США (при государственном и частном содействии) возникло большое количество частично конкурирующих между собой теорий «модернизации», что стимулировало быстрое и широкое развертывание исследований «модернизации», и прежде всего в освободившихся странах. Теории «модернизации» и исследования процессов «модернизации» подготавливали почву для внедрения в освободившихся странах идеи о необходимости идти по пути американского империализма и способствовали выработке таких практических рекомендаций для проведения соответствующей политики в отношении этих стран, которые, по мнению империалистических кругов США, были бы более успешными, чем те, которыми они руководствовались до сих пор. Осуществление «новой» политики имело целью «переход менее развитых государств в современный мир ин-

дустриальных государств, при этом высказывалась мысль о необходимости эффективно, политическими советами, помочь в таком переходе к обществам западного типа»¹². Под прикрытием лозунга «модернизации» появились теории «модернизации», ставшие «общепринятой схемой обоснования движения общества к «современному» миру, которая к середине 60-х годов была признана в качестве теории, ее категории могли претендовать на универсальное применение»¹³.

Однако потребность в углубленном теоретическом, макросоциологическом обосновании разработки проблем освободившихся стран не могла быть удовлетворена при помощи современной буржуазной социологии. В последние десятилетия XIX в. и в первые десятилетия XX в. для буржуазной социологии был характерен разрыв между господствовавшей (особенно в Германии) теоретической, или формальной (общей), социологией и возникшей в 20-х годах в США и приобретшей там большое влияние эмпирической, «специальной» социологией. Представители «теоретической» социологии (Г. Зиммель, М. Вебер, Л. фон Визе) старались сконструировать внеисторические, вневременные и абстрактные категории и схемы; эмпирическая социология (Э. Мэйо, П. Лазарфельд) ограничивалась преимущественно анализом относительно небольших, узких и изолированных областей, процессов и явлений.

После второй мировой войны в буржуазной социологии в течение почти двух десятилетий господствовала ориентация на эмпирическую социологию, или микросоциологию¹⁴, представители которой отказывались от выявления реальной основы общественных отношений и от необходимости исторической классификации исследуемых явлений при анализе отдельных сфер общества. Эмпирическая социология представляла собой некоторое количество «отраслевых» социологий, таких, как индустриальная, производственная, семейная¹⁵. В 1958 г. Р. Кёниг объявил, «что немецкая социология вращается сегодня в совершенно беспомощном эмпиризме при полном отсутствии теории»¹⁶.

Разграничение общественной теории и социологии коренилось в традиционном отделении буржуазной социологии от философии истории и соответствовало в 40-х и 50-х годах «разделению труда» между ними в идеологическом и практическом обеспечении капиталистической системы. Представители буржуазной философии истории в своих спекулятивных, апологетических построениях

пытались уяснить историческую роль буржуазии (до середины 50-х годов одной из теорий этого типа была концепция «индустриального общества»), и их основной функцией было прежде всего посеять мировоззренческие иллюзии и псевдоперспективы в сознании буржуазии. Эмпирическая социология, стремившаяся к господствующему положению в буржуазной общественной науке, ориентировалась на «оптимизацию социальных структур и функций в целях более успешной реализации капиталистических производственных отношений. Побочным негативным следствием этой в целом важной для буржуазии функции эмпирической социологии было ослабление ее идеологической и теоретической функций»¹⁷.

Вследствие сосредоточения социологических исследований на разработке лишь рациональных методов капиталистического управления и руководства обществом для нужд менеджеров и правительства аспекты общественно-исторического развития выпали из поля зрения ведущих направлений буржуазной социологии более чем на 20 лет. Она ориентировалась на структурно-функциональную теорию и методологию, которая была разработана в 30-х годах в США и наиболее видным представителем которой был Т. Парсонс. К ней как к историко-теоретическому источнику обратились сторонники теорий «модернизации», однако она так и не смогла дать альтернативу некапиталистической или социалистической ориентации освободившихся стран, а тем более марксистско-ленинской концепции общественно-экономических формаций.

Разработка социально-теоретических концепций, противостоящих марксистско-ленинскому пониманию смысла современной эпохи как эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе, стала для американской буржуазии настоящей идеологической потребностью именно на рубеже 50—60-х годов. До тех пор конфронтация капитализма и социализма отражалась в буржуазной социально-политической и теоретической мысли преимущественно как государственно-политический и военно-политический конфликт между США и СССР. В этом состояло существенное отличие развития идеологии в США от развития идеологии в Западной Европе. Данное обстоятельство объяснялось различиями в условиях существования буржуазии в Западной Европе и в США, а также наличием специфических идеологических традиций и опыта классовой борьбы в каждом из этих регионов.

Империализм США вышел из второй мировой войны не только не ослабленным, но, напротив, относительно окрепшим; капиталистическая система США в отличие от Западной Европы никогда не испытывала угрозы со стороны революционного рабочего движения. В связи со специфическими условиями распространение марксистской мысли в США в течение длительного времени сталкивалось с большими трудностями¹⁸. Только в середине 60-х годов ввиду обострения внутренних социальных конфликтов (в том числе и студенческих выступлений) развернулась полемика с марксистами¹⁹.

В отличие от американской западноевропейская буржуазия после 1945 г. непосредственно столкнулась с закономерным процессом перехода от капитализма к социализму и ощутила серьезную угрозу существованию капиталистической системы. В период роста демократического и социалистического движения в послевоенный период, народно-демократических революций в странах Восточной Европы и установления народно-демократического строя в восточной части Германии западноевропейская буржуазия предприняла целую серию наступательных и оборонительных маневров: коммунизм был проклят («тоталитаризм-доктрина» — «Totalitarismus-Doktrin»), социализм как задача дня был объявлен лишенным всякой реальной основы, были приложены все усилия для идеологического обоснования союза капиталистических стран (идеология Западной Европы), особенно интенсивно разрабатывались социальные концепции и теории, которые могли бы выступить в качестве альтернативы социализму. При этом в Европе была более сильна, чем в США, традиция теоретических споров с марксизмом и накоплен большой опыт в борьбе с революционным рабочим движением.

В послевоенный период наиболее серьезной буржуазной социально-теоретической альтернативой марксизму стала концепция «индустриального общества», являющаяся в сущности продуктом развития западноевропейской буржуазной общественной мысли. Американские идеологи внесли свой вклад прежде всего в области экономической науки и социальной психологии²⁰, однако основные философские, историко-теоретические и социологические положения были разработаны и синтезированы главным образом немецкими и французскими идеологами; в лекциях об «индустриальном обществе», прочитанных в Сорбонне Г. Фрейером («Теория нашего века», 1955) и Р. Ароном (в 1955—1956 гг.²¹), содержа-

лись все основные теоретические элементы концепции «индустриального общества». Это дало в 50-х годах западноевропейской буржуазии временное преимущество перед американской буржуазией в идеологическом оформлении данной концепции²². На ее основе могли быть составлены рецепты по использованию наукообразных и утонченных вариантов антикоммунизма. Господствовавшая в США политическая и социально-теоретическая мысль, напротив, до конца 50-х годов оставалась в плену грубых клеветнических антикоммунистических представлений в форме доктрин тоталитаризма традиционной «чеканки»²³.

Противоположность между социализмом и империализмом отражалась в моральных, иррациональных и часто религиозных представлениях, распространение социализма клеветнически изображалось как результат «советской экспансионистской политики», которая в свою очередь объявлялась прямым продолжением линии внешней политики царизма или, более того, выводилась из особого «прурусского характера»²⁴. Сторонники других направлений политической мысли, базировавшиеся на теории «революции управляющих» Дж. Бёрнхема, интерпретировали мировую политику как ведущую к войне борьбу за господство двух гигантских менеджерских государств — США и СССР. Традиции американского этноцентризма все еще действовали безотказно. Главной формой апологетики капитализма была открытая апологетика²⁵.

Эта ситуация коренным образом изменилась с переходом от второго к третьему этапу общего кризиса капитализма на рубеже 50—60-х годов. С одной стороны, мощным импульсом для создания буржуазных теорий служили потребности неоколониалистской стратегии в отношении освободившихся стран. С другой стороны, вследствие образования мировой системы социализма, успешного строительства основ социализма в большинстве социалистических стран, решающего изменения соотношения сил между социализмом и империализмом и растущего укрепления единства международного революционного рабочего движения противоборство капитализма и социализма все больше понималось как общественно-политический вызов в глобальном масштабе. Вера в незыблемость капитализма была поколеблена и в Соединенных Штатах. На политическую мысль в США сильное и длительное влияние, охватывающее все другие идеологические области, оказали прежде все-

го громадные успехи Советского Союза в развитии космической и военной техники (успешное испытание первой межконтинентальной ракеты в 1957 г., запуск первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г., первый полет человека в космос 12 апреля 1961 г.). Это способствовало созданию социологических и исторических теорий. В сложившейся ситуации наступил кризис структурно-функциональной социологии. Было очевидно, что она оказалась не в состоянии постичь динамику мирового революционного процесса и определить направления общественного развития. В связи с этим и появилась необходимость в усилении идеологической функции буржуазных наук.

Со времен краха традиционного воинствующего антикоммунизма и обозначившегося конца «холодной войны» все более притягательную силу приобретали идеи исторического материализма, знакомство с которыми вызвало особый интерес у студентов и ученых, искавших альтернативы капитализму. Эта тенденция, проявившаяся наиболее сильно в начале 60-х годов, оказалась опасной для буржуазии, так как обнаружила несостоятельность буржуазных общественных наук. Перед буржуазной идеологией была поставлена задача преодолеть господствовавшую до тех пор социально-теоретическую индифферентность и противопоставить идеям исторического материализма устойчивую, целостную, универсальную теорию общественно-исторического развития.

В связи с этим в начале 60-х годов американская буржуазная социология принялась за объяснение изменений, происходивших в мире. Тот факт, что в 1961 г. в Нордвестернском университете (штат Иллинойс) собралась группа ученых с целью проанализировать пользу эволюционистских теорий XIX в. для современной социальной науки, был, как писал В. Ф. Вертхайм, признаком «оживления интереса к концепциям развития среди ученых при анализе современного общества»²⁶. Наконец, глава структурно-функциональной школы Парсонс стремился начиная с середины 60-х годов разработать «структуру великой теории»²⁷. Он попытался, обратившись к уже давно считавшемуся погребенным эволюционизму XIX в., преодолеть ограниченность социологического эмпиризма²⁸. Франкфуртский социолог Г. Брандт писал в 1972 г.: «Поворот к анализу целостных процессов общественных изменений совершился после отхода от десятилетиями господствовавшего мнения, согласно которому изучение таких процессов считалось безответ-

ственным делом и даже было исключено из круга научных дисциплин как недостойное занятие»²⁹. Мнение о том, что указанные выше изменения в буржуазной социально-теоретической мысли были вызваны потребностями неокOLONиализма, вызовом социализма и влиянием исторического материализма, более или менее определенно высказывалось в буржуазной литературе различных направлений³⁰.

В США среди теорий развития, возникших в начале 60-х годов, господствующее положение вскоре заняли теории «модернизации» капитализма. Подобно появившейся примерно в это же время теории «конвергенции», направленной и на социализм, теории «модернизации» также сформировались исходя не из историко-философских спекуляций, а из потребностей империалистических стратегических планов и идеологического противоборства. «Теории модернизации представляют собой реакцию американской интеллектуальной элиты на роль великой державы, которую США стали играть после 1945 г., на соперничество между Востоком и Западом и на развитие третьего мира»³¹. Они были продуктом «соединения развивавшейся социологической теории с исследованиями третьего мира»³².

Теории «модернизации» возникли в США не в результате заимствования концепции «индустриального общества» в ее западноевропейском варианте, а совершенно независимо от нее, исходя из специфических потребностей американского империализма и, как следствие, главным образом англосаксонской традиции мышления. Внешним признаком этого является чрезвычайно слабая связь американских идеологов с буржуазными идеологами Западной Европы (за исключением М. Вебера) по данному вопросу³³.

Тот факт, что те и другие пришли к формированию по существу единых точек зрения, является результатом усиления международного характера классовой борьбы на третьем этапе общего кризиса капитализма. Этот процесс, обусловленный наличием одинаковых классовых интересов буржуазии США и капиталистических стран Европы, привел к нивелировке национальных особенностей империалистической идеологии, которая все более обнаруживала тенденцию к относительной унификации идей и концепций, особенно касавшихся социализма.

2. Исторические и теоретические источники

Формирование теорий «модернизации» было связано с обращением к старым буржуазным теориям общества³⁴. Это является, как показывает, например, возрождение идей Токвиля, Лоренца фон Штайна и Макса Вебера, общей отличительной чертой образования позднейших буржуазных теорий. Между прочим, именно в этом и проявляется кризис буржуазной идеологии: постольку на последней стадии капитализма все более обнаруживается его неспособность к созданию качественно новых, действенных концепций и оригинальных теорий общественного развития, постольку идеологи все чаще обращаются к старым буржуазным социальным теориям в целях продуктивного использования их в современных условиях. На какое же духовное наследие опираются создатели теорий «модернизации»?

Даже при первом знакомстве становится ясным различие гносеологических корней теорий «модернизации» и концепции «индустриального общества». Концепцию «индустриального общества» разделяют многие различающиеся по мировоззрению и политическим взглядам буржуазные ученые. Их «предтечами» были такие мыслители, как Гегель³⁵, Сен-Симон и Фурье; сторонники теорий «модернизации» опираются почти исключительно на теории буржуазных социальных теоретиков XIX в., которые олицетворяли крах буржуазной идеологии и начинали борьбу против прогрессивного буржуазного идеологического наследия.

Различное отношение к идеологическому наследию, конечно, не свидетельствует о большей прогрессивности концепции «индустриального общества» по сравнению с теориями «модернизации». Оно обуславливается различными функциями этих теорий и различными идеологическими традициями, существующими в США и Западной Европе. Для первых представителей теорий «модернизации» такие элементы прогрессивного и революционного наследия, как гегелевская диалектика или утопический социализм Сен-Симона, представлялись опасными и чужеродными. Напротив, западноевропейские «духовные отцы» концепции «индустриального общества» считали ссылки на определенных прогрессивных мыслителей прошлого целесообразными и вполне оправданными в рамках философско-исторического анализа эпохи, тем более что благодаря этому могла якобы возрасти ценность концепции «индустриального общества» как

нового достижения мысли Старого Света, традиции которого создатели данной концепции и без того должны были принимать во внимание в значительно большей степени, чем авторы теорий «модернизации», ориентировавшиеся на американский прагматизм.

Таким образом, теоретики «модернизации» не обратились ни к материализму французского Просвещения и английской буржуазной политической экономии, ни к диалектике классической немецкой философии. Их духовное наследие составляла не революционная, антифеодалная идеология поднимавшейся буржуазии XVII—XVIII вв., а консервативная, антипролетарская идеология буржуазии 40-х годов XIX в., которая, завоевав политическую власть, испытывала всевозрастающее давление со стороны рабочего движения. Это относится к тому периоду, когда борьба между буржуазией и феодалами сменилась классовой борьбой между буржуазией и пролетариатом. С тех пор на буржуазные общественные науки можно с полным основанием перенести характеристику, данную К. Марксом буржуазной политической экономии. Он писал: «В 1830 г. наступил кризис, которым все было решено одним разом. Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»³⁶.

Главными историко-теоретическими источниками теорий «модернизации» являются, во-первых, буржуазные теории развития, главным образом английские, достигшие наивысшего влияния в эпоху господства свободной конкуренции; во-вторых, дихотомические модели общества, при помощи которых буржуазные социологи и этнологи последней трети XIX в. установили качественное различие между докапиталистическими общественными формациями и капитализмом, стараясь увековечить последний; в-третьих, историко-социологические взгляды М. Вебера; в-четвертых, функционализм буржуазной социологии и этнографии XX в.

Буржуазные эволюционные теории XIX в. Среди представителей эволюционизма наряду с О. Контом (1798—1857), основателем буржуазной социологии, обычно называют Г. Спенсера (1820—1903) как духовного предшественника теорий «модернизации»³⁷.

Взгляды на общество эволюционистов, в частности Конта и Спенсера, являются продуктом упадка буржуазной идеологии в двояком отношении: им не свойственны ни материализм, ни диалектика. Хотя именно буржуазная мысль породила зачатки материалистического и диалектического мышления, однако за все время своего существования ни материализм, ни диалектика не были разработаны ею достаточно последовательно. Когда пролетариат выступил на историческую арену в качестве главного политического противника буржуазии и впервые поставил вопрос о перспективах капитализма, у буржуазии пропал интерес к вскрытию и анализу общественных противоречий. Из картины общественной жизни было устранено противоречие как конституирующий принцип и движущая сила. Общество стало пониматься отныне внеисторически, как неизменный, самосохраняющийся организм. Развитие больше не воспринималось как борьба противоположностей и переход к новому качеству, а представлялось как непрерывный процесс количественного роста. Когда-то бывшие прогрессивными идеи исторического развития как революционного становления были опошлены до такой степени, что могли служить только целям апологетики, интерпретации развития как эволюционного изменения капитализма. История общества заменяется «историей происхождения и постоянного совершенствования капиталистического мира»³⁸. Это в свою очередь с необходимостью приводит к тому, что социология, претендовавшая во второй половине XIX в. на статус исторической социологии, т. е. пытавшаяся понять общество исторически, по своему содержанию становится глубоко антиисторической и позитивистской. Диалектическое понимание противоречивости прогресса было отброшено, «развитие» превратилось в чисто количественную категорию.

Общественные и исторические взгляды Конта и Спенсера характеризуются, как отмечалось ранее, отходом от диалектики³⁹. О. Конту, ученику и временному секретарю Сен-Симона, были чужды как социализм, так и стихийная диалектика его учителя. В то же время его социология содержала критику спекулятивной буржуаз-

ной философии истории как «консервативного ответа на социализм»⁴⁰. В теории О. Конта конституирующими принципами являются согласие и гармония, а все, что нарушает гармонию и равновесие системы, считается противоестественным, патологическим. В теории эволюции Спенсера признается непрерывный прогресс от «милитаризма» («*Militarismus*»), т. е. от докапиталистических обществ, особенно феодализма, до «индустриализма» («*Industrialismus*»), под которым понималось идеализированное капиталистическое общество. В «индустриальном обществе» социальная гармония достигается уже не путем насилия, а благодаря «симпатии» и знаниям. Социальная гармония становится тем полнее, чем медленнее и осторожнее происходит эволюция.

Отход от материализма в социально-теоретической мысли означает отказ от объяснения общества исходя из развития его собственных оснований, прежде всего экономического базиса. С одной стороны, сформировалась буржуазная вульгарная политическая экономия, которая вообще отстранилась от объяснения общественного развития и считала своей главной задачей убрать из политэкономии проблему прибавочной стоимости. С другой стороны, возникла буржуазная социология как чистая «духовная наука», которая, однако, выступила с претензией на роль универсальной общественной науки и пыталась представить идеализированное капиталистическое общество как вершину развития человечества. Но поскольку этого нельзя было доказать с помощью данных экономической науки, постольку социологи попытались найти другие основания⁴¹ внесоциального порядка. В условиях расцвета естественных наук, особенно физики и биологии, социология заимствовала у них способ интерпретации социальных явлений. При этом общественное развитие понималось по аналогии с развитием природы или как приспособление к ней.

Таким образом, Конт и Спенсер связывали историю природы с историей общества. Конт рассматривал естественные науки в качестве рациональной основы общественного развития и намеревался превратить социологию в «социальную физику», исследующую и регулирующую совместную жизнь индивидов и групп при помощи количественных естественнонаучных методов. Сущность социально-теоретических воззрений Конта ярче всего выражена в его «законе трех стадий», согласно которому дух последовательно проходит технологическую, или фиктивную, метафизическую, или абстрактную, стадии и

с неизбежностью достигает научной, или позитивной, стадии. Этим стадиям эволюции духа соответствует переход от военно-жреческой социальной системы через западноевропейские революции к современному «индустриальному обществу», рациональному человеческому социуму.

Спенсер отождествлял жизнь общества с функционированием биологического организма, объяснял причины общественного развития при помощи социал-дарвинистских теорий естественного отбора и биологического приспособления к природному окружающему миру. Он стремился доказать, что история природы и человечества определяется всеобщими законами; соответственно общественное развитие, по его мнению, есть часть космического процесса движения от «несвязной однородности» к «связной неоднородности»⁴².

Дихотомические модели общества в XIX в. До появления концепции «индустриального общества» эволюционная теория Спенсера была по существу последней попыткой буржуазной теоретической мысли дать комплексное, широкое объяснение общественного развития. Разрыв преемственности общественного развития, обусловленный возникновением современного промышленного капитализма, ощущался большинством буржуазных мыслителей настолько отчетливо, что они стали рассматривать это явление как острое противоречие между «традиционализмом» («Traditionalität») и «модернизмом» («Modernität»). Поэтому и сформировалось представление о «возникающих сами по себе» типах общества с собственными функциональными отношениями. Начиная с последней трети XIX в. эволюционные теории уступили место дихотомическим моделям общества одномерного характера. Их принцип состоял в противопоставлении структурных признаков начального и конечного моментов процесса «модернизации», и с этих позиций характеризовались «традиционные» и «современные» общества⁴³.

Буржуазные теоретики выявляли специфические признаки капиталистического общества и стремились отыскать соответствующие дополнительные, а также противоположные признаки, присущие докапиталистическим формациям. Путем сопоставления указанных признаков они старались найти различие между докапиталистическими формациями и капитализмом и таким образом дать представление о закономерностях исторического развития. Данные методы должны были с необходимо-

стью привести к усилению европоцентризма, поскольку исходным пунктом служила история развитых буржуазных наций Европы, по сравнению с которыми история менее развитых народов изображалась как «подготовительный этап» или отклонение от нормы⁴⁴.

Таким образом, исторический процесс был разделен на симметричные дихотомии, одна сторона которых считалась исходным пунктом, другая — конечным. «Симметричная социология»⁴⁵ решала проблемы исторического развития согласно неисторической линейной схеме, в которой история представлялась как вытекающая из одной причины и телеологически стремящаяся к единственной цели — буржуазному обществу. Никто не пытался понять общественное развитие комплексно, с точки зрения действительных материальных причин, каждому казалось целесообразным указывать какую-либо одну причину. В действительности же «дихотомический каталог» передавался от мыслителя к мыслителю с большими или меньшими модификациями и, наконец, был подхвачен теоретиками «модернизации» и приспособлен для анализа современности. В результате такого идеально-типического подхода была составлена система абстрактных контрарных понятий, которая заменила анализ реального исторического процесса⁴⁶. Из большого числа дихотомических умозрительных построений⁴⁷ наиболее влиятельными были дихотомии Спенсера «милитаризм — индустриализм» («*Militarismus — Industrialismus*») и «гомогенность — дифференциация» («*Homogenität — Differenzierung*»), оказавшие сильное воздействие на позднебуржуазную, особенно англо-американскую, социологию.

Английский этнолог Генри Самнер Мэйн (1822—1888) усматривал основное отличие капиталистического общества от докапиталистического в характере присущих им социальных связей: для докапиталистических формаций, утверждал он, свойственны преимущественно сословные связи; основные социальные связи капиталистического общества — это договорные отношения. Общественное развитие протекало, таким образом, от «статуса» к «договору». Понимание развития, сформулированное сначала в работе «Античное право» (1881)⁴⁸, легло затем в основу «Лекций по древней истории законодательства» (1875), которые К. Маркс конспектировал в 1880—1882 гг. наряду с другими этнографическими работами⁴⁹. Интерпретация Мэйном общинной собственности как деспотической власти над личностью, замечал К. Маркс, отвечает буржуазному индивидуализму

и служит стремлению противопоставить общинные отношения древности современному буржуазному обществу как воплощению индивидуальной свободы. «Английский филлистер Мэйи совершенно примитивно понимал «деспотизм группы над индивидами, составляющими их» (с. 327)! В то же время Бентам именно в древности нашел не увиденные Мэйином, свойственные новому времени формулу и передаточный механизм «современного» законодательства: «наибольшее счастье наибольшее число людей». О ты, Пексниф!»⁵⁰

К. Маркс критиковал «прежнюю интерпретацию индивидуальности», данную «болваном Мэйином» и абсолютно не связанную с классовыми интересами и экономическим базисом общества. «Но истинная природа последних (классов. — Прим. переводчика) раскрывается для нас в том случае, если анализируются их интересы. Затем мы находим, что сами эти интересы опять же определяют общественные группы и являются характерными классовыми интересами etc., а также индивидуальность является индивидуальностью самих классов — etc. и все экономические условия в последней инстанции заключены в базисе»⁵¹.

К. Маркс критиковал также точку зрения Мэйи на государство, которое он рассматривал как независимую и вечную общественную силу. «Мэйи не хочет видеть... что высшая самостоятельность государства — это лишь видимость, что оно во всех своих формах является наростом на обществе, возникая на определенной ступени его развития и исчезая, как только общество достигает известной степени зрелости»⁵².

Французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858—1917) на основе своих исследований разделения труда от ранних форм общества до современности в конечном счете пришел к выводу, что общество развивалось в направлении от «механической солидарности» примитивных обществ к «органической солидарности» общества с развитым разделением труда. Под «механической солидарностью» он понимал (подобно Мэйиу) подчинение индивида традициям и обычаям общности, которая не допускает изменений господствующих отношений, передающихся по наследству. Понятием «органическая солидарность» он обозначал взаимную зависимость индивидов в современном буржуазном обществе⁵³. Дюркгейм считал переход от «механической» к «органической солидарности» историческим законом и главным фактором прогресса. Нетрудно заметить, что, по Дюркгейму, «орга-

ническая солидарность» являлась не чем иным, как идеализированной картиной капиталистического общества, которое он противопоставлял феодализму, основанному на внеэкономическом принуждении, и рассматривал как результат добровольного договора между юридически свободными наемными рабочими и капиталистическими предпринимателями⁵⁴.

Немецкий социолог Фердинанд Тённис (1855—1936) подхватил выдвинутый Мэйном тезис об антагонизме «сословного» и «договорного» общества, что нашло отражение в его вышедшей в 1887 г. книге «Общность и общество»⁵⁵, ставшей одной из влиятельнейших в буржуазной немецкой социологии. Тённис поставил в центр своей общественной теории противоположность бесклассового древнего общества капиталистическому. Заимствованные у К. Маркса для характеристики конкретно-исторических общественных формаций категории «общность» и «общество» утратили у Тённиса исторический характер и «растворились» в надысторическом бытии. При различении романтически сияющей «общности» и «общества», увиденного «глазами представителя романтического антикапитализма»⁵⁶ (в его понимании капитализм и социализм — это рациональная, технизированная цивилизация, ведущая к разрушению человеческой солидарности и всех органических связей), Тённис развивал «реакционную утопию тоски» (В. Гейзе), к которой позднее оказалось возможным привязать реформистские концепции «третьего пути», культурно-пессимистические идеи с их абсолютизацией мнимой противоположности культуры и цивилизации, а также — несмотря на убежденный антифашизм Тённиса⁵⁷ — дофашистскую социологию и фашистскую антикапиталистическую демагогию. Т. Парсонс в свою очередь ввел понятия «общность» и «общество» в комплексную альтернативную схему способов ориентации (*pattern variables*)⁵⁸.

Последующие дихотомические и трихотомические модели развития создавались А. Богдановым (1873—1928), который рассматривал родовую общину и феодализм как разновидности «натуральных типов» хозяйства, рабство и капитализм — как различные эпохи «менового хозяйства»⁵⁹; А. Смоллом (1854—1926) и Г. Ратценхофером (1824—1904), трактовавшими развитие как движение от «захватнического государства» к «культурному»; Л. Т. Хобхаусом (1864—1929), высказывавшимся в защиту тех тенденций в объяснении общественного развития, согласно которым это развитие изображалось как

движение от форм, основанных на родственных отношениях, к стадии, на которой общество строилось на авторитете («Autorität»), и, наконец, к последней стадии — «свободному буржуазному государству» («freie Staatsbürgerschaft»); Ф. Н. Гиддингсом (1855—1932), разделившим зоогенную (zoogene), антропогенную (anthropogene), этногенную (ethnogene) и демогенную (demogene), стадии социокультурного развития; К. Поляни, который в начале 50-х годов XX в. различал два типа хозяйства: примитивное натуральное и товарно-денежное хозяйства — и соответственно нетоварные и товарные отношения; К. Леви-Стросом (р. 1908), выделявшим в развитии человечества «холодные» и «теплые» общества: первые — это «стационарные» общества — первобытное и родовое, а также так называемые азиатские классовые общества, лишённые динамики развития; вторые («теплые») — европейские и американское «индустриальные общества».

Этот далеко не полный перечень моделей развития подтверждает существование наиболее характерной для англосаксонских буржуазных теорий и действующей по сей день традиции дихотомического мышления, с использованием которой строились теории «модернизации» капитализма.

Историко-социологические взгляды Макса Вебера. Полная победа капитализма в мировом масштабе⁶⁰ и исторический факт образования Парижской коммуны в 1871 г. обусловили решительный поворот в развитии буржуазной социально-теоретической мысли. Первая в мировой истории пролетарская революция неизбежно поставила вопрос о перспективах капитализма. С переходом от исторической стадии подъёма капиталистической общественной системы — капитализма свободной конкуренции — к исторически неизбежному периоду упадка — империализму, «кануну пролетарской революции» (В. И. Ленин), утверждение идеи о якобы вечном существовании капитализма как исторически закономерного явления неизбежно порождало борьбу против социалистических идей. Указанная смена эпох вызвала изменения аргументации в буржуазных общественных теориях. В них, как и в дихотомических моделях XIX в., в центре внимания было различие между феодальной и капиталистической организацией труда, феодальной политической структурой и буржуазно-либеральной системой капитализма периода свободной конкуренции; вместе с тем капитализм изображался как лучший из миров.

Ясно, что эти теории были направлены не только против феодальной аристократии, но и против пролетариата.

Отныне окончательно победила система аргументации, сформировавшаяся в период индустриальной революции: капиталистический общественный порядок все в большей степени идентифицировался с промышленным производством, утверждалось, что его основные черты непосредственно связаны с промышленным производством и потому определяются как «вечные» характерные черты «машинной цивилизации». Такое изменение аргументации имело своим реальным источником изменение техники производства. Например, если в работах Смита главное внимание уделялось мануфактуре и мелкой индустрии, а Д. Рикардо хотя и понимал роль машинной индустрии, но все-таки придавал ей второстепенное значение, то в последней трети XIX в. экономические и социологические теории исходили из необратимости процесса развития крупной машинной индустрии как производственной и технологической основы современного капитализма и базирующегося на ней обобществления. При этом техническая революция в производительных силах, знаменовавшая собой фундаментальнейший поворот в их истории, все более рассматривалась лишь в аспекте противостояния человека и природы.

То, что индустриальная революция в силу ее общественного характера требовала обобществления средств производства (в отличие от господствовавших до тех пор ручных инструментов, использование которых имело индивидуальный характер и которым соответствовал индивидуальный трудовой процесс и частная собственность на средства производства) и что, таким образом, общественный характер крупного машинного производства и трудового процесса снимал историческую необходимость частной собственности на средства производства и тем самым представлял собой основу для закономерного перехода к коммунизму⁶¹, — все это осталось вне поля зрения представителей указанных выше теорий. В то же время буржуазная историческая мысль препятствовала разработке исторического подхода к пониманию истинных причин возникновения капитализма.

Капиталистический способ производства представляет собой не просто переходную стадию к новому общественному строю. Его «историческое оправдание» или историческая задача заключалась прежде всего в том, чтобы путем революционизирования производительных сил создать материальные предпосылки социализма.

«Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова как раз и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии»⁶². Вместо этого буржуазные теоретики оторвали развитие производительных сил от производственных отношений, объявили первые важнейшим признаком классификации обществ: с тех пор страны мира были разделены на «развитые» и «неразвитые».

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции возникла принципиально новая ситуация для прогнозирования будущего капиталистической системы. До 1917 г. буржуазные идеологи отрицали социализм как возможность и грозящую опасность, с момента победы российского пролетариата в октябре 1917 г. они повели атаки на практику победившего социализма. Реальным доказательством отмирания капитализма явилось прежде всего строительство социализма в одной стране, которое окончательно разрушило иллюзию вечности, нормальности и естественности капиталистической системы. Это обнажило «жизненный нерв буржуазной идеологии. Она должна была теперь отражать собственное историческое отрицание как объективную реальность»⁶³. Борьба против реального социализма становится отныне главным содержанием буржуазных общественных теорий.

Смена аргументации при доказательстве вечности капитализма, разумеется, требовала противоположной мотивировки: если различия капитализма и докапиталистических формаций во всех отношениях выступают весьма четко, и это можно было показать достаточно наглядно, то по отношению к социализму сделать это было невозможно, поскольку его производственно-техническую базу составляет порожденная капитализмом крупная машинная индустрия, которая наряду с обобществлением средств производства представляет собой материальные предпосылки нового общественного строя. Как писал В. И. Ленин, «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность...»⁶⁴. Отсюда делался вывод, что в отличие от докапиталистических общественных формаций социализм можно представить как общество, подобное капиталистическому.

Социализм предстает в буржуазной идеологии тоже как «машинная цивилизация», и потому он якобы не от-

личается существенно от капитализма. Это дает возможность одностороннего истолкования социализма в рамках концепций «индустриального общества» и «конвергенции». Кроме того, буржуазия нуждается в иной интерпретации социализма по сравнению с докапиталистическими общественными формациями. Так, все аргументы против социализма в позднебуржуазной идеологии сводятся либо к доказательству экономической и социальной невозможности социализма, т. е. его неспособности к рациональному обращению с крупной машинной индустрией, либо, в случае признания социализма, к утверждению о «тоталитарном» характере социалистического государства, которому присуще наращивание и совершенствование производства. Это характерно и для капитализма. Однако, по мнению буржуазных идеологов, капитализм выгодно отличается от социализма отсутствием насилия, децентрализацией власти и многообразием частнособственнических интересов, которые в свою очередь смягчают и даже тормозят тенденции бюрократизации, «обаппаратчивания» («Verapparatlichung»), «омассовления» («Vermassung») и т. д.

Буржуазные теоретики во что бы то ни стало стремятся узаконить капитализм, представив его как необходимую и не подверженную изменениям систему.

Историко-социологическая мысль М. Вебера определила наиболее последовательный поворот в классовом общественнонаучном сознании буржуазии и в системе аргументации. Что касается последней, то М. Вебер подчеркивал второй вариант: уже перед Великой Октябрьской социалистической революцией Вебер считал вполне возможным образование социалистической общественной формации, однако полагал, что это не разрешит противоречий капитализма, а, наоборот, обострит их.

Вебер был, пожалуй, самым значительным буржуазным теоретиком общества эпохи империализма, оказавшим огромное влияние на дальнейшее развитие буржуазной общественной науки, хотя между выходом в свет его работ и принятием их на вооружение буржуазными идеологами лежит период почти в полстолетия (довольно часто встречающееся явление в истории идеологии). «Гегелевская Сова Минервы иногда начинает свой полет ночью, следующей за всемирно-историческим днем»⁶⁵. Запоздавшее, но, вероятно, именно поэтому более продолжительное влияние М. Вебера объясняется в основном тем, что уже на рубеже веков он

предупреждал об определенных моментах общего кризиса, в который вступило капиталистическое общество в эпоху перехода от капитализма к социализму. Эпоха активного использования его идей началась только после второй мировой войны. Толчком к «признанию» концепции Вебера в американской социологии явились «всемирно-исторические проблемы Америки после второй мировой войны», побудившие идеологов этой страны к «духовной переориентации»⁶⁶. Тогда и началось возрождение идей Вебера в общественной мысли капиталистического мира⁶⁷. Все буржуазные теоретики второй половины XX в. долго находились под влиянием идей Вебера, этого «буржуазного Маркса»⁶⁸, являвшегося наряду с К. Марксом «интереснейшей фигурой исторической социальной науки»⁶⁹; они могли в какой-то мере воспринимать основные положения концепции Вебера или оспаривать их, однако в любом случае были вдохновлены ими.

В чрезвычайно многогранном и отчасти противоречивом творчестве Вебера главной темой были генезис и структура западного капитализма. В центре его внимания стоял вопрос о происхождении современного капитализма или причинах его отсутствия. Если подходить к содержанию и форме веберовских работ с историко-экономической и социологической точек зрения, то их можно квалифицировать как подготовку острой полемики о перспективах капитализма в условиях борьбы монополистической буржуазии против революционного рабочего движения и марксизма. Вебер стремился разработать новую систему историко-теоретического обоснования буржуазного общества в период империализма и в условиях стоявшей на повестке дня пролетарской революции. Авторы теорий «модернизации» подхватили интерпретацию Вебером происхождения капитализма из идеологии, сущностное определение капитализма как воплощения рациональности, а также его истолкование социализма.

Объяснения капитализма из идеологии. Хотя Вебер не дал «четкого объяснения причинной детерминации происхождения капитализма из религиозного духа», тем не менее он так искусно излагал положение вещей, что читатель мог взять на себя «ответственность делать философско-идеалистические выводы и рассматривать исторический материализм как исчерпавший себя»⁷⁰. Так фактически были перевернуты отношения между базисом и надстройкой, между экономикой и идеологией; при

Этом оспаривался примат экономики, а соотношение экономики и религии ставилось с ног на голову, так как причиной происхождения современного капитализма было объявлено возникновение в некоторых странах Западной Европы кальвинизма и пуританизма. Для доказательства этого Вебер написал очерк мировой истории религии, где довел до логического конца тезис о том, что только протестантизм породил в Западной Европе капиталистическую экономическую этику накопления (*kapitalistische Wirtschaftsethik der Akkumulation*), рационализации (*Rationalisierung*) и расчетливости (*Kalkulierbarkeit*), в то время как все азиатские и античные религии тормозили и (или) вовсе исключали расцвет капиталистической экономической этики.

Идея отрицания первоначального накопления в качестве основного, исходного условия формирования капитализма была подхвачена и использована теоретиками «модернизации», чтобы не только отвлечь критиков из освободившихся стран от проблем колониализма, но и сформировать у них желание подражать процветающей капиталистической экономической этике Запада, а также, опираясь на данную идею, внушить мысль о целесообразности тех или иных изменений капиталистического общества. При этом буржуазные теоретики настолько выходили за рамки сказанного Вебером, что рассматривали исторически сформировавшиеся капиталистические идеи и учреждения в отрыве от условий их возникновения и преподносили сами эти идеи и учреждения как естественные условия развития, универсально действующие во всех обществах, переживающих «модернизацию».

К примеру, Парсонс выделил из общественного процесса развития так называемые универсалии (религию, язык, дифференцированные социальные функции, бюрократию, финансовую и рыночную организации, образование демократических норм, обуславливающих согласие, и т. д.), формирование которых вызывало изменение системы ценностей и влекло за собой структурные преобразования. Вслед за Вебером он исследовал религии и их воздействие на общественную систему ценностей. С помощью таких фундаментальных понятий, как «норма институционализации» («*Norminstitutionalisierung*»), «ориентация поведения» («*Handlungsorientierung*»), «дифференциация» («*Differenzierung*»), «интеграция» («*Integration*») и «стабилизация» («*Stabilisierung*»), Парсонс описал способность общества к приспособлению с целью мо-

дернизации. При этом он имел в виду именно современный капитализм, структуры которого проецировались на историческое прошлое. Тем самым они были объявлены обязательными и неизбежными. Отклонения от этой нормы казались ему лишь неудачными попытками адаптации тех или иных обществ, а альтернативные возможности развития не получили в данной концепции права на существование⁷¹.

Есть и иные варианты применения веберовского подхода к проблеме общественного развития. Так, американский социолог Д. Лернер выводит «социальную мобилизацию» («soziale Mobilisierung») из «психической мобилизации» («psychische Mobilisierung»): те индивиды, которые быстрее всех перенимают «современные», а именно капиталистические, ценности и способы поведения, отличаются от индивидов, оставшихся в плену традиции, более высокой степенью «эмпатии», т. е. психической мобильности («psychische Mobilität»), рационального расчета («rationale Kalkulation»), планирования («Planung») и мобильности («Mobilität») как предпосылок, дающих возможность осуществлять процессы «модернизации»⁷².

Сведение капитализма к рациональности. Сущность капитализма, считал Вебер, составляют «рациональность» («Rationalität») экономики и способность рассчитывать перспективы развития всех социально-экономических процессов. При этом он отделил «рациональность» и «расчетливость» («Kalkulierbarkeit») от их социально-экономических основ и *в их капиталистической форме* представил как надысторические, вневременные категории «современного» общества. Тем самым была предпринята попытка выдать капиталистическую «рациональность» за хозяйственно-экономическую сущность и социалистического общества и объявить социально-экономические и политико-идеологические различия между капитализмом и социализмом второстепенными.

Таким образом, Вебер усматривал в марксистской теории не более чем «побочное явление» буржуазной «рациональности». В результате заимствования веберовского понятия «рациональности» капиталистический путь развития освободившихся стран постулируется в теориях «модернизации» как классово индифферентный процесс. Одни теоретики «модернизации» просто отождествляют развитие с усилением «рациональности»⁷³, другие рассматривают его в соответствии с установленными Вебером четыремя типами социального действия (целе-рацио-

нального — Zweckrationale, ценностно-рационального — wertrationale, аффектированного — affektuelle и традиционного — traditionelle Handeln) как освобождение от традиционного и аффектированного действия и поворот к ценностно-рациональному и целе-рациональному действию⁷⁴, третьи вновь пытаются конструировать модель, опосредующую цели и ценности⁷⁵.

Фактически ни одной из общественных формаций не присуща «независимая рациональность». Как писал К. Маркс в 1847 г. в работе «Нищета философии», все общественные категории имеют конкретно-историческое содержание. Они «столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой *исторические и преходящие продукты*»⁷⁶. Это относится в полной мере и к категории «рациональность», содержание которой определяется конкретной исторической общественной формацией и определенными классовыми интересами⁷⁷.

Интерпретация социализма. В основе веберовского истолкования социализма лежало искаженное представление о его сущности⁷⁸. Вебер подходил к определению социализма односторонне, подразумевая под социализмом ликвидацию частного капитализма (Privatkapitalismus) и социализацию (Socialisierung), которую он в сущности сводил к бюрократизации. Проблема бюрократизации играла центральную роль в его концепции. Вебер видел в бюрократизации неизбежное следствие «рациональности» и прогнозировал соответствующую всем индустриальным обществам внутреннюю тенденцию: промышленный производственный аппарат подчинит себе людей, человечество неизбежно попадет под власть его требований. Ликвидация частного капитализма привела бы не к устранению процессов бюрократизации, а к их усилению: «Возрастающая «социализация» сегодня означает одновременно неуклонно усиливающуюся бюрократизацию», так как она является «формально *наиболее рациональной формой* осуществления господства» и как таковая, «будучи обусловлена потребностями массового управления... становится сегодня совершенно неизбежной»⁷⁹.

Выведение процесса бюрократизации из «рационализации» («Rationalisierung») было связано у Вебера с извращенным пониманием им сущности социалистического государства. Поскольку он видел в диктатуре пролетариата только концентрацию власти и применение насилия и не видел функцию организации нового обще-

ства, подчеркивал ее разрушительную, а не созидательную функцию⁸⁰, постольку он никогда не понимал сути социалистической демократии⁸¹, видя в социализме лишь осуществление тенденции к уничтожению свободы, заложенной и в капиталистической «рационализации». «Государственная бюрократия,— писал он,— господствовала бы сама по себе, если бы частный капитализм был ликвидирован. Работающие сейчас рядом и по крайней мере по возможности друг против друга, следовательно, все же до некоторой степени держащие друг друга в страхе частные и общественные бюрократы были бы сплавлены в единую иерархию. Приблизительно так же, как в Египте и вообще в древности, только в несравненно более рациональной и поэтому более устойчивой форме»⁸².

Характер заимствования веберовской интерпретации социализма его последователями — буржуазными идеологами — зависел прежде всего от изменяющихся потребностей классового противоборства в международном масштабе после второй мировой войны и обнаруживал определенные различия в зависимости от страны и соответственно от главных направлений удара. Так, во времена «холодной войны», когда господствовал традиционный воинствующий антикоммунизм, понимание социализма как одного из вариантов общеисторического процесса «рационализации» было не очень популярно по сравнению с его истолкованием как бюрократического строя, которое подготавливало почву для доктрины тоталитаризма⁸³. Оно представило интерес для буржуазных идеологов в период разрядки, когда в концепциях «индустриального общества» и «конвергенции» была дана новая интерпретация исторической роли социализма и поэтому могли быть «устранены» качественные социально-экономические и политические различия между общественными системами в условиях ширящегося процесса формирования «индустриального общества». В 60-х годах ревизионизм объединил оба элемента веберовского понимания социализма в целях дискредитации новой общественной системы, которая хотя и признавалась экономически рациональной и выгодной, однако в то же время объявлялась бюрократически-дегенеративной⁸⁴.

Признание взглядов Вебера в США означало возникновение исторической псевдоперспективы для развития американской социально-теоретической мысли и способствовало освобождению ее от этноцентрической ограни-

ченности и пристрастия к эволюционным теориям викторианской эпохи. Это содействовало ослаблению наметившегося было влияния марксизма на американские общественные науки. «Его работы предоставили аналитические средства, которые были едва ли менее значительными, чем те, которые создал Карл Маркс... Марковский и веберовский методы анализа конкурировали в сфере теоретической мысли целого поколения американских ученых»⁸⁵. Сравнительно-исторический метод Вебера стал главной методологической базой формирования новейших теорий «модернизации».

Функционализм буржуазной социологии и этнографии XX в. Ни с позиций этнологии, ни с точки зрения социологического функционализма⁸⁶ не представлялось возможным обосновать теорию общественного развития, тем не менее при формировании теорий «модернизации» функционализм сыграл определенную роль в двояком отношении. Прежде всего в первоначальные теории «модернизации» вошли представления сторонников функционализма об обществе как самосохраняющейся равновесной системе, все элементы которой постоянно находятся в процессе приспособления и интеграции. В начале 50-х годов Парсонс в своей *AGIL*-схеме сформулировал условия сохранения социальной системы:

- 1) адаптация к внешнему окружению (*adaptation. — A*);
 - 2) достижение целей системы (*goal-attainment. — G*);
 - 3) интеграция ее элементов (*integration. — I*);
 - 4) поддержание нормативной структуры (*latent-receptive meaning integration and energy regulation. — L*).
- Позже эта схема была названа «*pattern-maintenance*»⁸⁷.

В результате в ранних теориях «модернизации», особенно в теориях, господствовавших в США, часто можно было встретить вывод о том, что указанных выше условий вполне достаточно для формулирования признаков высокой культуры, свойственных странам «западной цивилизации» с их «несравненными способностями к приспособлению»⁸⁸, особенно Соединенным Штатам. Этот вывод переносится и на освободившиеся страны для доказательства того, что развертывание процесса «модернизации» будет способствовать установлению в них стабильного капиталистического порядка.

После отказа от первоначальных моделей «модернизации» функционалисты развивали свои основные идеи

В несколько ином направлении: их абстрактный социологизм был несколько смягчен. На первом плане оказались проблемы повышения способностей общества к самоуправлению и приспособлению к экзогенным и эндогенным изменениям и структурным условиям «современного» развития, а также вопрос о мобилизации людей и ресурсов посредством согласования узаконенных политических решений. В 60-е годы к «эволюционным универсалиям»⁸⁹ Парсонс относил, между прочим, торговую и финансовую системы, бюрократическую организацию, универсальную правовую систему и демократическую политическую систему, являющуюся, по его мнению, результатом согласования⁹⁰. Таким образом, функционализм, обогащенный конкретно-историческими элементами, прямо или косвенно воздействовал на новейшие теории «модернизации». Его влияние особенно сказалось на модели «современной» политической системы, которая с начала 60-х годов разрабатывалась «Комитетом по сравнительной политике при Совете социологических исследований»⁹¹ Принстонского университета.

3. Проблема восприятия и адаптации

Поскольку буржуазные социальные теории возникли в иных исторических условиях и отражали ранние ступени развития капиталистической формации, постольку, как правило, их нельзя было в неизменном виде использовать при анализе современных общественных отношений. Поэтому перед позднебуржуазной идеологией встала задача не просто воспринять, а именно адаптировать прежние идеи. Адаптацию понимали как 1) отрыв заимствованных идей от их конкретно-исторической основы и восприятие их в качестве «чистого духовного продукта»; 2) приспособление их к современным условиям капитализма, переживающего третий этап общего кризиса, т. е. модификацию и трансформацию данных идей применительно к сегодняшним политико-идеологическим потребностям буржуазии. При таком догматическом подходе к истории появилась возможность вырвать комплекс идей или отдельные идеи, как элементы мозаики, из традиционной системы мышления и интегрировать их в современную систему⁹².

Как отмечалось, буржуазные теории общества до конца XIX в. предназначались в сущности для идеологического и теоретического отграничения капитализма от докапиталистических общественных формаций. Сегодня

же обоснование закономерности капитализма в противовес реально существующему социализму стало центральной темой буржуазных общественных теорий. Разработка альтернатив объективному, закономерному характеру общественного развития в современную эпоху перехода от капитализма к социализму представляет сегодня их главное содержание. Это имеет важное значение и для их структуры.

Уже в 1857 г. К. Маркс во «Введении» к «Критике политической экономии» обратил внимание на то, что познание структуры и процессов изменения высокоразвитого общественного организма является предпосылкой к глубокому пониманию структуры предшествующих форм общества⁹³. С точки зрения тогдашнего высокоразвитого капиталистического общества и мог быть проведен анализ предшествовавших общественных форм. Элементы капитализма служили критерием для исторической классификации каждой прежней общественной формы при ее сравнении с ним. Как писал К. Маркс, «буржуазная экономика дает нам... ключ к античной и т. д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают (буржуазные. — Г. Р.) экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех формах общества видят формы буржуазные... Поэтому, если верно, что категории буржуазной экономики заключают в себе какую-то истину для всех других форм общества, то это надо понимать лишь *cum grano salis* (дословно: «с крупинкой соли»; в переносном смысле: «с оговоркой», «не вполне буквально». — *Ред.*)». И далее: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике...»⁹⁴

Между прочим, односторонность проявляется при конструировании дихотомических схем, когда выхватываются отдельные стороны капиталистического общества, изолируются и противопоставляются соответствующим сторонам докапиталистических общественных формаций. Вследствие этого целостность общества представляется в виде одномерной схемы, а реальный исторический процесс расчленяется на линейные (*linear*) потоки, которые вливаются в капитализм. К. Маркс подчеркивал: «Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при рассмотрении поступательного движения экономических

категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове субъект — здесь у нас современное буржуазное общество — есть нечто данное и что категории выражают поэтому формы наличного бытия, определения существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта, и что оно поэтому *также и для науки* начинается отнюдь не там только, где речь идет о нем *как таковом*»⁹⁵.

Принципиально иное отношение высказывают буржуазные теоретики к более высокой, коммунистической формации. Положение К. Маркса о том, что анализ высоко развитого общества делает возможным глубокое понимание предшествующих состояний общества, можно интерпретировать в том плане, что с точки зрения менее развитой формы общества научное познание более высокой формации невозможно, поскольку эта точка зрения неизбежно ограничена и не может преодолеть свойственные ей границы познания. История исследования социализма в буржуазной науке служит этому убедительным доказательством. Как показывает анализ теории «конвергенции»⁹⁶, буржуазные идеологи применяют к социализму категории буржуазной науки и измеряют его мерками буржуазного общества. Таким образом, буржуазные идеологи оказываются не в состоянии осознать «значение» капитализма как «преддверия» социализма. Так, они не понимают того, что «в трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества»⁹⁷. Наконец, они не могут осознать и того факта, что государственно-монополистический капитализм создает *материальные* предпосылки социализма и является непосредственно *предшествующей ему ступенью* в истории общества⁹⁸. Признаки государственно-монополистического капитализма трактуются скорее как проявление общей закономерности развития производительных сил в «индустриальном обществе» и, следовательно, как присущие обоим общественным формациям.

В теориях «модернизации» ситуация в освободившихся странах изображается как движение докапиталистических обществ к капитализму. Авторы этих теорий игнорируют открытое осуждение капитализма в освободившихся странах, растущее влияние социалистических идей и успешные попытки развития по некапиталистическому или социалистическому пути некоторых из этих

стран. Таким образом, данные теории предназначены, с одной стороны, для приспособления буржуазной идеологии к новым историческим условиям, а с другой — для резкого противопоставления капиталистической и социалистической (или некапиталистической) моделей развития. Они преподносят капиталистическую «модернизацию» в качестве объективной закономерности развития общества. В этом отношении они являются наследниками эволюционизма и дихотомических схем XIX в., хотя и не используют их методы наивной, прямой апологии капитализма. А их главная идея — рассматривать капитализм в качестве смысла и конечной цели истории, объяснять и оценивать с помощью этой идеи все современные общественные процессы — была воспринята в неизменном виде. Онтологизация капитализма, т. е. превращение его характерных, исторически обусловленных, переходящих свойств в сущностные, вечные, является основной постоянной чертой буржуазной общественной мысли в целом и буржуазной идеологии в частности.

Однако в условиях, когда социализм победил и осуществляется его целенаправленное, планомерное развитие, когда колониальная система империализма потерпела полный крах, эта идея не может быть использована в ее первоначальном виде по отношению к освободившимся странам. Капитализм и колониализм слишком дискредитировали себя, слишком близка сегодня социальная революция. Иначе, чем в XIX в., представляются в настоящее время некапиталистический и социалистический способы развития, поскольку они успешно осуществляются на практике. Идущая от идеологов восходящей буржуазии интерпретация общественного развития как *революционного становления* капитализма оказывается перед лицом надвигающейся социалистической революции слишком опасной. Поэтому теоретики «модернизации» выступают за сохранение социального статус-кво капитализма и приходят в ужас от идеи о возможности его революционного преобразования.

Сохранение статус-кво стало проблемой номер один в капиталистическом мире, боязнь революции вызвала к жизни реальную угрозу атомной войны со стороны буржуазии. М. Леви-младший пишет: «С точки зрения представителей относительно или высоко модернизированных обществ социальная стабильность является сегодня центральной проблемой... Вполне вероятным результатом внутренней нестабильности... может стать массовое уничтожение человечества»⁹⁹. Необходимость

революции отрицается, развитие сводится к эволюции. «Поскольку модернизация является результатом более или менее значительных эволюционных процессов, а формирование системы колониализма выступает лишь как стадия этой эволюции, постольку революцию следует рассматривать как не свойственный процессу модернизации элемент»¹⁰⁰.

Дихотомические модели также не могут быть заимствованы в неизменном виде. Хотя теоретики «модернизации» обращаются к методу противопоставления контрарных признаков и развивают этот метод, тем не менее они признают, что должен меняться его ценностный подтекст (импликация) и содержание. В результате была устранена содержащаяся в некоторых дихотомических моделях критика капитализма (Тённис), а также характерное, особенно для дофашистской немецкой социологии, понимание капитализма как упадка (Фейер)¹⁰¹. Более того, не желая показать реальную картину современного капитализма, некоторые теоретики «модернизации» вообще не употребляют понятие «капитализм».

При перенесении теоретиками «модернизации» их интерпретаций социализма на освободившиеся страны возникают и специфические проблемы, которые заставляют их делать определенные отступления от общей схемы. Главная задача состоит теперь в том, чтобы выдавать социалистический путь развития лишь за возможный вариант «модернизации», а ленинизм — за применение теории «модернизации» в отсталых странах диктаторскими методами в исторически короткий срок. Тем самым социалистический путь развития лишается своего собственного социального содержания и сводится к задаче преодоления отсталости¹⁰².

При этом теоретики «модернизации» впадают в противоречие с собственными предпосылками: они не могут не видеть способности освободившихся стран, избравших путь социалистической или некапиталистической ориентации, к «модернизации», ибо налицо большие успехи этих стран, а главное — их четкое стремление к быстрому преодолению отсталости. Чтобы избежать нежелательного «эффекта бумеранга», буржуазные теоретики утверждают, что эти страны якобы способны решать определенные проблемы более успешно, чем страны капиталистической ориентации, хотя указанная способность характерна лишь для начальной фазы «модернизации». После завершения данной фазы «режим мобилизации» («mobilization-regime») — так именуется госу-

дарственная власть в странах некапиталистической или социалистической ориентации) — должен распасться, в противном случае, по мнению теоретиков «модернизации», он очень скоро становится препятствием для дальнейшего прогресса¹⁰³.

Аналогичная ситуация возникает при оценке роли государства вообще и его отношения к капиталистическому предпринимательству в частности. Учитывая важную роль, которую играют государство и государственный сектор в освободившихся странах, сторонники теорий «модернизации» предпочитают значительно умерить прославление капиталистической частной собственности и свободного предпринимательства — двух постоянных объектов апологетики капитализма. Так, Т. Парсонс и С. Н. Айзенштадт подчеркивают различие между капиталистическим развитием Западной Европы и процессом «модернизации» в освободившихся странах: если в Западной Европе предпосылками возникновения индустриального общества явились предпринимательство и невмешательство государства, то в освободившихся странах, напротив (как ранее в России и затем в СССР, а также в Японии), для этого понадобились авторитарные меры со стороны государства. Установление «диктатуры воспитания» («Erziehungsdiktatur») порождало бы в таких странах лишь предпосылки для «подражания» («take-off») ¹⁰⁴.

Теории «модернизации»
и исследования «модернизации» в США

1. «Первоначальная» модель «модернизации»
и ее крах

Как идеологический продукт империализма США теории «модернизации» первоначально отличались резким американским этноцентризмом и духом исключительности, корни которых уходят в историю Америки. С первыми европейскими поселенцами пришла и пуританская вера в их особое предназначение, которая сначала проявилась в религиозной догматике, а позже послужила причиной возникновения отделившихся от церкви общин, таких, как «американский Израиль» и «Новый Сион». Из-за отсутствия феодальных отношений и наличия «свободных» районов заселения на Западе субконтинента в конце XIX в. сформировалась идея уникальности американского пути развития.

В буржуазном самосознании Соединенные Штаты Америки представлялись примером республиканской свободы, прогресса и материального благосостояния. Эти идеи укреплялись в сознании американских миссионеров, формируя представление о том, что целью истории, которая непременно должна быть достигнута, является преобразование всего мира по американскому образцу. Этот образец выступает роковым предназначением и «Манифестом Судьбы»¹. С переходом к империализму миссионерское сознание приобретало характер экспансионистской идеологии, морально оправдывающей империализм Соединенных Штатов и маскирующей его стремление к мировой гегемонии.

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции американский этноцентризм все больше приобретал оттенок воинствующего антикоммунистического морализирования. Во время второй мировой войны притязания США на перекройку мира по их образцу нашли выражение в мифах об «Одном мире» (по названию книги кандидата в президенты от республиканской партии

на выборах 1940 г. Венделя Уилки, опубликованной в 1941 г.) и об «Американском столетии» (по названию опубликованной в 1941 г. книги американского издателя Генри А. Льюса). Укрепившееся за два послевоенных десятилетия экономическое и политическое положение США в мире послужило основанием для самонадеянного утверждения, что «Соединенные Штаты несут ответственность за все нации благодаря своим демократическим институтам и поразительной производительности («Produktivität»), распространяя свою благотворительность на другие, менее счастливые нации мира»².

В то же время возрастание роли США обусловило появление этноцентрического самодовольства, характерного для первоначальных теорий «модернизации», в которых американское общество послевоенных десятилетий изображалось как реализованная утопия и естественный образец развития не только для стран Азии, Африки и Латинской Америки, но и для всего мира: американское общество рассматривалось прежде всего как основанное на едином образе мыслей и соединяющее на демократической основе «непревзойденное экономическое благосостояние и политическую стабильность... Будущее современного общества не представлялось теперь сомнительным; лишь будущее развивающихся стран казалось проблематичным. Именно такая атмосфера самодовольства и чванства могла породить мнения, что «модернизация» является всеобщим благодеянием и что институты и ценности американского общества... представляют собой такую модель, которой должны следовать другие, менее счастливые общества»³.

Не удивительно, что в условиях усиленной пропаганды превосходства американской цивилизации в первоначальных теориях «модернизации» стали оживать элементы идеологии расизма и социал-дарвинизма, выражавшиеся в открытой или завуалированной форме. В основе представления о культуре белого, англосаксонского, протестантского среднего класса (для его обозначения в американском разговорном языке употребляется сокращение WASP) как образце лежала социал-дарвинистская идея «выживания лучших». Буржуазно-либеральные критики теорий «модернизации» справедливо усматривали в этом дискриминацию народов «третьего мира» и характеризовали теории «модернизации» как форму интеллектуального, или культурного, империализма⁴.

В то же время авторы указанных теорий полностью

отрицали или игнорировали ответственность системы колониализма за отсталость освободившихся стран. Теоретики «модернизации» не принимали во внимание роль колониальных властей в разрушении самобытной культуры поработенных народов, в сдерживании их развития, а также замалчивали то значение, которое в свое время имела колониальная эксплуатация для зарождения и развития капитализма в Европе и Северной Америке. Система колониалистской политики и практики почти полностью выпадала из поля зрения авторов ранних теорий «модернизации». Причины, порождавшие открытую или завуалированную апологетику колониализма, лежали в империалистических классовых интересах теоретиков «модернизации». «Нельзя понять ответственности колониализма, не принимая во внимание его существование и последствия»⁵. Замалчивание разрушительного и тормозящего воздействия колониализма на развитие угнетенных и эксплуатируемых народов сопровождалось объяснением их отсталости мнимой неспособностью или подчиненностью⁶, тогда как более высокое технико-экономическое и социальное развитие стран Запада интерпретировалось в духе социал-дарвинизма и расизма, как результат превосходства западно-европейских и североамериканских народов над народами колоний.

Нетрудно увидеть в этих тезисах модифицированные варианты традиционной колониалистской апологетики, теории «культурной миссии» колониализма, предназначения белой расы нести цветным народам культуру и цивилизацию, воспитывать в них европейскую «рабочую культуру», «промышленное прилежание» и таким образом цивилизовать их. Подобные взгляды господствовали еще в 50-х годах XX в. и в такой форме вошли в первоначальные теории «модернизации». Однако с крушением империалистической колониальной системы и выходом большого числа бывших колониальных, угнетенных народов на арену мировой политики в качестве самостоятельных, имеющих собственную государственность субъектов эти псевдопатриархальные, или расистские, социал-дарвинистские концепции в начале 60-х годов оказались уже непригодными.

Поворот к неоколониализму потребовал переориентации колониальной апологетики. Поскольку народам освободившихся стран больше нельзя было приписывать мнимую роковую, расово обусловленную биологическую неспособность, или неполноценность, постольку аргумен-

тация была перенесена в сферу социального развития, причиной их отсталости были объявлены отсталость традиционных социальных структур и отсутствие мотивации к результативному труду, которые якобы блокировали эндогенный образ жизни и потому могли быть сломлены и преодолены только внешними силами. В результате такого подхода роль колониализма и неоколониализма в 60-х годах оценивалась иначе: они изображались теперь как необходимый и незаменимый внешний импульс «модернизации», как историческая предпосылка экзогенной «модернизации».

В связи с этим для переориентации апологетики колониализма некоторые теоретики «модернизации» пытались использовать понимание К. Марксом⁷ двойственной роли британского колониализма в Индии, стремились превратить К. Маркса в главного свидетеля в пользу невозможности эндогенной «модернизации» традиционного общества, в духовного прародителя теории «модернизации» и интегрировать его учение в концепцию «модернизации», что с неизбежностью приводило к грубым фальсификациям⁸. Израильский историк Авинери заменил точный и ясный понятийный аппарат, служивший К. Марксу для описания генезиса капитализма, понятием «модернизация». При этом данное понятие не только вводилось как само собой разумеющееся для объяснения возникновения капиталистической формации, но и молчаливо и бездоказательно приписывалось К. Марксу. Таким образом, у неинформированного читателя создавалось впечатление, будто К. Маркс высказывался не о генезисе и преодолении капитализма, а о «туманном» процессе его «модернизации». Так, Авинери утверждал: «Марксовы критерии модернизации (хотя он никогда (!) не употреблял этого понятия дифференцированно (!)) поразительно схожи с теми, которые господствуют в современной общественно-научной литературе»⁹. Он создавал видимость сходства Марксовых понятий с понятиями «расколдовывание» («Entzauberung») и «рациональность» («Rationalität») Вебера и таким образом незаметно превращал К. Маркса в историка и теоретика «модернизации». Г.-У. Велер, хотя и подходил к вопросу не столь прямолинейно и грубо, тем не менее тоже стремился включить марксистскую теорию общества в систему теорий «модернизации» и тем самым нивелировал ее, однако по ряду основных теоретических вопросов он развивал положения, противоположные марксизму¹⁰. В целом теоретики «модерниза-

ции» не очень поддерживали подобные попытки¹¹ из-за явной несовместимости их конкретизации с учением К. Маркса, что не исключало эклектического заимствования ими отдельных элементов исторического материализма. В настоящее время тенденции выдвигать теории «модернизации» в качестве альтернативы историческому материализму и марксистской интерпретации истории новейшего времени более сильны, нежели попытки представлять исторический материализм в качестве предшественника или составной части теорий «модернизации».

Имплицитное или эксплицитное оправдание колониализма и неоколониализма как якобы внешних стимулов «модернизации» никоим образом не соответствует их действительной исторической роли. Постепенное (начиная с XVI в.) включение народов стран Азии, Африки и Америки в складывавшееся мировое капиталистическое хозяйство вело в силу внутренних закономерностей развития капиталистического способа производства к установлению отношений эксплуатации и зависимости колоний. В рамках этих отношений буржуазия «поставила в зависимость... Восток... от Запада»¹² и разделила «нации на небольшое число угнетающих, великодержавных (империалистских), полноправных, привилегированных наций и громадное большинство угнетенных, зависимых и полузависимых, неравноправных наций»¹³.

Сущность таких отношений заключалась в том, что господствовавшая в колониальных государствах буржуазия метрополий присваивала прибавочный труд (а зачастую и часть необходимого труда) угнетенных народов и превращала его в новый капитал. Тем самым колониальная эксплуатация как элемент первоначального накопления капитала способствовала формированию и развитию расширенного капиталистического воспроизводства. Вместе с тем, хотя докапиталистические формы производства в эксплуатируемых и зависимых странах были подорваны и расстроены и могли складываться элементы капиталистического способа производства, колониальная политика не позволяла этой возможности реализоваться, сдерживая быстрое и пропорциональное развитие в них производительных сил, а соответственно и перестройку производственных отношений¹⁴.

Восток заплатил за свое включение в мировое капиталистическое хозяйство разрушением старых, традиционных отношений и неспособностью установить новые.

В силу действия закономерностей мирового капиталистического хозяйства страны, в которых сохраняются эксплуатация и зависимость, ведущие их к «отсталому дезинтегрированному, гетерогенному социально-экономическому базису, не представляющему собой органической системы (т. е. такой, которая содержит в себе необходимые предпосылки для собственного воспроизводства и более высокого развития), могут сохранить свою жизнеспособность только в рамках капиталистического мирового хозяйства в качестве его функциональной и зависимой части...»¹⁵. Таким образом, закономерности эксплуатации и зависимости в рамках мировой капиталистической экономики ведут не только к отсталости, но одновременно и к расширенному воспроизводству при-сущих капитализму предпосылок.

Вопреки утверждениям теоретиков «модернизации» значение колониализма для современных развивающихся стран состоит не в передаче благодатного импульса с целью преодоления их отсталости, а в порождении деформированной социально-экономической структуры как предпосылки воспроизводства и углубления на этой экономической основе системы зависимости и эксплуатации, как предпосылки интеграции этих стран в качестве функциональных, зависимых и подчиненных членов мировой экономической системы капитализма¹⁶. Данный процесс обусловил то, «что сам по себе крах важнейших колониальных империй после второй мировой войны привел не к какому-либо глубокому нарушению всей прежней социальной структуры капиталистического мирового хозяйства»¹⁷, а к углублению и расширению неоколониалистской эксплуатации империализмом бывших колоний вследствие их экономической и структурной зависимости и отсталости.

Первоначально теории «модернизации» характеризовались резким противопоставлением «традиционализма» и «модернизма», вульгарно-материалистическим экономическим детерминизмом и особенно отождествлением «модернизации» с индустриализацией. Теоретики «модернизации» усматривали причины социально-экономической отсталости главным образом в низком доходе на душу населения, что объяснялось отсутствием некоторых показателей, характеризующих экономически развитые капиталистические государства (капитал, современная технология, дух предпринимательства и т. п.). Таким образом, развитие понималось лишь как рост производства на душу населения¹⁸. Политика развития сводилась

в основном к проблеме экономического спада, который объяснялся отсутствием индустриализации. Как остроумно заметил К. Шулер, если из «индустриального общества» вычтеть «развитое общество», то полученную разницу можно считать программой развития¹⁹. Повышение дохода на душу населения представлялось ключевой проблемой капиталистической «политики развития». Отсюда был сделан вывод о необходимости внедрения социально-экономических отношений и духа предпринимательства, свойственных капитализму, в бывшие колониальные общества. Программа «модернизации» была направлена в первую очередь на повышение экономического роста за счет иностранных инвестиций; в ней были намечены два главных направления осуществления этой задачи: сбалансированный (Р. Нурске, П. Розенштайн-Родан) и несбалансированный (А. Гиршман) хозяйственный рост.

Высшую цель этой экономической модели развития сформулировал У. Ростоу в книге «Стадии экономического роста». В ней были описаны условия, при которых начинается промышленный рост, а именно: если норма инвестиций превышает 10% национального дохода, то формируется один или несколько ведущих секторов в промышленности и образуется институциональная основа, благоприятная для промышленного развития, и таким образом народное хозяйство (Volkswirtschaft) вступает в фазу саморазвития²⁰. Теоретические разработки Ростоу основывались на общеисторической предпосылке: после «подъема» (take off) развитие всех индустриальных стран будто бы с неизбежностью становится однолинейным и идет по пути к зрелости и веку массового потребления, а затем к такому состоянию, когда цели потребления достигаются свободно. «Подъем» — это критическая стадия, на которой можно решать вопрос о капиталистическом или социалистическом пути «модернизации». Только на этой стадии общества, осуществляющие индустриализацию, оказываются восприимчивыми к идее коммунизма, поскольку именно коммунистический способ управления может привести к ускоренной индустриализации и потому обладает для обществ, находящихся на стадии индустриализации, большой притягательной силой. Позже, на стадиях зрелости и массового потребления, вследствие насыщения товарами общество, как утверждает Ростоу, способно выработать иммунитет против коммунизма — «болезни переходного периода». Следовательно, делал он вывод,

США должны поддержать стремление «переходных обществ» к индустриализации по капиталистическому образцу путем инвестиций и содействия частному предпринимательству²¹.

Однако воплощение этой концепции в реальной политике, в частности в программах иностранной помощи, разработанных администрациями Кеннеди и Джонсона, оказалось невозможным. Она потерпела неудачу, поскольку ее авторы игнорировали социальную реальность постколониальных обществ, рассчитывая на стихийное формирование частного сектора в сотрудничестве с иностранным капиталом.

Было признано, что без глубоких преобразований социальной структуры, способов и норм поведения чисто экономическая политика развития, ориентированная на механическое перенесение отношений капиталистических стран в освободившиеся страны, обречена на провал. Исходящая из либерализованной национальной экономики (*liberalistische Nationalökonomie*) гипотеза о том, что экономическая политика должна ориентироваться на принцип максимальной прибыли и что частное предпринимательство является сущностью внеисторического индивида, обнаружила свою несостоятельность и не выдержала столкновения с докапиталистическими социальными структурами и традиционными нормами поведения, поэтому от нее пришлось отказаться²². Экономические горизонты оказались слишком узкими.

2. «Реформа» теорий «модернизации» и исследования процессов «модернизации»

Принципы теорий «модернизации», разработанные для освободившихся стран, подверглись в 60-е годы исключительно быстрой и глубокой «эрозии», как, впрочем, и теория «конвергенции», касавшаяся и перспектив реального социализма. Причины этого заключались в конечном счете в крахе той стратегии, при помощи которой империализм США пытался ответить на вызов, брошенный в эти годы (в условиях прогрессирующего кризиса США — ведущей силы капиталистического мира) странами реального социализма и национально-освободительным движением стратегии размягчения (*Aufweichung*), раскола и разложения социализма («изменение через сближение») ²³, неоколониалистской стратегии администраций Кеннеди и Джонсона²⁴. США не смогли ни подтолкнуть контрреволюцию в социалисти-

ческом мире, ни блокировать процесс некапиталистического развития в освободившихся странах.

Развертывание и обострение внутривнутриполитических противоречий в крупнейшей империалистической державе привело к тому, что ряд важнейших гипотез и положений теорий «модернизации» оказались просто абсурдными. В результате исследования «модернизации» зашли в тупик. Это было вызвано двумя причинами: во-первых, под влиянием обострения расовых конфликтов, углубления социальных противоречий, нарастания студенческого движения, разрушения городов, роста преступности и т. д. в значительной мере померк образ США как естественной конечной цели для освободившихся стран и как модели будущего человечества. Во-вторых, американская агрессия во Вьетнаме привела к утрате ими авторитета за границей. В итоге этноцентрическое самодовольство первоначальных теорий «модернизации» испытало глубокое потрясение.

Все это привело к тому, что мировоззренческие предпосылки теорий «модернизации» оказывались все более сомнительными. «Как может Запад служить моделью для высокоиндустриальных обществ,— писал Д. Аптер уже в 1965 г.,— если он игнорирует многие свои обязательства в области гражданских прав, бедности, воспитания и иностранных дел?»²⁵

Как подчеркнул один из американских критиков теорий «модернизации», Д. Типпс²⁶, первоначальные теории были продуктом «определенной фазы развития определенного общества — Соединенных Штатов», поэтому причины их кризиса следует искать исключительно во внутриамериканских процессах. «Когда изменились условия, в которых возникли теории «модернизации», когда участились политические убийства, углубились расовые конфликты и распри между поколениями, расширились масштабы войн за границей, насилие внутри страны, когда исчезло согласие в разрешении конфликтов и уверенность в будущем Америки, тогда многие фундаментальные ценности, связанные с «модернизацией», и прежде всего такие, как разум и прогресс, были поставлены под сомнение, и поток теорий «модернизации», как казалось, пошел на убыль»²⁷.

В этих правильных оценках, касающихся внутриамериканских причин, умалчивается (может быть, по причине скрытого этноцентризма) о реакции тех, кому теории «модернизации» адресованы,— освободившихся стран. А между тем, и это было второй причиной кризиса те-

рий, в освободившихся странах теории «модернизации» все чаще встречали отрицательное отношение. Приукрашивание колониализма, точнее, его скрытая апологетика теоретиками «модернизации» рассматривалась как идеологический атрибут неоколониализма, решительно отрицались его завуалированный социал-дарвинизм и расизм. Рецепты, дававшиеся в теориях «модернизации», как и вообще в неоколониалистской социологии развития, были отклонены освободившимися странами как непригодные для решения их внутренних, специфических проблем²⁸.

Усиление критики неоколониалистской социологии развития связано с расширением влияния марксизма-ленинизма на социологическую мысль освободившихся стран, но одновременно ведет к росту мелкобуржуазного радикализма среди значительной части молодого поколения социологов в освободившихся странах. Их радикализм способствовал восприятию ими левосектантских, маоистских, неотроцкистских и других антикоммунистических идей²⁹.

Растущее осуждение как традиционной, так и «утонченной» апологетики колониализма и неоколониализма привело в капиталистических странах в конце 60-х годов к возникновению новых взглядов на проблему колониализма и неоколониализма. Сторонники этих взглядов старались более не замалчивать факт негативного воздействия колониализма, но и не стремились при этом выяснить суть дела и поставить вопрос о классовом содержании зависимого положения освободившихся стран. Сводя проблематику колониализма к зависимости экономически слабых государств от более сильных, они изображали социалистические страны как якобы желающие извлечь выгоду из колониальных отношений³⁰. Близость этой позиции к концепции «бедные страны — богатые страны» очевидна.

Такой антикоммунистический поворот от апологетики колониализма к его псевдокритике демонстрировал видимость изменившегося отношения к колониализму и империализму и способствовал сближению с ведущими силами в освободившихся странах. Включение радикальных мелкобуржуазных элементов в антикоммунистический фронт вело к усилению антикоммунистического характера их идеологии, а их действия направлялись в безопасное русло, что позволяло буржуазии в самих империалистических государствах начать резкую критику студенческой молодежи и других критически на-

строенных в отношении империализма социальных сил по вопросам, касающимся отношения капиталистических стран к освободившимся. Большинство теоретиков «модернизации» оспаривали в конце 60-х годов существование неокOLONиализма, и он был объявлен изобретением коммунистов. С тех пор неокOLONиализм преподносится буржуазными теоретиками как форма эксплуатации экономически слабых стран экономически сильными партнерами, что отчасти согласуется с псевдодолевой аргументацией, в которой неокOLONиализм изображается как результат появления экономически развитых стран, а социалистическая система отождествляется с капиталистической³¹.

Среди самих теоретиков и исследователей «модернизации» все более усиливались споры о содержании и объеме осуществляемых новаций. Кроме того, теории «модернизации» попали под огонь либеральной и антиимпериалистической критики³², поэтому некоторые исходные положения явно требовали пересмотра, который Г.-У. Велер назвал «учебным процессом теорий «модернизации»» и «впечатляющим достижением» «открытой научной самокритики». Он писал: «Эти затяжные споры привели к тому, что первоначальные позиции все резче дифференцировались, отдельные положения получали новую формулировку или даже отклонялись. Исходя из понимания недостаточности и неприменимости теоретических постулатов к действительности, из потребностей поиска более адекватных для рассматриваемой проблемы понятий было заключено, что теории «модернизации» необходимо пересмотреть, сделав их более умеренными и содержательными эмпирически и исторически»³³.

Кризис теорий «модернизации» привел к явному сокращению соответствующих публикаций и вызвал разочарование, но ни в коем случае не отказ от них. Началась реформа этих теорий, в ходе которой одни мировоззренческие предпосылки были отброшены как балласт, а другие подвергнуты изменениям. Прежде всего было признано относительным притязание на универсальность и действенность американского способа «модернизации» как конечной цели человеческой истории; была исключена открытая или завуалированная апологетика колониализма и империализма, в первую очередь социалдарвинистские и расистские импликации (Implikationen). Затем положения теорий «модернизации» были вновь возвращены на прежние позиции или модифицированы и дифференцированы. Наконец, было осуществлено пе-

ревооружение методологического арсенала теорий. В результате такой перестройки требовалось обосновать теории «модернизации» как «в своей основе социологические, но в значительной степени междисциплинарные. В то же время они должны были стать скорее теориями общих свойств различных процессов, нежели теориями единичных процессов или моделей»³⁴.

Одновременно происходила резкая дифференциация среди теоретиков «модернизации» и ее исследователей, формировалась небольшая группа в основном из молодых политологов, придерживавшихся мелкобуржуазных и антиимпериалистических взглядов и пытавшихся развивать альтернативу теориям «модернизации»³⁵. Эти силы, во многих отношениях похожие на представителей «New Left History»³⁶, выражали растущее у части молодого поколения ученых стремление познать причины, движущие силы и закономерности общественного развития, что было связано с усилением интереса к марксизму, однако без попыток представить его как альтернативу. Поэтому они тоже не смогли создать сколько-нибудь существенный теоретический «противовес» теориям «модернизации», который соответствовал бы их критике³⁷ и решительности их выступлений против «исторических» реалий, описываемых с помощью таких понятий, как «колониализм», «эксплуатация», «империализм» и «революция»³⁸.

Исправлению подверглись мировоззренческие и политико-идеологические основания и методологические аспекты, а также отдельные эксплицитные положения концепции «модернизации».

Во-первых, предполагалось прекратить практиковавшееся до этих пор схематическое перенесение «западных» моделей общества и государства на освободившиеся страны. Подобные попытки на практике оказались невыполнимыми, поскольку противоречили исторической реальности в этих странах и, кроме того, были отвергнуты революционными демократами в самих молодых национальных государствах. Опыт осуществления международных «программ развития» со времен «Программы четвертого пункта» президента Трумэна (1949 г.) также свидетельствовал о том, что «традиционные общества... не способны быстро изменить социальные институты и противостоять вызову внешнего мира. А такой вызов раздается всегда, когда менее развитые страны воспринимают от более развитых картину своего будущего». Следовательно, стратегия развития должна

быть ориентирована на «изменение, а не на перенесение»³⁹.

Исходя из этого, «западные» системы, учитывавшие ключевые позиции получивших независимость молодых государств, специфику и самостоятельность их развития (в том числе существование докапиталистических общественных институтов, сохранение «традиционных» форм поведения и полиэтнических структур), в определенной мере выступают как масштаб для сравнения с целью выявления дефицита развивающихся систем⁴⁰. Тем самым «модернизм» остается строго ориентированным на капиталистическую общественную систему и предполагает исключение возможности ориентации освободившихся стран на некапиталистический или социалистический путь развития и создания в них проимпериалистического порядка.

Во-вторых, считалось необходимым значительно приглушить резкое противопоставление «традиционализма» и «модернизма» и прочих дихотомических моделей. Это требование обуславливалось непосредственными практическими целями неокOLONИализма, а также отказом буржуазной науки от использования этих понятий как эвристических инструментов познания. Практическая задача состояла в том, чтобы направить эволюционное развитие в сторону капитализма и создать стабильную капиталистическую экономическую структуру. При этом некоторые теоретики «модернизации» опасались, что слишком быструю «модернизацию» сменит сначала «революция растущих ожиданий» (revolution of rising expectations), а потом «революция растущих разочарований» (revolution of rising frustrations)⁴¹. Обе, согласно современному буржуазному пониманию революции, могли бы быть «классическими» предпосылками социальной и политической революций и, следовательно, повредить эволюционно-капиталистическому развитию⁴².

Такая ситуация наиболее вероятна для освободившихся стран, поскольку в них происходит усиление требований и временное совпадение тех шести кризисов, которые могут ожидать общество, идущее по пути «модернизации»: а) конфликт между прежними автономными, или привилегированными, группами и государственными институтами (кризис проникновения — Penetrationskrise); б) борьба за преодоление региональных, этнических или религиозных различий (кризис интеграции — Integrationskrise); в) преодоление прежних племенных традиций при образовании нации (кризис идентификации —

Identitätskrise); г) узаконение прав господства новых высших слоев (кризис узаконения — *Ligimitätskrise*); д) приобщение прежде непривилегированных групп к общественно-политической жизни (кризис участия — *Partizipationskrise*); е) проблема перераспределения социального продукта (кризис распределения — *Distributionskrise*)⁴³. В то время как «западные» общества шли к «модернизации» демократическим путем, через преодоление этих кризисов посредством формирования соответствующих способностей к управлению, в освободившихся странах вследствие «концентрации насущных требований» (подобно тому, как это имело место в России между Февральской и Октябрьской революциями) сложился «патогенный узел проблем» (Ю. Хабермас⁴⁴), в котором напряжение было столь велико, что грозило «политическим риском восстания» (Р. Макнамара).

Следовательно, неокOLONиалистская стратегия ориентирована на постепенное развитие, не предполагающее глубоко продуманных изменений в общественной жизни и обеспечивающее сохранение молодых государств в мировом капиталистическом хозяйстве. Сторонники теорий «модернизации» вполне осознавали необходимость направить эволюционное развитие по капиталистическому пути не *вопреки*, а *за счет* традиционных структур, институтов и способов поведения. Они понимали, что их нужно использовать в качестве элементов, стабилизирующих систему, чтобы смягчить или завуалировать общественные противоречия. Связь «традиционализма» и «модернизма» должна стать практической концепцией капиталистической «политики развития».

Такой подход обусловил острый характер критики дихотомических моделей социологии XIX в. и старых теорий «модернизации»⁴⁵. В противовес им стали утверждать, что «традиционность» и «модернизм» имеют скорее симбиотический, чем антагонистический, характер. Например, Гана при правительстве Нкрумы и Япония могут служить историческим образцом воплощения этой концепции в практической политике: правительство и партия Ганы потерпели крах, поскольку хотели провести «модернизацию» вопреки «традиционности», вследствие чего ими была утрачена база в традиционных секторах общества. Япония, напротив, может служить примером «модернизации» без революционной ликвидации «традиционного» общества, поэтому ее рекламируют в качестве модели успешной «модернизации» для освободившихся стран⁴⁶.

Дальнейшим непосредственно практическим мотивом для новой оценки «традиционализма» и «модернизма» является стремление сохранить обусловленную экономической отсталостью и дезинтеграцией структурную зависимость освободившихся стран от империалистических метрополий и тем самым окончательно закрепить их подчинение мировому капиталистическому хозяйству. Наконец, была выражена надежда, что акцент на «автохтонность» и «традиционность» поможет замаскировать неоколониалистские цели⁴⁷. За переориентацией неоколониалистской стратегии развития следовали коррективы в первоначальных моделях развития и в представлении о «модернизации» как «индустриализации». В конце концов победило сознание того, что проблемы освободившихся стран могут быть решены не за счет кратковременной экономической помощи, а только в результате проведения комплекса различных социально-экономических мероприятий. Поэтому мнение, согласно которому единственная причина отсталости заключается в низком доходе на душу населения⁴⁸, сменилось пониманием необходимости синтеза экономических и внеэкономических факторов, что позволило провести комплексный анализ процесса развития в освободившихся странах⁴⁹.

Таким образом, была изменена теоретическая структура теорий «модернизации» капитализма: развитие уже не отождествлялось с экономическим ростом, а «модернизация» не сводилась только к индустриализации. Место широко практиковавшегося одномерного способа исследования занял многомерный анализ целостных общественных процессов. «Модернизация» стала рассматриваться как комплексный процесс, который включал и экономический рост, и технический прогресс, и изменение политического строя, социальной структуры, а также психологии, культурных и религиозных ценностей и в котором различные стороны выступали как взаимосвязанные. Успех индустриализации был поставлен в зависимость, с одной стороны, от формирования стабильной буржуазной демократии (*stabile bürgerliche Demokratie*) при участии населения и поддержке им политических решений, и с другой — от высокой степени централизации исполнительной власти и администрации. Для создания капиталистического экономического рынка требуется мобильное и коммуникабельное общество⁵⁰; это в свою очередь предполагает психическую гибкость его членов, «эмфатическую и ориентирующуюся на успех

личность» («*empathische und leistungsorientierte Persönlichkeit*») ⁵¹, ибо только такая личность (и здесь замыкается круг) способна к рациональным действиям в области экономики и к научно-техническому развитию ⁵².

В-третьих, в середине 60-х годов была отвергнута осуществлявшаяся до тех пор и закончившаяся провалом империалистическая «стратегия развития», были преодолены ориентации только на развитие экономики, а также представление об идентичности индустриализации и «модернизации» ⁵³. В отличие от концепции «индустриального общества», в которой индустриализация рассматривалась как социально-исторический процесс, с необходимостью охватывающий все страны и регионы Земли и преобразующий «аграрные» и «индустриальные общества» ⁵⁴, а также от старых теорий «модернизации», в которых не проводилось различия между «индустриализацией» и «модернизацией», теоретики «модернизации» в середине 60-х годов поставили вопрос о неизбежности процесса индустриализации для освободившихся стран ⁵⁵.

В 1965 г. Д. Аптер попытался упорядочить категориальный аппарат, разграничив широко применявшееся в старой литературе по проблемам «модернизации» как идентичные или синонимичные понятия «социальное изменение», «развитие», «модернизация» и «индустриализация». Он писал: «Мы понимаем развитие как особый случай социального изменения, модернизацию — как особый случай развития. Индустриализация, являющаяся по большей части крайним случаем, остается самым важным». Исходя из этого, Аптер различал «индустриализацию» и «модернизацию». «Индустриализация,— утверждал он,— является важнейшим аспектом модернизации, настолько глубоким по своему воздействию, что меняет плохо функционирующие социальные учреждения и привычки, порождая... новые социальные роли и инструменты» ⁵⁶. Правда, в 1968 г. он заявил, что «связь между развитием, модернизацией и индустриализацией является логическим следствием упадка традиционализма (при этом модернизация рассматривается как следствие индустриализации)» ⁵⁷.

Эти и другие противоречия характерны для теоретиков «модернизации». С методологической точки зрения причина их отхода от признания доминирующей роли экономики, или индустриализации, в процессе общественного развития кроется в страхе перед обвинением в связи с материализмом. Признание примата экономи-

ки, даже в его вульгарно-материалистической форме, принципиально чуждо буржуазному социально-теоретическому мышлению, и в течение длительного времени это положение рассматривалось как угрожающее идеалистическим основам этого мышления. Еще тогда, когда «индустриализация» полностью отождествлялась с «модернизацией», или развитием, американский социолог В. Мур указывал на рискованность такой постановки проблемы. «Риск этот,— писал он,— заключается в возможности аналогии с марксистской теорией, которая приписывает «экономическому фактору» структурный и динамический примат»⁵⁸.

Пытаясь создать альтернативу марксизму, Г.-У. Веллер вслед за В. Цапфом выступил с критикой марксистского понимания проблемы соотношения базиса и надстройки. Непонятно, писал он, почему «область производства, экономики, индустриализации» вообще может претендовать на «большее уважение» и «материальный субстрат принципиального характера («materielles Substrat von prinzipiellerem Charakter») должен определять собой другие «измерения развития»⁵⁹. При этом теоретики «модернизации» в отличие от сторонников концепции «индустриального общества» и в соответствии с буржуазной теорией «плюрализма факторов» ориентировались на многокаузальную и многомерную методологию общественного анализа. Индустриализация «отличалась» от «модернизации» в двух главных случаях:

а) Индустриализация понималась как *экономическая* модернизация, которая может осуществляться только при одновременной «модернизации» других общественных сфер, в том числе и сферы психологии, тем не менее она функционирует как движущая сила «модернизирующегося» общества. («Общество, которое способно породить самовозрастающее хозяйство, является современным обществом»⁶⁰.)

б) Индустриализация в развивающихся странах должна пройти подготовительный, или переходный, период, в течение которого страны должны подготовиться к «индустриальному обществу». Под этим некоторые теоретики «модернизации» понимают период «модернизации», поскольку, как они считают, именно «модернизация, а не индустриализация станет в ближайшем будущем источником развития большинства молодых государств»⁶¹. Точнее говоря, чтобы *стать* «современным», общество сначала *должно быть* «современным»⁶².

Концепция «модернизации» как подготовительной фазы идеологически нацеливает на такое развитие производительных сил в молодых государствах, при котором они и впредь сохраняли бы зависимость от монополий⁶³. Важным мотивом против ускоренной индустриализации является страх перед ее социальными и политическими последствиями, особенно перед становлением рабочего класса и превращением его в реальную политическую силу, которая в социальных конфликтах периода индустриализации может стать угрозой эволюционному капиталистическому развитию. По существу буржуазные идеологи стремятся вывести квадратуру круга: «индустриальное общество» без рабочего класса. Корректировка темпов роста и форм господства оправдывается и опасностью угрозы возникновения «тоталитарного» режима⁶⁴.

Новый пересмотр моделей роста и индустриализации соответствовал переориентации неоколониалистской «стратегии развития» с «модернизации» через иностранные инвестиции капитала на «модернизацию» с помощью внутренних комплексных социальных реформ. В результате утратила всякое влияние «Программа четвертого пункта» Трумэна (1949 г.), а также другие модели развития, в большинстве американского происхождения, хотя западноевропейский социал-реформизм добился большего значения в осуществлении империалистической «политики развития». Эта ситуация была связана с ослаблением руководящей роли Соединенных Штатов в капиталистической системе. После краха традиционной колониалистской политики и идеологии старые колониальные государства Западной Европы оказались лучше, нежели США, подготовлены к гибкой неоколониалистской стратегии, поскольку обладали большим опытом борьбы против революционного рабочего движения. В конечном счете переориентация империалистической стратегии развития явилась результатом приспособления к изменившемуся соотношению сил между социализмом и империализмом: империализм стремится воспрепятствовать ориентации освободившихся стран на социализм и укреплению связей молодых национальных государств со странами социалистического содружества.

В связи с этим модели «модернизации» дополняются и подкрепляются широкой палитрой идеологических концепций, начиная от прямой апологетики капитализма, социал-реформизма до левого радикализма. В огромной

мере влияние теорий «модернизации» сказывается на немарксистских идеологических течениях в освободившихся странах, особенно на национализме и различных вариантах немарксистского социализма, на восприимчивости широких масс к концепции «индустриального общества», при этом особенно часто спекулируют на конфронтации «бедных» и «богатых» стран и на идеологии потребительства⁶⁵.

В то время как капитал США в вопросе выбора неоколониалистского стратегического курса не нашел до сих пор однозначного решения⁶⁶, западноевропейский монополистический капитал ориентировался в основном на социал-реформизм. Империализм ФРГ направил в это русло свою «политику развития». Его политики и идеологи (Э. Бар, Э. Эпплер, Ф. Аншпренгер и др.) отказались от механического перенесения модели товарно-денежного хозяйства на освободившиеся страны и выступили за «динамизацию» («Dynamisierung») и реформирование существующих структур с целью обезвредить социальные и политические взрывоопасные силы, которые накапливаются в освободившихся странах вследствие роста безработицы и снижения уровня жизни трудящихся масс⁶⁷. Эта концепция политического развития в значительной степени соответствует «теории динамических культурных изменений» Р. Ф. Берендта⁶⁸. Он постулирует «социальную стратегию развития», которая, «с одной стороны, полностью использует конструктивный опыт и возможность прежней динамики (капитализма.— Г. Р.), а с другой — стремится избежать ее разрушительных сопутствующих явлений и последствий»⁶⁹.

Путь к этому он видит в замене прежних «стихийных, слепых социальных динамических процессов роста управляемым культурным изменением» «посредством глобального распространения динамики в гуманной форме»⁷⁰.

Индустриализация является в конечном счете решающей предпосылкой преодоления последствий колониализма, освобождения от неоколониализма и стимулом общественного прогресса в освободившихся странах. Только она создает материальный базис для возникновения современного рабочего класса как исторической силы общественного прогресса⁷¹, а также материальные предпосылки социализма, решения актуальных проблем освободившихся стран, преодоления сельскохозяйственной отсталости, обеспечения продовольствием и занятости населения⁷².

3. К истокам исторического исследования «модернизации» в США

Разработка исторических исследований «модернизации» в США и их институционализация как нового направления буржуазной историографии были тесно связаны с отказом от ориентированных на освободившиеся страны первоначальных теорий и исследований «модернизации» и крахом основанной на них американской «стратегии развития». Основные положения и исходные посылы ранних теорий «модернизации», «начальных моделей модернизации»⁷³ оказались неэффективными, им были свойственны этноцентризм американских Соединенных Штатов, включавший в себя социал-дарвинизм и расизм, механическое перенесение «западных» моделей общества на освободившиеся страны, резкое противопоставление дихотомических конструкций и отождествление «модернизации» с капиталистической индустриализацией. Особенно бесплодными оказались противоречивые дихотомии, поскольку они хотя и давали (при помощи категориальной системы «традиционализма — модернизма») ориентиры (образцы) начальных и конечных пунктов желаемой «модернизации», однако не раскрывали сам процесс «модернизации», обозначая его промежуточные ступени просто как «переходные», т. е. «более-не-традиционные» и «еще-не-современные»⁷⁴, весьма неадекватно освещались смешанные формы, а самостоятельные формы трактовались в них лишь как отклонения от предписанной модели⁷⁵. С помощью дихотомий оказалось возможным объяснить только различие между развитыми и неразвитыми общественными формами, но не условия их развития. Вследствие того что в первоначальных теориях и моделях «модернизации» практически игнорировался комплексный характер общественных структур в освободившихся странах и сложность процессов их развития, эти теории и модели нельзя было использовать для разработки неокOLONиалистской «стратегии развития».

То же произошло и с «реформированными» экономико-социологическими концепциями «модернизации» 60-х годов, хотя их авторы стремились ослабить господствовавший тогда экономико-социологический схематизм, пытаясь путем выявления тенденций, стадий и типологий развития понять характер процессов и событий, происходящих в освободившихся странах. Здесь проявилось резкое расхождение между теоретиками «модерни-

зации» и исследователями процесса «модернизации». В то время как первые стремились к глобально-эволюционистским конструкциям «социального изменения», поднимаясь до высокого уровня абстракций⁷⁶, вторые сразу отказались от анализа целостных общественных процессов и сосредоточились на описании периферических явлений (демография, государственный бюджет и т. д.)⁷⁷, ограничились каталогообразным перечислением свойств или масштабов «традиционных», «переходных» и «современных» типов общества, или общественных систем⁷⁸, собиранием данных и описанием процессов⁷⁹. В результате возникло «такое количество разнообразных типов анализа социальных процессов и явлений, которое в действительности принципиально невозможно было установить» (Р. Лепсиус)⁸⁰.

Авторы «реформированных» теорий «модернизации» оказались перед дилеммой: либо, следуя теориям «модернизации», продолжать создание абстрактно-социологических и, следовательно, бессодержательных универсальных мыслительных конструкций, либо, напротив, поддавшись обаянию исследований процесса модернизации, перейти на позиции субъективизма и плоского эмпиризма. «Особенность теоретизирования на таком высоком уровне абстракции заключается в том, что оно позволяет пренебречь различием временных параметров и культурных... Даже низкие уровни абстракции оказываются под влиянием этой дилеммы»⁸¹. Идеологическая и познавательная функции теорий «модернизации» в их разделенности не приводили к удовлетворительным результатам в разработке неокOLONIALИСТСКОЙ стратегии. Связь между теорией и эмпирическими исследованиями прерывалась.

С одной стороны, трансформированные в «эволюционные универсалии общественных изменений», теории «модернизации» все больше утрачивали способность выполнять мировоззренческую функцию прокапиталистической альтернативы некапиталистическому пути развития или социалистической ориентации и служить методологическим подспорьем при проведении эмпирических исследований. С другой стороны, оказалось, что и исследования «модернизации» не «доросли» до выполнения задачи «не только анализировать сложные процессы трансформации во многих частях земного шара, но и (в силу этого) вносить вклад в разработку важных практических рекомендаций и политических прогнозов»⁸².

Теоретики и исследователи «модернизации» реагировали на данное обстоятельство по-разному. Некоторые из них, а именно социологи и политологи, скатились к «ортодоксальному повторению старых положений» и «абстрактной болтовне, которая явилась следствием отрыва от реальной действительности»⁸³. Этот путь завел в тупик, выход из которого теоретики и исследователи «модернизации» все чаще усматривали в придании концепции «модернизации» исторического характера.

Этот поворот осуществлялся следующим образом.

Во-первых, путем пересмотра и корректировки теорий «модернизации» посредством сопоставления с эмпирическим и историческим материалом. «Современное недовольство теориями модернизации», писал Р. Трауцеттель в 1974 г., объясняется «провалом предпринимавшихся попыток... их операционализации». Свидетельством их достоверности не может служить «возможность наложения структуры социологической теории как схемы на исторические процессы, описанные классическими средствами историографии, их достоверность могла бы быть подтверждена в том случае, если бы удалось проверить теоретические понятия на конкретных фактах исторического процесса»⁸⁴.

Во-вторых, исследованиям «модернизации» был придан исторический характер, т. е. они были ориентированы на изучение «исторической природы процесса развития»⁸⁵. К исследованиям «модернизации» все настойчивее предъявлялось требование учитывать конкретно-историческую специфику отдельных процессов «модернизации»⁸⁶.

В-третьих, исследователи процесса «модернизации» обратились к истории развитых стран, регионов, «в которых начался процесс модернизации: к Европе и Северной Америке. Они стремились больше узнать об исторических масштабах и проблемах скачкообразного развития Запада и вновь проанализировать их с точки зрения приобретенного опыта и с позиции созданных теорий. Эти исследователи надеялись основательно изучить весь комплекс условий, обеспечивших успех процесса модернизации, и на основе такого изучения рассмотреть возможности подобного процесса в менее развитых странах»⁸⁷.

Уже к началу 60-х годов некоторые (главным образом американские) историки и социологи обратились к истории развития индустриальных обществ, опираясь на методы сравнительного анализа. Предполагалось, что

Изучение исторического опыта «модернизации» и сравнение традиционных «западных» путей с «коммунистическими» и «фашистскими» способами «модернизации» позволят прогнозировать возможные варианты развития «третьего мира» и тем самым оказывать большую помощь в осуществлении империалистической политики. Расширение предмета исследований происходило под девизом «заново осмыслить западную модель» и осуществлялось с целью «переоценки путей «модернизации» в освободившихся странах»⁸⁸.

Экскурс в историю XIX в. помог бы показать освободившимся странам более подходящие для них пути решения проблемы модернизации. В этом отразились непосредственные практически-политические потребности, поскольку речь шла о том, чтобы противопоставить капиталистический путь развития некапиталистическому или социалистическому и доказать, что именно первый позволяет предотвратить социальные конфликты и революционные ситуации. «По мере того, как в подобных рассуждениях менялись оценки исторических путей от прошлого к современности, формировалось новое знание о политическом развитии от современности к будущему»⁸⁹.

С помощью обращения к истории исследователи процесса «модернизации» надеялись высказать свои обоснованные предостережения относительно возможных опасностей, которые могут возникнуть в случае выбора освободившимися странами капиталистического способа «модернизации». Так, пытались предостеречь от опасности возникновения «государства-крепости-тюрьмы» («garrison-prison-state») ⁹⁰; был показан двойственный характер «массового общества потребления» для бедных народов, который может нанести большой вред, если они не поставят под контроль, подобно современным западным обществам, отношение между потребностью и ее осуществлением («Want — Get — Ratio») и не смогут установить динамичное равновесие между материальными потребностями и возможностью их удовлетворения ⁹¹; были проанализированы последствия перенаселения и концентрации больших масс людей в городах на основе исторического опыта экономически развитых капиталистических стран ⁹².

В то же время под лозунгом «освобождения от давления актуальных политических советов» («Entlastung vom Druck aktueller Politikberatung») ⁹³ появилось много работ, содержащих новую интерпретацию истории

развития капиталистических и социалистических стран, а также всемирной истории с точки зрения теорий «модернизации». С конца 60-х годов исследователи процесса «модернизации», прежде всего в США, в значительной степени отошли от изучения освободившихся стран, их концепции были оформлены в виде нового течения буржуазной историографии.

Что же это были за работы по истории исследования «модернизации» в США? Д. К. Маклеланд в книге «The Achieving Society» исследовал с позиций теории рациональности М. Вебера⁹⁴ господствовавшие в истории побудительные мотивы к труду. С. М. Липсет первым дал новую интерпретацию истории США с точки зрения первоначальных теорий «модернизации»: он назвал американцев первой нацией, благодаря собственным усилиям освободившейся от колониальной опеки, а США — страной, в которой в результате успешного осуществления процесса «модернизации» сложилось соответствие между благосостоянием и демократией⁹⁵.

Большое значение для формирования данной концепции имели работы американского историка экономики А. Гершенкрона⁹⁶. Он пытался создать исторически обоснованную теорию европейской индустриализации. Исходя из тезиса о более важной индустриализации для смены общественных формаций, он выдвинул тезис о том, что конкретно-историческая специфика процесса индустриализации зависит от степени относительной отсталости различных стран, а именно от степени, которой достигло их индустриальное развитие накануне «большого скачка» («des Großen Spurts») ⁹⁷. Так, если Англию он рассматривал в качестве первой классической страны успешной индустриализации, то все остальные страны — как относительно отсталые (это прежде всего Франция и Германия, затем США и Россия).

Для объяснения конкретно-исторических различий в процессе индустриализации и быстрых темпов экономического развития «отсталых обществ» Гершенкрон вводит два элемента: «теорию замещения» и тезис о «преимуществе отсталости». Согласно так называемой теории замещения, «отсталые общества» должны были найти качественно иные «решения-заменители», поскольку они не могли использовать достижения «общества-пионера» («Pioniergesellschaft») в своих конкретно-исторических условиях. Но вообще индустриализация проходит тем напряженнее, тем чаще сопровождается конфликтами, чем больше относительная отсталость

страны и чем быстрее происходит «большой скачок». На то, что «развитие капитализма в молодых странах значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран», указывал В. И. Ленин уже в 1899 г.⁹⁸

Вслед за Т. Вебленом Гершенкрон высказал мнение (касавшееся и империалистической Германии) о «преимуществе займов»⁹⁹, а у Троцкого он заимствовал тезис о «преимуществе отсталости»¹⁰⁰, суть которого заключалась в следующем: «отсталые общества» могут перенять технику, организацию и опыт, выработанные с таким трудом «нациями-пионерами», и в итоге превзойти их. Исходя из этого тезиса, а также опираясь на одну из первых интерпретаций Октябрьской революции с точки зрения теорий «модернизации»¹⁰¹, Гершенкрон на свой лад истолковывал смысл и значение Великой Октябрьской социалистической революции, особо останавливаясь при этом на связи между отсталостью, революцией и быстрым ростом производительных сил после революции. Он отмечал, что «Советская власть явилась продуктом экономической отсталости страны... Если бы Екатерина II уничтожила крепостное право или это случилось бы в период декабрьского восстания 1825 г., недовольство крестьян — движущая сила и гарантия успеха русской революции — никогда не приняло бы катастрофических размеров... Замедленная индустриальная революция предопределила политическую революцию, в ходе которой власть попала в руки диктаторского правительства... Такое правительство способно удерживать власть только в том случае, если оно может внушить народу, что выполняет важную социальную функцию, которую без него общество выполнить не может. Индустриализация «наградила» советское правительство такой функцией»¹⁰².

Быстрый рост производительных сил, высокие темпы социалистической индустриализации Гершенкрон объяснял не характером социалистических производственных отношений и подъемом благодаря революции морально-политических сил народов Советского Союза, а «преимуществами отсталости» «отсталого общества», которое могло рассчитывать на повышение технического уровня. Тем самым Гершенкрон дал буржуазным исследователям первый в истории образец интерпретации коммунизма. Октябрьская революция была подведена под категорию «современных революций развития», которые происходили во всех странах при переходе к «индустриальному обществу», ее всемирно-историческое зна-

чение было сведено лишь к быстрой индустриализации отсталой страны. Так, социалистическая собственность была объявлена не результатом успешного обобществления производства, а средством быстрого преодоления отставания в развитии. Ленинизм был низведен до уровня идеологии запоздалой индустриализации¹⁰³.

Однако Гершенкрон видел свою главную политическую задачу в том, чтобы предупредить развивающиеся страны об опасностях. Он стал проецировать тезис о «преимуществе отсталости» и «теорию замещения» на настоящее и уверял, что эти тезис и теория вполне приемлемы для освободившихся стран, находящихся сегодня (по сравнению с развитыми странами) в ситуации, принципиально сходной с той, в которой находились «отсталые общества» по сравнению с Англией XVIII и XIX вв. Это, с одной стороны, давало возможность для поиска более результативных «решений-заменителей», но, с другой стороны, делало эти страны восприимчивыми к идеям о «коммунистическом пути «модернизации»». Поскольку в них, как в России перед 1917 г., экономическая отсталость и задержка с проведением реформ способствовали огромному давлению процесса «модернизации» извне, то вполне возможно было повторение примера 1917 г.

Притягательная сила советского примера и подъем Советского Союза до уровня мировой державы встревожили Запад. «...В советском примере для всех очевидна громадная опасность того, что развивающиеся страны пойдут по некапиталистическому пути, но сегодня эта опасность скрыта экономической отсталостью данных стран, которая делает эту опасность не столь ощутимой. Нет бесспорных вариантов («зеленых улиц») на пути индустриального развития. Путь может привести от отсталости к диктатуре, от диктатуры — к войне. В условиях биполярного мира эта опасность проявляется в новых формах, она неизмеримо возрастает. Некоторые отсталые страны сознательно копируют советский опыт и, поддерживая советскую политику, добровольно или вынужденно попадают в сферу советского влияния». Обобщая исторический опыт «модернизации» за последние два столетия, Гершенкрон обращался к развивающимся странам с призывом принять неокOLONIAлистскую стратегию и буржуазный тип преобразований сверху, что, как он заявлял, позволит им избежать повторения 1917 г. «Не только Россия,— утверждал он,— но и весь мир платит цену за то, что раньше не удалось

освободить русских крестьян и провести индустриализацию естественным путем. Промышленные нации не должны игнорировать экономическую отсталость... Только в этом случае опыт XIX в. поможет предотвратить опасности, возникающие в XX в.»¹⁰⁴.

Совершенно запутанные и не менее проблематичные модели социологических теорий «модернизации», особенно теории индустриализации, демократизации, гармонизации, структурно-функциональная системная модель, как и модели одномерной последовательности неизбежных ступеней развития от «традиционности» к «модернизму», в результате исторического исследования кризисов и упадка процессов «модернизации» подвергались сомнению, указывалось на их относительный характер¹⁰⁵.

Принципиально новыми для историко-сравнительных исследований «модернизации» стали в середине 60-х годов работы американского социолога Р. Бендикса¹⁰⁶, которого в буржуазной литературе считают их основателем¹⁰⁷. Однако фактически он выдвинулся не за счет оригинальных идей, а благодаря систематизации уже существовавших элементов исторических исследований «модернизации» и их использованию в анализе истории, особенно разработанной А. Гершенкроном схемы интерпретации. Возможности исторических исследований «модернизации» были расширены им в сущности путем разработки следующих новых положений.

1. В противоположность господствовавшим абстрактно-социологическим универсальным теориям «модернизации» Бендикс определял «модернизацию» как «тип социальных перемен, корнями уходящих в английскую промышленную революцию и происходивших в течение периода с 1760 до 1830 г., и политическую французскую революцию 1789—1794 гг.»¹⁰⁸. Таким образом, Бендикс был первым буржуазным социологом, пытавшимся определить «модернизацию» конкретно-исторически; он точно указал время и место «модернизации» — эпоха после революций в Европе и Северной Америке, когда проявились их последствия. Это позволило истолковать сущность данного периода всемирной истории как «поворот» мира от преиндустриального к индустриальному обществу, который якобы заменил в указанных регионах Великую Октябрьскую социалистическую революцию¹⁰⁹. Одновременно предполагалось, что таким образом будет преодолена выдвинутая Ж. Годешо и Р. Р. Палмером¹¹⁰ в конце периода «холодной войны» концепция «атланти-

ческой революции», отражавшая этноцентрическое представление американцев о США как образце демократии, права и порядка в мире ¹¹¹.

В буржуазной историографии такое понимание периодизации развивал Э. Хобсбоум, выдвинувший версию эволюционного наступления капитализма в результате так называемой двойной революции на рубеже XVIII и XIX вв., включая американскую революцию.

2. «Модернизация» в неамериканских и неевропейских регионах была отнесена Бендиксом к «двойной революции», при этом он разделил мир на «развитые» и «отсталые» общества. В отличие от господствовавших до тех пор теорий, в которых «модернизация», или индустриализация, рассматривалась как процесс, протекающий одинаково во всех странах, если существуют определенные предварительные условия (на них более других сосредоточено внимание Ростоу), Бендикс отмечал вслед за Гершенкроном, что процесс «модернизации», или индустриализации, должен быть понят, исходя из специфического состояния отсталых обществ по сравнению с «обществами-пионерами» ¹¹². «Модернизация, — утверждал он, — состоит в экономическом и политическом прогрессе некоторых обществ-новаторов и следующих за ним процессов преобразований отсталых обществ» ¹¹³. Конечно, не путем копирования опыта «обществ-новаторов»: именно стремление преодолеть разрыв между «развитыми» и «отсталыми» обществами при помощи заимствований отдельных достижений духа современности, уверял он, «порождает во многих случаях препятствия... на пути успешной модернизации» ¹¹⁴.

Социальное изменение, заявлял Бендикс, «происходит чаще одновременно в эндогенных и экзогенных процессах развития» ¹¹⁵. Отмечая общ исторические условия «модернизации», он указывал на потребности неокOLONIALISTСКОЙ стратегии в ориентации на постепенное, комплексное развитие, учитывающее особенности освободившихся стран, связывающее «традиционность» и «модернизм»; при этом сильнее, чем когда-либо, подчеркивался момент активного внешнего влияния.

В историографической практике США теории «модернизации» чаще всего использовались при исследовании истории освободившихся стран, при *описании* мировой истории; появились также первые варианты *интерпретации* мировой истории с точки зрения теорий «модернизации». Для США это было во многих отношениях нечто новое. В XX в. долгое время интерес ко всемирной исто-

рии был там относительно невелик. Мировая история все еще рассматривалась как внутреннее дело Европы, независимо от самобытной, не подверженной внешним влияниям американской истории. Европоцентристские концепции всемирной истории были восприняты и американскими теоретиками, которые больше стремились использовать представления о мировой истории, характерные для Великобритании и Германии, чем разработать собственные концепции. После выхода США на мировую политическую арену интерес ко всеобщей истории возрос, но новые концепции всемирной истории не были связаны с этим¹¹⁶.

Положение резко изменилось во время второй мировой войны. Тенденции, которые намечались еще в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., окончательно утвердились в американской трактовке всемирной политической истории. Вступление капиталистической системы во второй этап ее общего кризиса было интерпретировано как формирование мирового единства, в котором местные изолированные явления и процессы больше не имеют значения и от которого США не только не стоят в стороне, но и играют в нем ведущую роль.

В послевоенный период в США, как и в других империалистических странах, исследователи все чаще обращались к всемирной истории, спорили по различным историческим проблемам. Это выразилось, между прочим, в создании журналов и научных организаций, которые специально занимались исследованиями мировой политики и всемирной истории. В 1948 г. появился издаваемый «Центром международных исследований» в Принстонском университете журнал («World Politics, A Quarterly Journal of International Relations»), в котором освещались теоретические вопросы мировой политики с историко-социологических и политологических позиций, причем все более с точки зрения теорий «модернизации»; в 1952 г. — издаваемый Чикагским университетом журнал «Economic Development and Cultural Change»; в 1953 г. — «Journal of World History». С 1952 г. при Чикагском университете существует «Совет по изучению человечества», являющийся организационным центром по проведению конференций, исследований и изданию публикаций по всемирной истории. Усилившийся интерес к всемирно-историческим проблемам не привел, однако, к коренным изменениям существовавших тогда концепций. Характерное для конца 50-х годов отставание США

по сравнению с Западной Европой в формировании общественных теорий, особенно задержка с признанием концепции «индустриального общества», относилось и к концепции всемирно-исторического процесса.

В традиционном духе проводились теоретические дискуссии по этой проблеме и развивались представления о всемирной истории, что существенно отличало их от концепций, например, Г. Фрейера, А. Гелена, В. Конзе, Р. Арона¹¹⁷. Так, тогдашний президент «Американского исторического общества» К. Дж. Т. Хэйз призывал в декабре 1945 г. к разработке новой интерпретации американской истории как продолжения европейской, но не с позиций якобы исходящего от Европы расширения индустриализма, а в духе расширения «теории границы» Ф. Дж. Тёрнера¹¹⁸.

В подобном смысле пытался трактовать европейскую историю У. П. Вебб¹¹⁹. Р. Р. Палмер пытался обосновать при помощи концепции «атлантической революции» единство «Запада» и его всестороннее превосходство над социализмом¹²⁰. Выпущенная Э. Нэвинзоном и Г. М. Эрманном в 1958 г. «The University of Michigan History of the Modern World»¹²¹ была компилятивным собранием национальных историй и отдельных разделов современной истории. В общем историография Соединенных Штатов отставала от концепций всемирной истории. В 1946 г. «Совет по социологическим исследованиям» в своих основных положениях начал отходить от исторической системы а Іá Шпенглер¹²². В период формирования более 70 новых молодых государств Азии и Африки главное внимание американских общественных наук было сосредоточено на социологическом анализе истории освободившихся стран прежде всего с точки зрения первоначальных теорий «модернизации»¹²³.

Ученые-обществоведы в издававшемся с 1958 г. при Мичиганском университете журнале «Comparative Studies in Society and History. An International Quarterly» наиболее последовательно применяют метод исторического сравнения в социологическом анализе глобальных процессов и решительно отстаивают взгляды на всемирную историю, характерные для представителей теорий «модернизации». Сегодня этот журнал — орган международной междисциплинарной кооперации в капиталистическом мире¹²⁴.

Журнал, пожалуй, в наибольшей степени выражает тенденцию к интеграции буржуазных общественных наук на основе теорий «модернизации». Расширение исто-

рико-социологических сравнительных исследований всемирной истории представляет собой новый момент в историко-социологической мысли США (которая в прошлом широко заимствовала знания о собственной истории) и в конечном счете является «следствием изменения политического положения Америки с конца второй мировой войны»¹²⁵. «Эффект бумеранга», «порожденный усилиями буржуазных общественных наук при разработке теорий «модернизации»»¹²⁶, вызвал тенденцию к их реинтеграции. С тех пор берет начало процесс формирования узкой кооперации исследователей, стремившихся к объединению буржуазной социологии и буржуазной историографии вследствие усиления реисторизма первой и социологизации второй¹²⁷.

Глобальные историко-социологические сравнения послужили основой для создания таких представлений о мировой истории, которые отличались от традиционных иным концептуальным подходом, что послужило причиной отказа от традиционного понимания мировой истории как возможно более полной суммы исторического знания. Такое истолкование мировой истории было дано в 1896 г. лордом Актоном и положено в основу признанной в англосаксонских странах в качестве авторитетного издания 33-томной «Cambridge History»¹²⁸, а также широко распространенной англо-американской книги «The Historians History of the World», написанной американскими и английскими авторами¹²⁹.

Лорд Актон разделял позитивистские взгляды английских историков викторианской эпохи, которым для написания научной истории человечества достаточно было почерпнуть требуемую информацию из исторических фактов, а такая информация в принципе всегда есть, и это позволяло решить проблему создания концепции всемирной истории¹³⁰. Выходило так: достаточно собрать компетентных иностранных специалистов, чтобы написать историю человечества. Подобные взгляды основывались тогда на не поколебленном еще представлении о капитализме как конечном состоянии человечества и на убеждении в его доминирующей роли в мировой политике. Большинство традиционных буржуазных представлений о мировой политике более или менее соответствовало этим взглядам. Они отразились в многотомных собраниях истории стран, государств и эпох, объединенных единым переплетом, и дополняли друг друга скорее за счет индивидуальных мировоззренческих установок авторов и разнобоя в толковании ими

различных эпох в духе субъективизма и религии, чем за счет наличия представлений о внутреннем единстве и прогрессе всемирной истории.

Кроме того, новые концепции всемирной истории и ее изложение породили идею о цикличности всемирной истории как подъеме и упадке культур а Іá Шпенглер и Тойнби.

Два существовавших до тех пор традиционных типа интерпретации всемирной истории уже не соответствовали изменившимся идеологическим потребностям мирового империализма на третьем этапе общего кризиса капитализма. Возникновение мировой социалистической системы, успешное строительство социализма в ряде стран Европы и Азии, на Кубе, а также развертывание противоборства двух противоположных общественных систем окончательно разрушили поколебленные еще Великой Октябрьской социалистической революцией иллюзии о вечности и естественности капитализма. Переход от капитализма к социализму в мировом масштабе разрушил традиционные буржуазные представления о смысле и цели человеческой истории.

Крах империалистической колониальной системы и включение новых государств Азии и Африки в процесс формирования мировой политики привели к кризису европоцентристской картины мировой политики. Все более углублявшийся всеобщий кризис капиталистической системы показал иллюзорность толкования единства всемирной истории и капитализма как ее конечного состояния, его безусловной ведущей роли в мире. Позитивистская самоуверенность лорда Актона и лежащие в ее основе традиционные представления о всемирной истории были подвергнуты сомнениям. Получившая широкое распространение (особенно в англосаксонских странах) концепция Тойнби о циклических подъемах и падениях 21 независимой друг от друга культуры не соответствовала действительности.

Буржуазные специалисты по всемирной истории реагировали на это различным образом. Одни продолжали работать в русле традиционной компиляции историй различных стран с их «национально-исторической раздробленностью, отказом от общих структурных принципов и доминированием аксиом индивидуальности»¹³¹. Другие буржуазные историки отрицали возможность написания в настоящее время всемирной истории. Третья группа западноевропейских буржуазных специалистов по всемирной истории пыталась вырваться впе-

ред и создать на основе концепции «индустриального общества» буржуазную концепцию, противопоставив ее марксистско-ленинскому пониманию всемирной истории.

Этот «современный» взгляд на всемирную историю с позиций концепции «индустриального общества» проник в «Propyläen» и «Fischer-Weltgeschichte», в заключительный том «Saeculum Weltgeschichte»¹³², написанный с религиозных, в основном католицистских, позиций. Опубликованные в США работы — однотомные труды по всемирной истории У. Макнейла и книги И. Р. Сайнеса, С. Н. Айзенштадта и К. Э. Блэка¹³³ — первые очерки «всемирной истории», написанные с позиции теорий «модернизации», свидетельствовали о явном разрыве их авторов с традицией и концепцией американской историографии всемирной истории.

В отличие от прежних, касавшихся исключительно США и (или) Европы, представлений о всемирной истории Макнейл в своей работе, сразу же ставшей бестселлером¹³⁴ и одобрительно встреченной критикой как своеобразный взрыв¹³⁵, рассматривал главным образом те центры и цивилизации, в которых в силу необходимости был достигнут более высокий уровень преобразования природы и которые, находясь на высшей стадии, оказывали наибольшее влияние на всемирно-исторический процесс своей эпохи. Соответственно этому он разделил книгу на три приблизительно равные по объему части: 1. Господство Ближнего Востока (до 500 г. до н. э.); 2. Равновесие культур в Евразии (с 500 г. до н. э. по 1500 г. н. э.) и только после этого подъем Запада; 3. Эра господства Запада (с 1500 г. по настоящее время).

Наполненная верой в жизненную силу и будущее современного «индустриального общества», книга означала одновременно отказ ее автора от представлений Шпенглера и Тойнби о цикличности всемирной истории. Это самая серьезная из выдвигавшихся до сих пор попытка преодолеть очевидные слабости прежней буржуазной историографии всемирной истории и создать «действительную» альтернативу марксистской концепции истории. В заключительных словах книги звучит вывод о грядущей конвергенции между США и СССР¹³⁶.

В сравнительных социологических набросках к современной всемирной истории Сайнес, Айзенштадт и Блэк исходят из «модернизации» как ее сущностного содержания. Блэк выделяет три революционных изменения в истории человечества: появление человека более

миллиона лет тому назад, преобразование «примитивного» общества в «цивилизованное» в Месопотамии, в долинах Нила и Инда 7000 лет назад и, наконец, современную «модернизацию»¹³⁷. «Модернизация» отождествляется им с возникновением капитализма в Западной Европе и в Северной Америке и его распространением в мире. Тем самым развитие капитализма в Западной Европе и Северной Америке рассматривается как якобы нормативный (quasi-normative) процесс, а социалистическая индустриализация и некапиталистический путь развития преподносятся как отставание или следствие экспорта капитализма.

Таким образом, капиталистическая формация превращается из переходного этапа развития человечества в соответствующую индустриальному производству и природе человека форму организации общества, и, следовательно, капитализм оказывается увековеченным. Онтологизация капитализма в теориях «модернизации» порождает консервативное отношение к капиталистической формации и антиисторическое отношение к закономерной последовательности формаций в человеческой истории. История последних 150 лет представляется как континуум, в котором развитие капитализма в Западной Европе и Северной Америке выступает в качестве естественного и закономерного. Коммунистическая общественная формация, страны, следующие по некапиталистическому пути, и (приравненные к ним) фашистские режимы фигурируют всего лишь как различные варианты всемирно-исторического процесса «модернизации» отсталых стран¹³⁸.

От традиционной концепции
«индустриального общества»
к теориям «модернизации» в ФРГ

1. Проблемы интерпретации истории

История становления теорий «модернизации» в ФРГ оказалась довольно сложным процессом. Он определялся различием ролей США и ФРГ в мировой политике и явился следствием далеко не одинаковых идеологических потребностей буржуазии обеих стран. Существуют различия и в социальном облике представителей теорий «модернизации» в обеих странах, в специфике отдельных социально-научных дисциплин и духовных традиций. История обновления теорий «модернизации» в ФРГ явилась по существу процессом слияния собственных идей и «импортированных» из других регионов, что привело в середине 70-х годов к институционализации исторических исследований «модернизации», ориентированных на изучение социально-исторических проблем и связанных с социал-реформизмом. Это в значительной мере определило различия в содержании и функциях теорий «модернизации» в ФРГ и США.

В 60-х годах в ФРГ теории «модернизации» были взяты на вооружение прежде всего буржуазными социологами и политологами. Понятие «модернизация» употребляли тогда и некоторые историки и «исследователи коммунизма» при разработке новой интерпретации истории России и Советского Союза с позиций концепции «индустриального общества». С начала 70-х годов группа молодых историков начала рекламировать теории «модернизации» в качестве методологической основы исторических теорий, т. е. теории всемирной истории и исторических исследований современной истории, значительно расширив тем самым область их применения.

Показательны в этом отношении «Коллоквиум по социальной и экономической истории» в Билефельде, тюрбингенские чтения и особенно дискуссия в рабочей группе «Модернизация» на XXX съезде «Союза историков

Германии» в Брауншвейге (1974 г.)¹. Выходящий в ФРГ с 1975 г. журнал «История и общество» можно рассматривать как современный центр по проверке эвристических возможностей теорий «модернизации» капитализма в исторических исследованиях и выявлению их преимуществ по сравнению с соперничающими теориями и подходами к исследованиям. При этом были внесены значительные изменения в понимание и использование концепции «индустриального общества». Подобные тенденции тесно связаны с разгоревшейся в начале 70-х годов дискуссией по проблемам теории и методов исследования, с интенсивными поисками новых форм связи исторической науки и теории истории².

Каковы особенности становления теорий «модернизации» в ФРГ?

В отличие от США империализм в ФРГ сразу после второй мировой войны был не в состоянии проводить самостоятельную политику в отношении освободившихся стран; только в 60-х годах он начал играть заметную роль в империалистической политике. В ФРГ исследования освободившихся стран были до того времени сравнительно незначительными, поэтому и «первоначальные» американские теории «модернизации» не были здесь восприняты. Такие исследования долгое время проводились в сущности только в рамках традиционной буржуазной этнографии. В ФРГ с теориями «модернизации» познакомились лишь на второй фазе их эволюции — фазе реформ, т. е. в момент, когда эти теории в США уже утратили свое решающее влияние на исследования освободившихся стран. Поэтому в ФРГ исследования «модернизации», включая освободившиеся страны, не проводились; теоретический интерес к проблеме «модернизации» выразился здесь прежде всего в формировании социологических и исторических теорий.

Еще одна характерная особенность становления теорий «модернизации» в ФРГ состоит в том, что здесь в результате общего превосходства Западной Европы над США в сфере формирования идеологических концепций уже в 50-е годы была разработана концепция «индустриального общества», которая вплоть до 70-х годов оставалась в ФРГ наиболее ходячей теоретической концепцией. Она вполне удовлетворяла потребность буржуазии в создании чувства уверенности в будущем, поскольку выдвигала псевдоперспективы и долго использовалась в качестве основы эффективной апологетики капитализма. Исходя из нее, ставились различные исто-

рические диагнозы, давались интерпретации современности, определялись локальные границы, в которых капитализм, эволюционировавший в «индустриальное общество», рассматривался как воплощение благосостояния, социальной справедливости, гуманности и демократии. Вера в то, что развивающаяся индустриализация с необходимостью влечет за собой гуманизацию и (буржуазную) демократизацию (теория «индустриализации — демократизации»), и иллюзия того, что все общественные процессы можно регулировать и программировать с помощью государственно-монополистического управленческого аппарата, в то время еще не были развены.

Сторонники концепции «индустриального общества» связывали их как с гибкими псевдолиберальными, так и с консервативными, авторитарными представлениями о социальном «порядке». Их реакционные социально-политические взгляды отразились в тезисе о «сформированном обществе». Этот тезис, выдвинутый консервативными теоретиками Г. Брифсом, Э. Фегелином, Р. Альтманом и распропагандированный в 1965 г. федеральным канцлером Л. Эрхардом, основывался на сглаживании конкурирующих общественных интересов (в противовес реальной картине «плюралистической демократии») и служил призывом к объединению всех социальных групп в целях повышения производительности труда в индустрии и усиления военной мощи империализма ФРГ. Таким образом создавалась модель «общественного порядка» для империалистических партнеров и государств Азии, Африки, Латинской Америки, «привлекательность» которой должна была, по замыслу авторов, «развенчать» социализм «идеологически и политически»³.

В историко-идеологической области этой модели соответствовала трехфазная периодизация «индустриального общества»: развитие от «общества классовой борьбы» в XIX в. через «плюралистическое общество-союз» первой половины XX в. к «сформированному обществу». С точки зрения этой периодизации ФРГ находилась на стадии перехода от «плюралистического» к «сформированному обществу»⁴. Быстро изъятая из обихода по тактическим соображениям концепция «сформированного общества» отражала эйфорию длившегося почти 20 лет экономического подъема ФРГ, а также официально выраженное правительством ФРГ после второй мировой войны стремление к превращению страны в великую державу.

Таким образом, к концу 60-х годов в ФРГ сформировалось буржуазное «мировоззрение насыщенности», которое не было серьезно поколеблено даже в период экономического спада 1966—1967 гг. Имевшийся в наличии мировоззренческий и общественно-теоретический арсенал удовлетворял потребностям сохранения системы. Концепция «сформированного общества» явилась попыткой направить противоречивый западный идеологический союз на борьбу против коммунизма по стратегическому пути, разработанному в соответствии с собственными представлениями. В области внешней политики в отношении социалистических государств господствовали заимствованные в США теории «эрозии восточного блока» и «конвергенции», которые рассматривались в качестве обещающих успех ориентировочных установок. Таким образом, до конца 60-х годов ФРГ не испытывала настоятельной потребности в разработке новой мировоззренческой и общественно-теоретической ориентации.

Это в большей степени касалось и буржуазной идеологии истории ФРГ 50—60-х годов. Главная причина сравнительно позднего обращения историографии ФРГ к новым теоретико-методологическим концепциям, прежде всего к теориям «модернизации» и концепциям социальной истории, состоит в использовании «эффекта приспособления», который проявился в следовании традициям историзма, и особенно его варианта, «реформированного» на основе концепции «индустриального общества».

До середины 50-х годов в ФРГ господствовали традиции несокрушимого и неоспоримого немецкого буржуазного историзма. Утверждение абсолютной неповторимости всех исторических событий обусловило отрицание лежащих в основе исторического процесса закономерностей. Абсолютное противопоставление естественных наук как «наук о законах» общественным наукам как «наукам о событиях» соответствовало противопоставлению номотетического (т. е. устанавливающего законы) и идеографического (т. е. описывающего события), или генерализирующего и индивидуализирующего, методов. Описание на основе соответствующих источников абсолютно неповторимых событий, индивидуальностей и процессов при помощи «теории ошибок» и интуитивного, лишённого оценочных суждений осуществления решений великих личностей рассматривалось как единственная научная форма историографии.

Предметом историографии была политическая исто-

рия, особенно история государств, личностей, войн, история права и церкви; экономическая же и социальная истории, как правило, не изучались. Поскольку использовались главным образом письменные источники, постольку к исследованию истории народов Азии, Африки и Южной Америки относились пренебрежительно. Отмеченные особенности историзма объясняют, почему в немецкой буржуазной истории в течение десятилетий⁵ теории считались лишними, даже вредными, а «теоретические дискуссии» рассматривались как «обременительные сопутствующие явления», «пригодные лишь для того, чтобы отвлечь историческое исследование от его непосредственных задач»⁶.

Нужно ли удивляться тому, что вследствие теоретической нетребовательности буржуазной истории в ФРГ, обусловленной длительным господством там традиционного историзма, после второй мировой войны теоретические постулаты концепции «индустриального общества» были выработаны не теоретиками истории и общества, а философами, социологами, политологами и антропологами (Г. Фрейером, А. Геленом, Р. Дарендорфом, Г. Шельски, Х. Графом ф. Кроковом). Упорно защищавшийся до тех пор «пережиток историзма»⁷ был существенным препятствием для развития социальной истории, а также для использования социологических теорий (и соответствующих им методов), в том числе теорий «модернизации».

В противоположность историкам и философам истории, например Г. Риттеру, Т. Литту, Э. Шпренгеру и Е. Ротхакеру, которые пытались сохранить традиционный историзм в неизменном виде и даже добиться признания его во всем мире⁸ и которые боролись с социально-историческими и (или) ориентировавшимися на позитивизм историографическими течениями (к примеру, против французского направления, сложившегося вокруг журнала «Annales»)⁹, более «гибкие» историки, представлявшие интересы крупной буржуазии (Х. Ротфельс, В. Конзе, Т. Шидер и К.-Д. Эрдман), старались связать традиционный историзм с теоретическими положениями концепции «индустриального общества» и приспособить его к изменяющимся условиям и к буржуазной идеологии других капиталистических стран.

В этом плане работа В. Конзе «Die Strukturgeschichte des technisch — industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht» приобрела прямо-таки программное значение. Опираясь на прогноз А. Токвиля

о демократизации человеческого бытия и доклад Й. Хейзинги «Über eine Formverwandlung der Geschichte seit Mitte des 19. Jahrhunderts»¹¹, Конзе констатировал вызванный вторжением «индустриального мира» разрыв непрерывности: история с тех пор больше не представлялась результатом действия отдельных «драматических персонажей», а растворялась в беспредельности коллективного творчества и анонимности экономических и социальных процессов, становилась аморфной, бесформенной.

Таким образом, промышленная революция на рубеже XVIII—XIX вв. изображалась как решающий разрыв истории¹². С разрушением старых общественных структур радикально менялся способ существования всех людей на Земле. Одновременно с этим на месте параллельно протекавших исторических процессов и относительно замкнутых в себе культурных кругов возникала «общая связь, распространившаяся впервые на всемирную историю»¹³. Это требовало «пересмотра исторической картины и системы преподавания»¹⁴.

Перед исследователями периодизации всемирной истории встала задача пересмотра трехступенчатой схемы: античность, средневековье, новое время. Вместо этого они сконструировали схему трех всемирно-исторических эпох: «Первая стадия охватывает в строгом смысле слова доисторическое время... Вторая стадия берет начало с развития более высокой культуры около 6000 лет тому назад и кончается современным процессом революционизации общества... Третья стадия начинается только в современный промышленный период (истоки промышленной революции восходят к XVIII в.), и ее нужно рассматривать как конечную цель европейской всемирной истории»¹⁵.

Для исторического метода также требовалось приспособление к новой всемирной эпохе. Историческая наука оказалась недостаточно зрелой для объяснения изменения форм исторического развития. К этому времени свою точку зрения по этой важнейшей теме современности выразили главным образом философы и социологи¹⁶. Коль скоро история уже не рассматривается как действие отдельных людей, историческая наука не может больше обходиться традиционными средствами, т. е. изменение исторического процесса вызывает изменение исторического метода. Конзе объявил противоречие между индивидуализирующими и генерализирующими методами преодоленным «посредством синтеза структурированного

Взгляда на историю»¹⁷; он выдвигал в качестве задачи первостепенной важности «ликвидацию ложного разделения понятий между социальной и политической историей»¹⁸.

В указанном сочинении Конзе, которое рассматривалось как одно из основополагающих¹⁹, отразилось прежде всего зарождавшееся у группы «гибких» буржуазных историков понимание того, что познавательные средства и методы традиционного историзма непригодны для анализа противоборства капитализма и социализма, классовой борьбы и массовых движений в капиталистических странах с позиций идеологических и стратегических потребностей буржуазии. Ориентированные на эти методы исторические исследования не могли внести вклад в формирование империалистической политики и идеологии и хотя бы приблизительно объяснить значение экономических и социальных проблем в развитии исторического процесса. В. Конзе довольно точно обозначил сферу исследования и границы, в которых они могут быть использованы.

Необходимо было расширить «сферу действия» буржуазной историографии путем нового истолкования человеческой истории с точки зрения концепции «индустриального общества», структурированного рассмотрения истории, а также изучения связи политической и социальной истории. С помощью новой интерпретации истории человечества следовало противопоставить объективной закономерности современной эпохи — переходу от капитализма к социализму в мировом масштабе — фиктивную закономерность — переход от «аграрного» к «индустриальному обществу». Таким образом предполагалось определить псевдоперспективу развития капитализма и благодаря использованию структурного метода в исследовании всеобщей и социальной истории преодолеть ограниченность того историзма, который был ориентирован на изучение событий, личностей, истории дипломатии и политики, т. е. открыть дорогу новому взгляду на историю. При этом ни в коем случае нельзя было порывать с историзмом, нужно было лишь приспособить его к изменившимся условиям, отбросить не подходящие более элементы. В остальном же следовало придерживаться главных принципов историзма — пусть даже частично или же модифицировав их.

Во-первых, необходимо было ограничить применимость методологических принципов историзма лишь исследованием индустриальной эпохи. Для анализа «пре-

дындустриальной эпохи» методы историзма считались в сущности приемлемыми, как будто в эпоху «доиндустриального» капитализма не существовало экономических и социальных структур и процессов, а имели место лишь единичные события, действия великих людей и влияние идей. Поэтому принцип индивидуализма признавался в качестве «действенного» и для докапиталистических обществ, и для так называемой истории событий. Предложенный Конзе синтез «перечня исторических событий» и «истории структур» не мог отразить диалектику события, структуры и процесса.

Во-вторых, метод историзма следовало «уточнить» посредством ориентации на политическую историю как на ядро историографии: исследование «технично-индустриального века» должно было «показать его специфически историческую сущность, охарактеризовать политическую борьбу и политические решения»²⁰.

В-третьих, это следовало сделать за счет отрицания не только объективных закономерностей современной эпохи, но и детерминированности истории вообще посредством введения категории «открытость». «Мы не знаем,— утверждал Конзе,— что несет наступившая эпоха... Сегодня, как и прежде, верно, что ситуация, в которой мы живем, открыта для будущего (Фрейер)»²¹.

Сочинение Конзе, как и работы его единомышленников из числа «гибких» буржуазных историков²², намечало концептуальные рамки буржуазной историографии ФРГ, в которых в 60-х годах теория «индустриального общества» достигла определенного влияния и было официально признано господство ее главных представителей в этой науке²³. Различные варианты истолкования истории человечества на основе концепции «индустриального общества» стали центральным звеном позднебуржуазной исторической мысли. Однако попытки объяснить новую историю с позиций структурно-исторического подхода были безуспешны: в практике исторических исследований структурирование истории так и осталось «в основном программой»²⁴ и «скрытой традиционной историей»²⁵. Высокая конъюнктура социальной истории проявилась главным образом в «перемене названий давно утвердившихся тем или в сознательном игнорировании исторической науки социалистических стран»²⁶.

В сущности за этим скрывался поворот к буржуазной интерпретации истории рабочего движения, что не в последнюю очередь явилось реакцией на успехи исторической науки в ГДР в данной области²⁷.

Сколько бы незначительными ни были эти уточнения, их было достаточно, чтобы, с одной стороны, привести буржуазную историографию в ФРГ в соответствие с потребностями буржуазии, поставив эту науку на необходимую теоретико-методологическую платформу, а с другой — блокировать отдельные удары со стороны формировавшихся или обретавших новую ориентацию буржуазных социальных наук. В целом «эффект приспособления», свойственный «реформированному» историзму, оказался более действенным, чем упрямая защита неустойчивых позиций. Таким образом, в конце 60-х годов в ФРГ на фоне общей мировоззренческой успокоенности проявилась и теоретическая нетребовательность буржуазной историографии, которая зачастую прикрывалась лишь претенциозными лозунгами²⁸. Это положение коренным образом изменилось на рубеже 60—70-х годов.

2. К вопросу о влиянии общего кризиса капитализма на буржуазную историко-социологическую мысль в начале 70-х годов

Новые признаки общего кризиса капитализма. В начале 70-х годов общий кризис капитализма еще более обострился и углубился. Главным признаком этого было «вызревание и проявление всего комплекса противоречий системы капитализма (особенно под влиянием научно-технической революции) и качественные изменения в мире не в пользу капитализма»²⁹. Кризис определялся прежде всего следующими новыми процессами и явлениями:

— кризисом внешней политики империализма вследствие краха его послевоенной стратегии, что выразилось в повороте от «холодной войны» к политике разрядки;

— кризисом экономического базиса государственно-монополистической системы, который характеризовался переплетением разразившегося в 1974—1975 годах циклического кризиса и последовавшего за ним застоя;

— начавшимся в начале 70-х годов кризисом отношений империализма с развивающимися странами, причем последние стали выходить из-под неоколониалистского диктата вследствие резкого повышения цен на сырье и топливо на мировом рынке;

— обострением противоречий и соперничества между отдельными империалистическими странами и блоками;

— растущей нестабильностью политической системы империализма, что было связано с ростом социальных конфликтов в капиталистических странах и частыми правительственными кризисами;

— дальнейшим углублением кризиса буржуазной идеологии³⁰.

Углубление кризиса буржуазной идеологии³¹ проявилось в банкротстве концепций общества, основных представлений и убеждений, которые более двух десятилетий не подвергались сомнению. Как признавался З. Бжезинский, «интеллектуальный арсенал», который идеологи США «создавали четверть века, устарел... Все большие изменения претерпевали основные, фундаментальные гипотезы, которые до сих пор оказывали решающее воздействие на наши представления о мире»³².

Отметим главные признаки углубления кризиса буржуазной идеологии.

1. Буржуазия и ее апологеты были разочарованы результатами развития мировой капиталистической системы в послевоенный период. Крах империалистической стратегии «ограничения» и «отбрасывания назад», смягчения, раскола и разложения социализма, как и ослабление позиций капитализма в мире, обусловил формирование в общем-то трезвой, хотя нередко пессимистически окрашенной оценки возможностей империалистической политики. Эта тенденция выразилась, между прочим, в частичной утрате теорией «конвергенции» прежнего влияния, ее значения в качестве подспорья в формировании политической стратегии, особенно после поражения контрреволюции в Чехословакии в 1968 г. Все большее значение приобретала концепция эволюции. В капиталистических странах ширилось понимание того, что мирному сосуществованию между государствами с различным общественным строем нет разумной альтернативы.

2. Иллюзии о возможностях программирования (Programmierbarkeit) капиталистического хозяйства и возможности предотвращения социальных конфликтов или управления ими посредством подходящей «социальной техники», «концентрированных действий» и других методов, использовавшихся монополистическими государствами, потерпели крах. Тем самым были поставлены под сомнение господствовавшие после второй мировой войны в буржуазных общественных науках апологетические теории «общества благосостояния» (или «общества изобилия»), «общества среднего сословия», «бесклассового

общества производства и потребления», «плюралистического», «информированного», «сформированного», или «открытого», общества, наконец, «единого» общества, в которых уже не будет деления на классы и классовой борьбы. Более 20 лет общественная и политическая реальность, казалось, подтверждала эти теории, поскольку за периодом острых классовых столкновений во всех капиталистических странах последовал длительный (прерывавшийся лишь коротким спадом в некоторых из них) экономический подъем, сопровождавшийся, например, в ФРГ ослаблением классовой борьбы и установлением политической стабильности.

С концом «экономического чуда» прямая апологетика капитализма, пропаганда «американского образа жизни» после второй мировой войны, а самих США как модели будущего человечества, а также косвенная апологетика в форме словесных манипуляций (превращение «капитализма» в «индустриальное общество» и т. п.) стали неэффективными. Первым признаком этого было «вторичное открытие» социального неравенства на XVI конгрессе социологов ФРГ, состоявшемся в 1968 г. во Франкфурте-на-Майне и посвященном проблеме «Поздний капитализм или индустриальное общество?». «Впервые во Франкфурте общество не только анализировалось с помощью категорий марксизма, но и утверждалось, что общество в ФРГ, которое, согласно бытовавшему представлению, движется ко все большему экономическому благосостоянию и социальной гармонии, является старым классовым обществом, анализировавшимся еще Марксом»³³.

Буржуазные идеологи все решительнее обращались к идее о необходимости общественных изменений: капитализм нуждается в реформах, он способен к реформам и, следовательно, имеет будущее.

3. Иллюзии неограниченного экономического роста, как и соответствующие способы решения социальных проблем, должны были быть погребены. Пропагандировавшиеся десятилетиями фетишизм роста и представление о нем как о высшей ценности явно обанкротились. В. Моммзен выразил это следующими словами: «В настоящее время миф о том, что реальный, непрерывный рост может решить все политические и общественные проблемы, теряет свою магическую силу»³⁴. С начала 70-х годов место в колоссальном, постоянно увеличивавшемся потоке книг и статей, в докладах Римскому клубу³⁵, являвшихся, пожалуй, самыми известными тогда

публикациями, заняли многочисленные альтернативные идеи — от полного прекращения роста производительных сил («нулевой рост») до «управляемого», или «контролируемого», роста; в любом случае предлагалось в той или иной мере ограничить этот рост. Введенное Дж. Гэлбрейтом в 1958 г. в книге «Общество изобилия» понятие «качество жизни» стало во второй половине 60-х годов той социологической категорией, с помощью которой доказывалась сомнительность сформулированного впервые А. Смитом в работе «Исследование свойства и причин богатства народов» («An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (1776 г.)³⁶ и в течение двух веков бывшего популярным утверждения буржуазной экономической мысли о том, что благосостояние страны измеряется количеством произведенных в ней материальных благ. Это утверждение было совершенно изменено, и сейчас оно гласит: чем выше уровень жизни, тем ниже ее качество, и наоборот. С тех пор данное понятие прочно вошло в категориальный аппарат американских практиков социального моделирования и теоретиков идеологии³⁷.

В процессе переосмысления основных вопросов общественной жизни, проходившем, естественно, при резких разногласиях среди буржуазных идеологов, нашел отражение тот реальный факт, что буржуазия не может справиться с производительными силами, которые она сама развила, и что капиталистические производственные отношения стали слишком тесными для производительных сил периода научно-технической революции. В современной буржуазной картине мира данная проблема понимается главным образом как вызванный ростом производительных сил конфликт между обществом и природой, т. е. как мировая глобальная проблема. Характерные для капитализма противоречия с помощью теории «конвергенции» распространяются на весь мир, и кризисы, свойственные капитализму, объявляются общечеловеческими. Отсюда нередко делается вывод, что дальнейшее развитие человечества возможно только в том случае, если оно придет к какому-либо единству, поставит перед собой общие цели и предпримет согласованные действия для их осуществления в глобальном масштабе. Этот формулируемый чаще всего с гуманистических позиций призыв к созданию «глобального общества», как и возведение так называемого конфликта Север—Юг в важнейшую причину глобальных проблем, является питательной почвой для возникновения нового варианта

теории «конвергенции», которая используется буржуазной пропагандой с целью утвердить политическую и идеологическую «конвергенцию» и устранить классовую борьбу якобы в интересах сохранения человечества³⁸.

4. Интерес к марксизму и его влияние в капиталистическом мире невозможно стало игнорировать. Наоборот, после того как несколько поколений буржуазных идеологов объявляли марксизм погребенным, опровергнутым или превзойденным, в буржуазном обществе сегодня едва ли найдется хоть одно политическое течение или идеологическое направление, которое не пыталось бы в какой-либо форме сослаться на ту или иную мысль К. Маркса и Ф. Энгельса³⁹. Буржуазные идеологи говорят о «действительном интересе к идеям Маркса»⁴⁰ и об «абсолютной неэффективности» всех мер, «предпринимавшихся за последние 40—50 лет с целью ослабить влияние марксизма»⁴¹. Враги марксизма вынуждены рядиться в марксистские одежды или вести борьбу против «современного» марксизма якобы с позиций его основоположников, поскольку им не удается развить принципиально новые перспективные концепции общества, основанные на буржуазной идеологии; и это является еще одним свидетельством кризиса буржуазной идеологии (здесь уместно напомнить о невыполненном требовании Т. Шидера о том, что исторический материализм должен быть «побит его собственным оружием»⁴²).

Однако следует иметь в виду и иные классовые мотивы интереса к марксизму растущей части рабочих, и прежде всего молодого поколения, обусловленные их враждебностью капиталистической системе и желанием найти альтернативу капитализму. Руководящие круги буржуазии чрезвычайно обеспокоены данным обстоятельством⁴³. Так, в «Заявлении по основным общественно-политическим вопросам» федерального объединения немецкого союза работодателей от 19 августа 1974 г. речь идет об «общественно-политических волнениях», «всплеске критики капитализма» и о «новом оживлении марксизма». В нем правильно отмечается, что «столкновения по поводу направления, в котором должно в дальнейшем развиваться общественное устройство, сегодня более тотальны и глубоки, чем в начальный период существования Федеративной республики»⁴⁴.

К вопросу о значении студенческого движения для социальных наук в ФРГ. Влияние студенческого движения на социальные науки капиталистических стран до сих пор не исследовано в марксистской литературе. Дис-

куссиям часто свойственны различные и даже порой совершенно противоположные точки зрения, но все большее значение приобретает тенденция определения влияния студенческого движения на социальные науки как так называемой вненаучной причины и противопоставления его причинам, внутренне присущим развитию науки. При этом студенческое движение недооценивается или игнорируется. В литературе ФРГ, напротив, влияние студенческого движения на социальную науку оценивается в общем высоко и в зависимости от позиций идеологов — позитивно или негативно, одобряется или осуждается.

В качестве примера можно привести, с одной стороны, высказывания Р. Кюнля, Г.-А. Винклера и И. Гейса, с другой — консервативных ученых, членов реакционного «Союза свободной науки» и «Федерального союза немецкой индустрии».

Кюнль констатирует, что историческая наука в вузах ФРГ, как и во времена кайзера, Веймарской республики, фашизма, носила печать «консервативной идеологии», она была свободна от «общественно-критических тенденций». «Однако с периода студенческих волнений 1967—1968 гг. критику исторической науки уже нельзя было задуть, даже несмотря на то, что лишь немногим критически настроенным ученым удалось получить должности профессоров»⁴⁵.

Винклер, высказываясь по поводу XXXI съезда историков ФРГ в Маннгейме в 1976 г., среди причин формирования «социально-научного направления» в исторической науке ФРГ назвал «очевидную невозможность решить традиционными средствами важнейший, вставший перед немецкими историками в послевоенное время вопрос о глубинных основах господства национал-социалистов», а также об обратном влиянии сближения гимназических курсов истории, обществоведения и географии на академический курс «Влияние студенческих волнений». «Возрождение марксизма в конце 60-х — начале 70-х годов не миновало историческую науку»⁴⁶. Гейс настойчиво предупреждал: «Если современные тенденции в студенчестве ФРГ полностью проявятся в предстоящие десятилетия, следует ожидать проникновения марксизма и в историческую науку»⁴⁷.

Господствующие круги монополистического капитала восприняли студенческое движение как тревожный сигнал. Такие консервативные историки, как Э. Нольте, А. Хилльгрубер и К. Репген, и социологи, например Г. Шельски и Э. Шойх, еще ранее высказали догадки

относительно исторического значения студенческого движения для ФРГ и решительно выступили против него. «Дезергирство элиты» казалось им грозным свидетельством утраты стабильности существующей системы господства, «глубокого кризиса основ Федеральной республики»⁴⁸.

Если значительная часть студенчества хочет уклониться от социальной функции воспроизводства идеологии и обратить свои взоры на идеи, критикующие систему, прежде всего на марксизм, то это в то же время доказывает, что противоречия капиталистического общества достигли такой степени, когда «под сомнение ставится сама господствующая идеология»⁴⁹. В 1971 г. меморандумом о состоянии исследований и обучения «Федеральный союз немецкой индустрии» вмешался в дискуссии, проходившие в высшей школе. В меморандуме, в частности, указывалось: «партнерство экономики и науки» подвергается опасности вследствие развития событий в высшей школе; в меморандуме был объявлен поход против «идеологизации и политизации» университетов⁵⁰.

Несмотря на спад студенческого движения, оно оставило ощутимые последствия: усиление внепарламентской оппозиции, неуверенность правящих классов, массовое участие студентов в практической и политической разработке оппозиционной общественной концепции, политизацию исследовательского и учебного процессов. Это дало толчок определенным изменениям в организации и структуре университетов. Высшая школа не могла вернуться к существовавшему до 1967 г. положению, тем более что ни одна из проблем, из-за которых вспыхнуло тогда студенческое движение, не была решена. Союз «Спартак» — марксистская студенческая организация — включился в революционное рабочее движение.

Студенческое движение бросило двойной вызов буржуазным социальным наукам (особенно в университетах и других вузах): поиск студентами альтернативы буржуазной идеологии привел к невиданному увлечению их произведениями Маркса, Энгельса, Ленина и обращению значительной части студенчества к марксизму. Выражением этого было, в частности, требование: «Маркса в университеты! Образование — на службу интересам трудящихся». Преподаватели вузов, особенно на семинарах по социальным наукам, впервые встретились с выражением недовольства со стороны студентов, проявившимся в марксистском характере вопросов и выска-

зывавшихся точек зрения. Чтобы вести споры квалифицированно, преподаватели социологических и политологических дисциплин были вынуждены всерьез заняться изучением марксизма, что подчас сопровождалось определенным заимствованием ими некоторых марксистских терминов, методов и точек зрения.

Другое существенное следствие студенческого движения касается понимания задач и функций науки. Протест против апологетического характера существующих наук — как одно из главных направлений студенческого движения — проявился в острой критике буржуазного понимания науки и ее функций. «Задача университетской науки, — говорилось в решении конгресса «Свободных университетов» Западного Берлина от 26 мая 1967 г., — не может быть ограничена производством знаний, которые обеспечивают развитие производства... Наука должна постоянно ставить под сомнение существующие общественные отношения и обеспечивать политическую действительность своей критикой»⁵¹. В результате возникали организации, более или менее быстро распадавшиеся вследствие непригодности, такие, как задуманные в качестве альтернативы «Критические университеты» в Западном Берлине, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне, Гейдельберге и Майнце⁵², и многочисленные «базисные группы» в университетах и вузах ФРГ и Западного Берлина, в которых студенты выступали против содержания обучения⁵³. В отдельных случаях студенты под руководством прогрессивных преподавателей усваивали марксистские идеи, что отразилось в публикациях⁵⁴. Молодые ученые начали выступать с критикой исторической науки⁵⁵. В прогрессивном западноберлинском журнале «Аргумент» публиковались антиимпериалистически настроенные, подчас выдвинувшиеся благодаря студенческому движению историки и другие ученые-обществоведы, выступавшие с критикой буржуазных социальных наук⁵⁶.

Таким образом, студенческое движение 60-х годов оказалось в известной степени тем фактором, благодаря которому значительная часть профессорско-преподавательского состава столкнулась с обострившимся общим кризисом капитализма. Это движение побудило многих преподавателей пересмотреть свои научно-теоретические позиции, что вызвало резкую ответную реакцию и привело либо к усилению консервативно-авторитарных тенденций⁵⁷ (к разработке более утонченной стратегии муштровки), либо к формированию социал-реформистских тенденций, к сближению с антиимпериалистически-

ми, а в некоторых случаях и с марксистскими позициями, тем самым так или иначе оказав влияние и на духовное перевооружение исторической науки⁵⁸.

Вызов, брошенный истории социальными науками в ходе теоретического преодоления общего кризиса капитализма. На рубеже 60—70-х годов общественная функция буржуазной истории в ФРГ была взята под сомнение ввиду усиления конкуренции между буржуазными социальными науками, критики ее со стороны ведущих представителей монополистической буржуазии и, наконец, критики самой этой науки. Буржуазных историков упрекали в том, что они больше не дают полезных рекомендаций для стратегии планирования и советов в области политики и поэтому не могут выполнить функцию формирования идеологии, соответствующей изменяющимся потребностям. Авторитет таких историков, как Х. Ротфельс, В. Конзе, Т. Шидер и К.-Д. Эрдман, считавшихся «духовными отцами» «гибкой» политики ФРГ в отношении социалистических стран Восточной Европы и ГДР, упал⁵⁹. Как традиционный историзм, который к тому времени уже утратил прежнее влияние, так и «реформированный» историзм, который застыл в концептуальных рамках концепции «индустриального общества» конца 50-х годов, испытывали на рубеже 60—70-х годов острый дефицит теорий, причем последний в большей степени, чем первый. Временное превосходство ФРГ в формировании концепций истории по сравнению с другими социальными науками (например, с эмпирической социологией) обернулось для нее отставанием от развития исторической науки в других капиталистических странах.

В 60-х годах чрезвычайно быстро росло число ученых-обществоведов, высказывавшихся за «помощь демократии со стороны науки...». Наряду со «старыми» дисциплинами — экономикой и социологией — быстро развивались «новые» — политология и футурология. В 1967 г. каждый шестой студент в ФРГ занимался на одной из 450 гуманитарных кафедр⁶⁰.

Буржуазной истории пришлось выдерживать серьезную конкуренцию в плане научности и идеологического обеспечения со стороны социальных наук по трем причинам. Первая заключается в самом предмете и соответственно в результатах социальных наук, более непосредственно связанных с политической практикой и вследствие этого способных быстрее, чем история, откликаться на новые политические и идеологические за-

просы буржуазии. Кроме того, описывая положение вещей, исследуя тенденции и вырабатывая конкретные практические рекомендации, они создают теорию господства и предлагают соответствующие методы его осуществления⁶¹. Наконец, большинство буржуазных социальных наук, за исключением экономики и социологии как сравнительно молодых дисциплин, в значительно меньшей степени, чем историография, связаны с политико-мировоззренческими и теоретико-методологическими традициями. Это делает социальные науки во многих отношениях более полезными для государственно-монополистической системы господства, чем историографию. Ее значение для выработки стратегии определяется тем, что она изучает довольно большие отрезки времени⁶², а функция формирования идеологии оказывается результативной лишь после дальнейшей обработки исторических данных (философское истолкование, возможность распространения через средства массовой информации, школьные учебники и т. д.)⁶³.

Обусловленное отчасти спецификой предмета, а отчасти господством консервативных представлений о предмете и задачах истории, это отставание историографии от социальных наук привело к тому, что темы, составлявшие предмет исторической науки, начинали разрабатывать политологи. Последние в большинстве своем с полным или неполным историческим образованием, такие, как К.-Д. Брахер, Г.-А. Якобсен, В. Бессон, И. К. Фест и другие, опубликовали свои первые работы по истории Веймарской республики и фашизма, в которых открыто подвергли сомнению традиционный историзм как метод познания новейшей истории⁶⁴.

Первые солидные труды по истории ФРГ и по «германскому вопросу» также вышли из-под пера социологов, политологов и политических деятелей⁶⁵ (если не были написаны учеными-иностранцами⁶⁶ или журналистами⁶⁷). Так называемые исследования коммунизма и особенно исследования, посвященные ГДР, в значительной степени за счет усилий Р. Левенталя, Б. Майснера, П.-Х. Лудца, Э. Рихерта и других ведутся в рамках политологии и социологии⁶⁸. Аналогичное положение наблюдалось в области исследования проблем так называемой деколонизации и политики развития, «проблем мира и конфликтов», а также в футурологии, к которым (этим проблемам.— *Прим. переводчика*) историки ФРГ до 70-х годов почти не имели никакого отношения⁶⁹.

Не удивительно, что в 60-х годах историки ФРГ

столкнулись с усиливающейся критикой их со стороны представителей других социальных наук. Так, Р. Дарендорф в связи с «дебатами Фритца — Фишера»⁷⁰ обрек на «плачевную участь школьных учебников» труды большинства историков, которые «вместо серьезного анализа связей» занялись «изучением достоверности и важности документов», за их дилетантизм в духе а ла Дильтей и Майнеке⁷¹. О. К. Флехтхайм критиковал многих историков за их «ретроспективно-устрашающую установку» («retrospektive-neorhobe»), за пристрастие к «структурам и процессам, которые были типичны для статических обществ прошлого», за абсолютизацию режимов и борьбы за власть в последние 6 тыс. лет, что равнозначно сужению временных рамок истории человечества, исключению из нее периода первобытнообщинного строя и сокращению «возможностей для создания более рациональных и единых мировых культур будущего»⁷². Э. Криппендорф критиковал 6-й том «Saeculum-Weltgeschichte» за целый ряд методологических погрешностей, в частности за «серьезный недостаток «теории» и аналитической ясности», за то, что при изображении возникновения мировой истории его авторы или оставляют «белые пятна», или делают какие-то «смутные замечания», традиционно интерпретируют европейскую экспансию как историю распространения широких культурных кругов, упуская при этом качественно новый момент — возникновение глобального динамичного «индустриального общества». Напротив, «все еще большое внимание уделяется описанию политики, истории войн, культурного развития, как будто в последние десятилетия не было никакой экономической и социальной истории»⁷³. Даже К. Аденауэр осуждал склонность к «антикварному». Он писал: «Я, конечно, не требую пророчеств от историка, но полагаю, что его работа, особенно специалиста по новейшей истории, только в том случае сделана по-настоящему, если он как можно убедительнее выводит будущее развитие из сегодняшних событий»⁷⁴.

Наконец, буржуазные философы и ученые-обществоведы с помощью различных, подчас противоположных аргументов начали оспаривать исторический характер «индустриального» века. Научно-технический век лишен истории, поскольку действовавшие в предыдущие эпохи на основе собственного целеполагания личности и классы в тисках технологических структур так крепко «срослись» друг с другом, что историческое действие как сознательное осуществление их интересов стало невоз-

возможным. Этот век растворяется в структурах, системах, механизмах регулирования и планирования, в нем еще существуют политическая стратегия и конфликты, процессы управления и равновесие, и нет никаких процессов развития, прежде всего никаких творящих историю сил, которые своими действиями ускоряли бы ход общественной жизни.

Тем самым история в сущности подходит к своему концу: место политики занимает кибернетическая «само-стабилизация», исторические альтернативы существующему положению становятся невозможными⁷⁵. А. Гелен объяснял, что настоящее время должно быть понято как эпоха, лишенная истории, т. е. как эпоха одного технического прогресса. Это заставляет «обозначать его, в сущности, как постисторическое время, так же как говорить и о предисторическом»⁷⁶. Г. Шельски видел смысл современной эпохи в возникновении «технического государства», которое порождает «тотальную закономерность вещей», не допускающую иных политических решений, кроме выбора мнений о вещах⁷⁷. Ю. Хабермас возвестил о конце истории, наступившем якобы вследствие исчезновения самостоятельного действия в условиях могущественности структур⁷⁸.

Вторая линия аргументации подводила к выводу о прекращении истории в результате необходимой остановки развития производительных сил. В теории «нулевого роста», исключая дальнейшее преобразование производительных сил, также содержалось утверждение об остановке в развитии истории. Р. Дарендорф дал объяснение этому выводу, не признавая историю и диалектику как «прогресс от одной ступени к другой», сводя их к «перемене тем»: тема прогресса, веры в «безграничные возможности количественного расширения» оказалась исчерпанной. Новой темой 70-х годов «является не расширение границ, а улучшение (мелиорация)... качественное развитие вместо количественного»⁷⁹.

Подобные противоречащие реальной истории заявления о начале постистории — это, конечно, современные варианты характерных для буржуазной исторической мысли представлений о том, что, кроме капитализма, не может быть общества более высокого уровня развития. К ним целиком относится критика К. Марксом буржуазных представлений об обществе, в которых лишь становление капитализма рассматривается с исторических позиций, а сам капиталистический строй оказывается вне истории. В забвении существенных различий между об-

ществеными формациями, писал К. Маркс, «заключается... вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений»⁸⁰. Буржуазные отношения рассматриваются в качестве естественных, не зависящих от влияния времени и потому вечных. «Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет»⁸¹.

Новым в современной буржуазной аргументации о конце истории является отход от онтологизации капиталистических производственных отношений и гипостазирования «надысторического индивида», частной собственности как теоретического обоснования вечности капитализма. Вместо этого в качестве идеального состояния последнего стал трактоваться застой производства; он и якобы обусловленные вещными отношениями технологические и общественные структуры объявляются ответственными за остановку исторического развития; на них сваливают то, в чем виновен капитализм как система. Концепции постистории и постиндустриального общества отражают тот факт, что буржуазия не может управлять производительными силами, которые она развила, и что по мере того, как буржуазия становится все более реакционной, она лишается связей со своим прошлым и с историческим характером современности. Этим обусловлено появление элементов поворота к антиисторизму в позднебуржуазной идеологии⁸².

Тезис о конце истории представлял собой значительно более серьезный вызов буржуазной истории, чем ее продолжительная критика. В то время как последняя имела целью преодоление очевидных слабостей и упущений при выполнении исторической наукой ее политико-идеологических функций, в первом ставилось под сомнение в сущности право на существование истории как науки: история является не чем иным, как «метафизической тоской по прошлому» (Г. Шельски), вера в историю суть «последняя религия образованных» (К. Лёвит). В сознании общественности существует мнение, саркастически заметил Ю. Радкау, «что историк посвящает себя мрачно-уединенной деятельности лемура, которая лишь случайно прерывается старческим хихиканьем». Многие студенты (и, кстати, не худшие) испытывают по отношению к истории «тоску и презрение»⁸³.

Влиятельные историки ФРГ восприняли конкуренцию и критику со стороны представителей социальных наук как посягательство на ее право на существование в качестве науки и реагировали на них жалобными стена-

ниями, которые звучали и на кельнской (1970 г.) и на регенсбургской (1972 г.) конференциях историков. Характерны названия прочитанных на этих конференциях докладов: «Зачем еще история?» (1970 г.)⁸⁴, «Жить без истории?» (1972 г.)⁸⁵. Тогда же началась дискуссия о возможностях и задачах истории, а также о новом определении связи между историографией, теорией и методологией, которая в 60-х годах достигла, особенно в ФРГ, невероятной остроты⁸⁶ и породила «растущую, подобно снежному кому, массу»⁸⁷ публикаций⁸⁸.

Этот далеко еще не закончившийся процесс привел к тому, «что из буржуазной историографии ФРГ был устранен традиционный балласт и подхвачены новые методы, постановки проблем, что позволяло учитывать актуальные запросы времени»⁸⁹. В дальнейшем это привело к дифференциации точек зрения и направлений по вопросам нового определения предмета, задач и функций, эвристических возможностей и содержания теорий в исторической науке. От все еще господствующих буржуазно-либеральных и буржуазно-консервативных направлений отмежевалась группировка, представляющая меньшинство, но все более определяющая содержание и характер дискуссии и заставляющая реагировать на это своих противников.

3. Новое определение предмета, задач и функций исторической науки историками, группирующимися вокруг журнала «История и общество»

С начала 70-х годов в ФРГ существовали два пути преодоления кризиса буржуазной историографии. Исходя из исследований и оценок Г. Лоцека⁹⁰ и К. Ирмшлера⁹¹, их можно охарактеризовать следующим образом.

Первый путь состоял в стремлении расширить разработанную на рубеже 50—60-х годов и признанную большинством буржуазных историков концепцию «современной» социальной истории за счет «постепенного укрепления уже созданных теоретико-методологических позиций... в строго ограниченных рамках, т. е. лишь частично расширяя теоретико-методологический инструментарий»⁹². Представители этого «ограниченного» варианта социальной истории старались (еще в 60-х годах) превратить его в норму и блокировать все стремления

продвинуться дальше⁹³. Они отразили господствующую и поныне тенденцию в области теории и методологии буржуазной историографии ФРГ.

В отличие от этого в начале 70-х годов сформировалось незначительное по численности, но постепенно завоевывавшее все большее влияние направление, представители которого стремились «в рамках буржуазной исторической мысли расширить социальную историю до так называемой истории общества»⁹⁴. Этот «расширительный вариант» социальной истории был основан на разработанных к концу 60-х годов принципах «ограниченного варианта», однако его сторонники отказались от них по научно-теоретическим и политическим соображениям, прежде всего из-за недостаточной содержательности теории исторического процесса и наличия в ней откровенной или завуалированной апологетики капитализма. История общества в этом варианте понималась «как история социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных феноменов, которые закрепились в определенной общественной формации. Центральной темой было исследование и изображение процессов и структур общественных изменений»⁹⁵. В научно-теоретическом плане это расширение понималось как изменение социальной истории от «аспектной истории» к «интеграционной». Предполагалось, что методологически история общества должна строиться на основе «междисциплинарного подхода» и «не должна зависеть ни от застывших традиций... ни от новых догм любого происхождения»⁹⁶.

Однако и с политической, и с теоретико-методологической точек зрения это направление нельзя считать однородным. В политическом плане общим для его представителей является поддержка капиталистического общественного строя и более или менее ярко выраженная враждебность реальному социализму; в теоретико-методологическом отношении — признание и частичное заимствование наряду с другими и отдельных марксистских положений об обществе как методов исторического познания при одновременном отрицании марксистского мировоззрения и марксизма-ленинизма как целостного учения в единстве его составных частей. В качестве главных поставщиков идей данного направления выступили Г.-У. Велер, Й. Коцка и Г.-А. Винклер. Выходящий с 1975 г. журнал «История и общество», в основании и издании которого они приняли активное участие, можно рассматривать в качестве организационного центра,

объединявшего усилия ученых по преобразованию исторической науки в «историю общества».

Наряду с новым определением предмета исторической науки вырабатывалось и новое определение ее задач и функций как «историко-критической социальной науки»⁹⁷ или как «исторической социальной науки»⁹⁸. (Упомянувшиеся марксистские исследования касались лишь соотношения определений предмета и функций⁹⁹ или соединяли новое определение функций с определением предмета¹⁰⁰.)

Однако превращение социальной истории из «аспектной» в «интеграционную науку» само по себе еще никоим образом не связано с какой-либо определенной общественно-политической и общественно-теоретической ориентацией. Расширяясь по объему и обогащаясь методами социальных наук, социальная история допускает совершенно различные общественно-политические выводы и возможности интерпретации истории. С точки зрения содержания социальная история может быть представлена «по-разному: в смысле историко-материалистического учения об обществе и в качестве особого способа применения элементов структурно-функциональной теории в изучении истории общества, или как модели, созданные *ad hoc* (для этой цели.— *Прим. переводчика*)». Содержание социальной истории и постановка ее основных проблем остались даже для «союза консервативных историков (в США.— *Г. Р.*) 50—60-х годов центральными»¹⁰¹.

Г.-У. Велер предостерегал от «некритического отношения» социальной истории к общественному развитию. «По аналогии с существовавшей благочестивой и кроткой по отношению к государству историей политических событий, которая долго господствовала в Германии, можно говорить о наличии и столь же кроткой по отношению к обществу социальной истории, которая описывает социальное развитие, не рассматривая его в критическом плане... И хотя исторический опыт неумолимо доказал опасность почитательной к властям и благочестивой по отношению к государству историографии, тем не менее еще далеко не все видят столь же большую опасность, какую представляет собой некритический характер предшествовавшей социальной истории... Социальная история выполнит свою важную функцию в духовной сфере современного общества лишь в том случае, если в ней возобладает критический взгляд на описываемые события»¹⁰². Й. Коцка понимает социальную историю как

«важную, устремленную в будущее» «историко-критическую социальную науку»¹⁰³, не вскрывающую, однако, причинно-следственных связей в истории. «Расширительный вариант» социальной истории ни в коем случае нельзя отождествлять с «историко-критической социальной наукой». Уже очевидные различия в понимании целей общественно-политического развития между представителями «расширенного» варианта, например между Г.-У. Велером и В. Ю. Моммзенем, заставляют признать это. Кроме того, такие историки, как И. Гейс, не являющиеся типичными представителями социальной истории и скорее ориентирующиеся на политическую историю, разделяют общественно-политические цели «историко-критической социальной науки». Ее характер нельзя вывести из ее предмета, как и из теоретико-методологических посылок; это можно сделать, исходя из анализа ее общественно-политических целей. При этом важно учитывать понимание специфических задач, функций и возможностей исторической науки в капиталистическом мире, находящемся на третьем этапе общего кризиса.

В качестве своеобразной программы можно рассматривать предисловие редакторов журнала «История и общество», хотя оно как единая платформа совершенно различных точек зрения имеет явно компромиссный характер и выражает лишь более или менее общую позицию редакции издательства¹⁰⁴. Это совершенно новый для понимания науки буржуазными немецкими историками момент, когда они указывают в программном документе на «постоянную рефлексию» «связей научных исследований с общественной практикой» и, в частности, говорят о том, что, хотя «историческая наука испытывает влияние современных познавательных интересов, она в то же время благодаря анализу исторических процессов и решений прямо или косвенно оказывает обратное воздействие на современное общественное сознание и практику».

В свете такого определения функций исторической науки перед ней ставится задача критически проанализировать «общество как изменчивый результат исторического процесса, как результат использованных и упущенных возможностей» и тем самым способствовать эмансипации «разумных поступков индивидов и групп», разрабатывать «гуманные формы человеческого сосуществования, содействовать развитию исторически доказательной и практически действенной теории современности»¹⁰⁵.

В этом русле оказалось большинство высказываний отдельных представителей данной группы историков. При определении того, *против чего* должна быть критически настроена историческая наука и *от чего* должно быть освобождено общество, они в общем (за исключением Велера¹⁰⁶) воздерживаются от конкретного обращения к современности и выражения политических симпатий. Такая позиция основывается на буржуазном понимании теории и практики, согласно которому наука, делая выбор при решении политических вопросов «за кого» или «за что», якобы «всегда теряет относительную самостоятельность, не может соблюдать дистанцию по отношению к социальным и политическим столкновениям и кроме всего прочего выходит за рамки своих задач»¹⁰⁷. Эта позиция близка по духу к социологии знания К. Манхейма, которая содержит иллюзорные и в то же время элитарные представления о «свободно парящем интеллекте» как единственном носителе объективного знания. Таким образом, освободительная функция исторической науки состоит в сущности в критике и объяснении тех общественных и идеологических отношений, которые возникают на пути становления «гуманного» и «рационального» общества.

Каковы же препятствия движению общества по этому пути? Какой вклад должна внести историческая наука в их преодоление?

Исходным пунктом размышлений по данным вопросам является мысль о необходимости реформ и о способности капитализма осуществить их, а также признание необходимости изменения общественных отношений. Существующее в буржуазной идеологии и взятое на вооружение концепцией «индустриального общества» с целью апологетики капитализма главное псевдооптимистическое убеждение в природной тождественности, или взаимозависимости, индустриализации и «демократизации — гуманизации — гармонизации» (короче, теория «индустриализация — демократизация»¹⁰⁸) было отвергнуто. Та же участь постигла и ее кажущуюся псевдопессимистическую противоположность, а именно провозглашенный А. Геленом и Г. Шельски тезис об окаменелости общественных отношений вследствие усиления «диктата вещей», т. е. о конце истории.

Более того, оба тезиса служили целям оправдания существующего состояния буржуазного общества и, следовательно, были препятствием на пути к «гуманному» обществу, за что и подверглись резкой критике со сто-

роны идеологов. «Полагаться на будто бы постоянно динамический характер индустриального общества,— писал Велер,— безнадежное дело, поскольку известно, что индустриализация также всегда содержит в себе способность к перерождению. Она ни в коем случае не предоставляет гарантии вечной эластичности «открытого общества»». Каждое «бюрократическое индустриальное государство» может закаменеть в «скорлупе крепостной зависимости будущего» (Макс Вебер)¹⁰⁹. Исходя из взглядов Р. Косселека и В. Ю. Моммзена, Й. Коцка формулирует важную задачу «историко-критической социальной науки»: взять под «сомнение современные учредения, отчуждение квази-природного, растопить все будто бы окаменевшее, расколдовать мифы, исследовать идеологии, освободиться от воспоминаний, дать сознательную, соразмерную, саморефлексирующую критику», короче говоря, «погладить историю против шерсти» (В. Бенжамин)¹¹⁰.

В этом отношении Г.-У. Велер идет дальше, углубляя критику идеологии, показывая конкретные общественные силы и интересы, которые скрываются за «диктатом вещей» и в то же время проявляются в нем. Он выступает за демистификацию государства и «диктата вещей» и пишет о «лживости элитарного государства» (Г. Радбрух), которое преподносится приверженцами теории «сформированного общества» или «строгого политического стиля» как «бесценная традиция или идеальная модель»; он противопоставляет этому точку зрения, согласно которой «надпартийная идеология является тем, чем она всегда и была: оправданием авторитарного господства (доиндустриальной) элиты, вуалированием явно односторонних политических интересов и партийной принадлежности»¹¹¹. За «мистификацией государственного аппарата и бессмысленной преданностью политике «диктата вещей» скрыто с трудом поддающееся контролю господство отдельных, выдающихся личностей и бюрократических экспертов, заигрывающих с могущественными группами, преследующими вполне определенные интересы»¹¹².

В противоположность концепции «индустриального общества», в которой суть капиталистического общества 50—60-х годов усматривалась во все большем усилении демократии, справедливости и гармонии, сторонники «историко-критической социальной науки» рассматривают формирование «рационально-гуманного» общества как задачу на будущее. В этом плане Велер идет значи-

тельно дальше и в отличие от М. Вебера высказывается «за индивидуализированную либерально-капиталистическую систему...». Он выдвигает в качестве цели создание «массового демократического социального государства», в котором «осуществится гуманизация индустриального мира, а вместе с тем придет и планомерно-рациональный контроль»¹¹³.

В числе реальных, исторически сложившихся причин, препятствующих конкретному воплощению в жизнь утопии «гуманно-рационального» общества, указываются следующие:

а) противоречия доиндустриальных, т. е. уже устаревших, но еще господствующих структур;

б) различия в развитии отдельных сфер общественной жизни;

в) интересы капиталистической прибыли (пояняются только Велером). Скажем несколько слов о каждой из указанных причин.

А. Тезис о том, «что различное политическое развитие современных обществ (в том числе и капиталистического) по существу определяется доиндустриальными факторами»¹¹⁴, стал прямо-таки эталоном для социально-исторической науки в ФРГ. Его историческое доказательство должно было быть продемонстрировано на примере германского «особого пути»¹¹⁵ и помочь анализу современности, главным образом развития освободившихся стран. Поскольку важнейшим для этой науки был вопрос о предотвращении некапиталистического пути, и в первую очередь социалистической ориентации, постольку анализ истории Германии сводился к критике юнкерства и открытой апологетике монополистического капитала.

Начиная с М. Вебера, Т. Веблена¹¹⁶, Г. Розенберга¹¹⁷ и Б. Мура¹¹⁸ роковое вступление Германии на путь развития от «аграрного общества» к «индустриальному» объяснялось по существу консервированием экономических и политических позиций власти крупных собственников, что привело к «напряжению между прогрессивным экономическим и социальным развитием индустриального общества, с одной стороны, и пережившей самое себя, застывшей политической структурой — с другой»¹¹⁹, а в конечном счете к закату кайзеровского рейха, который оказался неспособным к «модернизации», развитию и привел к фашизму. Подъем и закат германского рейха (1871—1945 гг.) стремились изобразить «как в целом провалившуюся катастрофическим образом попытку ре-

шить универсальные проблемы, порожденные индустриализацией, возникновением промышленного пролетариата и требованиями демократии путем консервирования традиционной аристократической структуры...»¹²⁰.

Исходя из тезиса буржуазной историографии о несоответствии между экономической «модернизацией» и отставанием в решении социально-политических проблем¹²¹, характерного для германского кайзеровского рейха, представители социально-исторической науки ФРГ переоценивали роль юнкерства и принижали роль монополистического капитала. Тем самым они фактически игнорировали реальные возможности революционного рабочего движения в Германии, которые появились у него, к примеру, в ноябре 1918 г., и в результате рисовали явно негативную картину «особого германского пути», пропагандируемого реакционной историографией. В конце концов эта концепция переродилась в теорию, согласно которой «индустриальное общество» должно было лишь освободить общество от всех доиндустриальных, т. е. консервативных, авторитарных, государственных структур, чтобы дать возможность развиваться «массово-демократическому социальному государству».

Б. Утверждение о различиях в развитии отдельных сфер общественной жизни представляет собой одну из теоретических основ структурно-функциональной социологии. В исследовании исторического процесса историческими социальными науками в качестве теоретической системы координат вводится триединый комплекс, состоящий из взаимосвязанных компонентов: промышленного и аграрного роста, социальных изменений и борьбы политических сил при господстве стабильной либо изменяющейся системы¹²². Вследствие неравномерного развития этих компонентов происходит сдвиг различных фаз в движении общества, что может тормозить развитие «модернизированного» общества. Поэтому необходимо приводить в соответствие с общественным развитием основные задачи общества и политики, а также исторической науки, «синхронизировать с помощью контроля экономическое, социальное и политическое развитие и тем самым избегать неравномерного развития социально-политической сферы, которое может иметь опасные последствия»¹²³.

Данная концепция представляет собой модификацию возникшей еще в конце XIX в. теории «плюрализма факторов» как реакции на исторический материализм. Сторонники этой концепции отдавали должное марксизму

В исследовании значения экономических факторов, хотя отрицали, что развитие производительных сил и производственных отношений обуславливает структуру и развитие общественного строя. Общественное развитие было произвольно разбито на частичные процессы, или отдельные сферы, как, например, в теории «социального изменения» В. Ф. Огбурна (1922), а движение этих сфер в конечном счете выводилось из движения сознания¹²⁴.

Отрицание примата экономики и экономического детерминизма исторического развития выступает теоретической основой гипотезы «сдвига фаз», в рамках которой выдвигается идея равноценности всех общественных сфер. Нельзя не удивляться, пишет Велер, «что «область производства, экономики, индустриализации» может претендовать на «великий диктат», ведь «материальный субстрат принципиального характера» имеет такое же значение, как и другие «измерения развития»¹²⁵.

В данном тезисе содержатся два новых момента: во-первых, концентрирование исторических исследований на несоответствии социально-экономического и политико-идеологического развития; во-вторых, подчеркивается необходимость «рационального» контроля в целях равномерного развития общественных сфер.

В. В качестве одной из важнейших задач социально-исторической науки Велер называет ее помощь в выработке и поддержании сознания того, что «можно преобразовать рыночное общество и, несмотря на неизмеримые социальные расходы, направить это преобразование по пути формирования либерально-демократического государства». Он утверждает: «Нельзя не видеть того, что и рыночная экономика может стать с точки зрения социальных критериев подчиненной, а не самостоятельной сферой общества, может стать управляемой, вместо того чтобы быть подверженной влиянию естественных интересов, наконец, может подвергаться общественному контролю со стороны созданных для этого институтов, а не быть доминантой общественного развития»¹²⁶. В другом случае он даже ставит вопрос: что же «кроме успехов роста с их все более значительными социальными затратами оправдывает частную собственность на средства производства, частное присвоение прибыли и частное вложение инвестиций?»¹²⁷

Следует отметить, что подобные взгляды вполне уживаются с моделью «организованного капитализма», управляемого государственно-монополистического капитализма, «который должен регулироваться государством,

если оно не ослаблено окончательно»¹²⁸. Велер безоговорочно верит в прочность капиталистической системы и отдает предпочтение понятию «империализм», понимаемому как «социал-империализм», т. е. как техника управления социальными процессами, как средство снятия «внутреннего напряжения» (усматривая в этом «социально-эффективную стратегию»), как реакция правящих кругов на неполадки в социальном строе, возникающие вследствие экономических препятствий росту при переходе к «организованному капитализму»¹²⁹, или, в его понимании, к «либерально-демократическим ценностям», которые он считает «чрезвычайно достойными защиты»¹³⁰.

Взгляды Велера, а также других представителей «исторической социальной науки» вызывают «противодействие и открытое недовольство ведущих буржуазных историков ФРГ и других консервативных сил... Последние опасаются, что исторические и общественно-теоретические взгляды Велера, Коцки и других, затрагивая проблему границ современной государственно-монополистической системы господства, могут привести к сближению с марксистским направлением, к постановке «запретных» вопросов и тем самым нанести определенный ущерб основам буржуазной историографии, а вместе с тем (что весьма существенно) буржуазной идеологии и политике»¹³¹. Эти обвинения направлены прежде всего против общественно-политических взглядов указанной выше группы ученых-историков¹³².

Какова же классовая сущность общественно-политической концепции ученых-историков, представленных в журнале «История и общество»? В марксистской литературе, в которой основное внимание до сих пор уделялось концепции Велера как ведущего теоретика анализируемого направления, еще нет единого мнения по этому вопросу. Так, Г.-Д. Китштайнер характеризует Велера как апологета капитализма, который проецирует установки буржуазной экономической теории на исторический процесс и тем самым не только стремится дать «явное доказательство долговечности капиталистической системы», но и способствует ориентации на воспроизводство капитала. По мнению Велера, сам исторический процесс «сводится к стремлению сохранить теории накопления и конъюнктуры», которые отражают «хотя и временно диспропорциональное, но бесконечно продолжающееся накопление капитала»¹³³. Г. Фюлберт критикует «тяготение к неопределенности» как естественную установку «инду-

стриального общества»¹³⁴. Г. Лоцек и К. Ирмшлер определяют общественно-политическую концепцию этой группы историков как «буржуазно-социал-реформистскую»¹³⁵ или «социал-реформистскую»¹³⁶.

Вследствие того что общественно-политические взгляды ее сторонников заметно разнятся¹³⁷ между собой, обе приведенные оценки их представляются проблематичными по двум причинам. Во-первых, социал-реформизм возник среди тех рабочих, которые отрицали главную задачу революционной классовой борьбы и тем самым отходили от позиций марксизма-ленинизма¹³⁸. Поэтому о социал-реформизме данной группы не может быть и речи. Во-вторых, у нее отсутствует какое-либо определенное отношение к рабочему движению (безразлично — к революционному или к оппортунистическому) как к социальной силе, стремящейся к реализации своих общественно-политических идеалов. Представители указанной группы руководствуются, как правило, положениями К. Манхейма, считая себя «свободно парящей интеллигенцией», а свою критику — объективной именно вследствие их неопределенного социального положения. В результате этого возникает иллюзия, будто с помощью одной критики и разъяснительной работы наука может выполнить свою социальную функцию. Относительная изолированность интеллектуалов создает впечатление, будто их позиции не зависят от их классовой принадлежности. Социальные различия между разрабатывающей идеологию интеллигенцией и буржуазией способствуют тому, что «интеллигенция, принадлежащая к мелкобуржуазным слоям общества, благодаря собственному жизненному опыту оказывает определенное идеологическое воздействие на весь социальный и исторический опыт»¹³⁹. По мнению Велера, «благо общества» («*Salus Publica*») «не имеет определенного социального носителя»¹⁴⁰.

Взгляды указанной выше группы ни в коем случае не выходят за рамки буржуазной теории реформ капитализма (за исключением, и то в весьма ограниченной степени, теории Велера). Точнее говоря, они стоят ближе к Дж. Гэлбрейту, чем к «демократическому социализму». Можно охарактеризовать современные позиции этой группы скорее как либерально-демократические с объективно присущими социал-реформистскими чертами, что не исключает возможности формирования у ее представителей прогрессивных общественных взглядов или реального сближения их с марксизмом-ленинизмом¹⁴¹.

4. Несостоятельность концепции «индустриального общества», или дефицит теорий как характерная черта «историко-критической социальной науки»

С начала 70-х годов в социальных науках экономически развитых капиталистических стран чрезвычайно оживилась теоретическая дискуссия. Выражением этого явились быстрое увеличение объема социально-теоретической литературы, выявление разногласий, утрата интереса к старым концепциям и установкам, поиск и создание новых.

Резкое усиление спроса на теорию объясняется потребностью буржуазии и буржуазной идеологии в разработке теории преодоления общего кризиса капитализма. Это отразилось в происходящей на протяжении многих лет теоретико-методологической дискуссии в буржуазной исторической науке ФРГ. Поводом для новой постановки традиционных вопросов и попыток их решения послужила главным образом деятельность тех историков, которые привнесли в буржуазную социальную науку критическую и «эмансипирующую» струю. Их интерес был направлен не только на обновление методологии исторической науки, но прежде всего на разработку выходящей за рамки концепции «индустриального общества» теории (или теорий) исторического процесса. Последние в свою очередь рассматриваются как средства, а также непереносимые условия исследовательской работы.

Сторонники традиционного понимания исторической науки реже выступают против требований усиления ее теоретического обоснования. В своих историко-теоретических положениях они упорно придерживаются концепции «индустриального общества» и настроены против создания всеобъемлющей исторической теории. По-разному реагируя на лозунг «Побольше теории!», они вносят определенные коррективы в обоснование своих теоретико-методологических представлений, как это сделал, например, Т. Ниппердей, введший так называемое антропологическое измерение в историческое исследование. Оставаясь сторонниками концепции «индустриального общества», они в целях обогащения содержания общетеоретической концепции исторического развития концентрируют свои усилия на разработке теории исторической науки, на теоретико-познавательных вопросах исследования, одним словом, на методологии. Но одновременно они отклоняют или резко ограничивают теорию

истории как теорию исторического развития общества¹⁴². Различия в понимании ценности теорий вообще и разработке теории исторического процесса в частности в значительной мере определяются общественно-политическими взглядами представителей «традиционно» и «эмансипированно» ориентированных направлений. В то время как первые отстаивают сохранение существующего строя, капиталистической системы, что исключает какую-либо критику ее, вторые всегда ориентируются на реформы.

Какова же связь между общественно-политической позицией представителей «историко-критической социальной науки» и их теоретическими амбициями и общественной активностью? Вообще говоря, эта связь заключается в потребности реализовать главную цель — построить «разумно организованное будущее общество» с помощью критического анализа прошлого и настоящего¹⁴³ и создать теории, охватывающие проблемы общественных изменений и способные обосновать возможность управления этими процессами. В то же время в историко-критической буржуазной науке существовала потребность в разработке и обосновании убедительной альтернативы историческому материализму. В противовес идее «замороженности», «естественной предустановленности», фатальности современных общественных отношений была выдвинута идея об их историческом характере, согласно которой их следует показать как исторически возникшие и исторически преходящие и тем самым породить «энергию, перспективы, взгляды с целью оказать сопротивление ошибкам, извращениям, «установке подчиненности будущему» в технократической индустриальной цивилизации»¹⁴⁴.

Препятствия на пути реализации утопической идеи «гуманно-рационального общества» (М. Хоркхаймер) должны быть устранены путем выявления законов происхождения и развития тенденций, мешающих прогрессу общественных структур и власти. Во избежание опасных диспропорций между социально-экономической, политической и идеологической сферами, а также в целях контроля за равномерностью общественного развития требовалось популяризировать общую теорию единства общественных изменений. Такая теория должна быть создана не на базе весьма поверхностного объяснения мира¹⁴⁵, которое тяготело к абстрактному социологизму, а на основе обобщения единого исторического опыта развития человечества по пути к «современному миру». Это потребовало переработки и новой интерпретации миро-

вой истории, по крайней мере с момента возникновения капитализма, включая и опыт «модернизации» освободившихся стран. «Только предварительно выработанное и нацеленное на перспективу представление обо всем в целом является условием адекватного понимания конкретных сфер и отдельных проблем; их анализ окажется неполноценным и искаженным, если не будут определены их взаимосвязь и значение внутри общей системы». Если историческая наука сосредоточит свое внимание исключительно на частных проблемах, то ее анализ будет бессодержательным и приведет к уступкам, к идеологии и мифам, «не находящимся под контролем науки»¹⁴⁶, вместо того чтобы удовлетворить объективно существующую потребность в современных исторически-обобщающих интерпретациях.

Как свидетельствуют вышедшие к настоящему моменту номера журнала «История и общество», современная ситуация, сложившаяся в ходе разработки исторических теорий, характеризуется тем, что существуют определенные, имеющие строго очерченный предмет исследования, так называемые предметно-содержательные теории и методы, но, как и прежде, нет теории единого общественного развития. Этот факт отметил Й. Коцка, объяснив его отсутствием «широких, интегрирующих теоретических категорий высшего порядка»¹⁴⁷. Создание такой теории является поэтому главной целью «историко-критической социальной науки».

Научная теория общественного развития должна содержать по меньшей мере три положительных момента: во-первых, объяснение закономерностей общественного развития как ступеней прогресса общественно-экономических формаций в их конкретно-историческом выражении и географических масштабах; во-вторых, выявление функционального механизма социальных структур; в-третьих, раскрытие диалектики процесса и структуры, обнаружение исторического характера всех структур и определение тех элементов, которые обеспечивают их прогресс, т. е. являются движущими силами общественного развития. Марксистско-ленинская историческая наука имеет теоретический фундамент для научного объяснения целостного общественного развития — исторический материализм. «Свыше ста лет назад Маркс и Энгельс положили начало, во-первых, *междисциплинарным* исследованиям общественной жизни, во-вторых, *системным* исследованиям социального процесса и, в-третьих, исследованию *развития* общества. Они не

только стояли на голову выше тогдашних историков, экономистов, социологов; они предвосхитили методы исследования, которые ныне получают повсеместное признание также и в науках о природе»¹⁴⁸.

Даже ведущие представители «историко-критической социальной науки» пока еще далеки от научного понимания задач теории целостного общественного развития. В противоречивом, осуществлявшемся на протяжении более 10 лет процессе выработки интерпретации задач науки формировалось понимание необходимости создания научной концепции общества, связанной с точкой зрения Куна¹⁴⁹, согласно которой следует разработать парадигмы, универсальные модели решения проблем, удовлетворяющие новым познавательным потребностям и отвечающие результатам исследований¹⁵⁰. Очерченные в 1975 г. Коцкой и в 1978 г. Велером проблемы теоретического анализа исторического развития общества в полной мере отражают современное состояние их научных взглядов. Этот анализ содержит элементы, относящиеся и к методологии исследования, и к развитию теории целостного общественного процесса.

Впоследствии Коцка дополнил плодотворную для исторической науки теорию общества, поставив перед ней следующие задачи: во-первых, она должна представить убедительные критерии определения ценности исследования, ограничения его предмета и обоснования целей. Во-вторых, эта теория должна подготовить всесторонне проверенные гипотезы, которые можно было бы практически использовать при изучении различных областей действительности. «Детерминанты изменения» и «движущие силы» должны быть обоснованы, с тем чтобы установить связи между экономикой, социальной структурой, политикой, культурой и другими отдельно управляемыми «частями системы», учитывая «объяснение общественных изменений во времени». В-третьих, теория должна дать соответствующую периодизацию предметов исследования. В-четвертых, она должна разработать понятийный аппарат для «синхронического и диахронического сравнения различных общественных структур». В-пятых, она должна быть открыта для включения в нее специальных теорий и вариантов объяснения¹⁵¹.

Велер, ссылаясь на Коцку, предложил список из десяти условий, которым, по его мнению, должны были соответствовать исторические теории:

«1) способность к синтезу и интеграции частично неоднородных по составу элементов;

- 2) разработка критериев выбора проблем;
- 3) создание функциональных и причинных гипотез объяснения;
- 4) умение комбинировать специфические гипотезы, вообще большая степень гибкости;
- 5) максимум эмпирических данных;
- 6) необходимость критериев периодизации;
- 7) способность учитывать различные темпы развития исторических процессов и структур;
- 8) возможность сравнительного анализа;
- 9) проверка на основе критериев эмпирической достоверности, на основе утверждений в сравнительных исследованиях, на основе совпадения с номологическим и эмпирическим знанием смежных наук;

10) практическая отдача в широком смысле слова»¹⁵².

Намереваясь дать «наиболее полное представление об истории германского общества в XIX—XX вв.», Веллер осознавал, что его набор теоретических положений, интерпретаций, концепций и «парадигм» «необычайно узок»¹⁵³. В конце 70-х годов буржуазные социальные науки в ФРГ занимались разработкой «истории германского общества», в ходе которой были выдвинуты следующие теории:

- 1) социологические теории «социального изменения»;
- 2) теории исторических процессов на различных уровнях абстракции и в разных временных параметрах;
- 3) теории, объясняющие функционирование социальной системы (системные, структурные теории и «теории конфликта»);
- 4) концепция «индустриального общества» как пример интерпретации всемирной истории;
- 5) теории «модернизации».

Что касается пункта первого, то следует заметить, что актуальные теории «социального изменения»¹⁵⁴ в сущности были заимствованы из сочинения американского социолога Вильяма Ф. Огбурна (1886—1959) «Социальное изменение», опубликованного в 1922 г. Под «социальным изменением» понималась «совокупность изменений в структуре общества в конкретный период времени». В противоположность понятиям «прогресс» и «развитие», употреблявшимся в теориях эволюции и дихотомических теориях XIX в., понятие «социальное изменение» не содержало указания на направление, в котором должно осуществляться изменение¹⁵⁵. «Социальное изменение» определялось на основе анализа различий в темпах развития отдельных социальных сфер; так, технико-эко-

номическая сфера в своем развитии значительно опережает социальную, политическую и культурную, снимая возникающее между ними напряжение; по сути дела «социальное изменение» — это преодоление путем адаптации вызванных таким напряжением дисфункций (социальное и культурное отставание).

Хотя идея «отставания», как отмечалось ранее, воспринимается как центральный пункт «историко-критической социальной науки», тем не менее теория «социального изменения» не смогла стать общетеоретической платформой общественно-исторической науки из-за ее абстрактности. «В социальных науках представления о социальных изменениях часто имеют нечеткий характер, так как им присуща абстрактная постановка макросоциологических проблем, а это автоматически означает и неопределенное понимание истории»¹⁵⁶.

Относительно второго пункта. Прежде всего определяются разные теории «среднего радиуса действия», которые мы находим в работах американского социолога Р. К. Мертон¹⁵⁷. Они содержат как временные, так и структурные параметры истории. Временные параметры должны охватывать определенные исторические периоды, но различной продолжительности, в рамках которых только и могут использоваться эти теории. В 1973 г. Велер выделил четыре формы исторического времени: краткое время исторического события; естественное время одного поколения; длительные волны возобладания действия тенденций экономического и социального развития; «собственное» время большой продолжительности, которое охватывает, например, староевропейское аграрное общество от периода «застывших форм», выделенных французским историком Ф. Броделем¹⁵⁸, вплоть до XVIII в.

В то время как Р. Косселек пытался возвести подобного рода позицию, «так сказать, в ранг центрального пункта реформы исторической теории»¹⁵⁹, Велер и Коцка уже в начале 70-х годов отнесли к ней неоднозначно. С одной стороны, они стремились создать целостную теорию общественного развития, а с другой — ограничивали ее, подчеркивая эвристический характер теорий «среднего радиуса действия» и сужая рамки применимости такой теории лишь современностью, которая, как они полагали, дает возможность проверить факты опытным путем. В этом противоречии отражалась в конечном счете неспособность буржуазных историков понять диалектику общего и особенного во всемирной истории.

Поэтому постоянно возникала дилемма между стремлением к обобщению и абстрактным социологизмом, историзмом и стремлением насытить фактами плоские исторические схемы.

В то же время Велер и Коцка включили теории «среднего радиуса действия» в историческую концепцию «модернизации». Структурные параметры истории, по их замыслу, должны охватываться ориентированными на отдельные стороны социальной жизни «предметно-определенными» теориями, наподобие теории «трех профессиональных секторов» Ж. Фурастье¹⁶⁰, демографических теорий¹⁶¹, теорий структурного изменения отношений между обществом и государством¹⁶² и социально-психологических изменений¹⁶³. На фоне исторической концепции теорий «модернизации» они воспринимались как поиск эмпирического материала для общего анализа истории¹⁶⁴, а вовсе не как теоретическая база для «истории общества».

К третьему пункту. Теории объяснения функционирующей социальной системы широко используются сейчас в буржуазной социологии¹⁶⁵. При этом сталкиваются теории систем и «теории конфликта». Теории систем исходят из структурно-функциональной социологии Т. Парсонса. Соответственно признается, что изменение во взаимосвязи элементов социальной системы оказывает определенное воздействие на функционирование системы. Вопросы о том, в каком направлении развиваются те или иные общества и почему в динамике каждой антагонистической системы есть определенные, преодолевающие противоречия этой системы элементы, считаются не заслуживающими внимания. Внутренняя динамика социальной системы понимается как устойчивый интеграционный и адаптационный процесс, при этом структурный и исторический анализы выпадают сами собой. Изжила себя и такая постановка вопроса: что движет общества вперед? Актуален лишь вопрос: что их объединяет?¹⁶⁶

В большинстве современных буржуазных теорий социальные системы рассматриваются по аналогии с кибернетическими, подверженными влиянию эндогенных и экзогенных факторов, социальные системы управляются государством во избежание конфликтов. Отрицание исторического характера социальных структур в этих теориях сближает их со структурализмом, ставящим на место исторических процессов самостоятельные структуры, которые якобы следует рассматривать как абсолютно стабильные. Вопросы о том, как возникли и почему из-

меняются эти структуры, повисают в воздухе. Изучение структур не дает представления об исторических изменениях, а «социальные изменения» не объясняют целостность системы.

Не удивительно, что представители теории систем и структурализма ввиду их антиисторизма оказывались в конфронтации с буржуазными историками всех направлений и оттенков. Поэтому Велер иронизировал над теми, «кто с железным упорством цепляется за вершину Синайской горы теории систем», и утверждал, что «в теориях систем заморожены динамические процессы»¹⁶⁷. Представителям «историко-критической социальной науки» теории систем были чужды также вследствие их явно апологетического характера: в них содержались псевдонаучные доказательства вечности современного капитализма. Исходя из этого, теории систем и структурализм, отмечает Велер, не рассматривались как теоретические предпосылки общественной истории¹⁶⁸, скорее на эту роль могли бы претендовать «теории конфликтов», которые «гораздо лучше оправдывали движение во времени»¹⁶⁹. Однако вследствие их ограниченности (общественное развитие анализировалось лишь во времени, его пространственные характеристики не учитывались) «теории конфликтов» также не смогли стать теоретической основой изучения истории общества.

Относительно пункта четвертого. Анализируя работы буржуазных обществоведов, можно сделать поразительный на первый взгляд вывод о том, что буржуазные идеологи, которые понимали концепцию «индустриального общества» не как теорию или учение об «индустриальном обществе» и сами эти понятия использовали редко (это могло бы вызвать спор с учеными-марксистами), в известной мере делали различие между концепцией «индустриального общества» и теориями «модернизации», «конвергенции» и др., которые имели более четко выраженный апологетический характер. Например, в «Международной энциклопедии социальных наук»¹⁷⁰ можно встретить пояснения таких центральных понятий, как «индустриализация», «индустриальная революция», «модернизация», «конвергенция» и т. д., однако комментарии к словосочетаниям типа «индустриальное общество» и «теория индустриального общества», как и к аналогичным им, отсутствуют. Понятие «индустриальное общество» прочно вошло в обиход современных буржуазных идеологов, которые отождествляют его с понятием «современное общество» и уже более не обсуждают

его¹⁷¹. В этом значении они используют понятие «индустриальное общество» как альтернативное понятию «реальный социализм» и рассматривают его как центральное в исторической и общественной мысли. При этом концепция «индустриального общества» противопоставляется марксистско-ленинской теории формаций и объявляется универсальной моделью истолкования всеобщей, новейшей, современной и будущей истории, а также тем общим основанием, на котором могут быть интерпретированы различные течения позднебуржуазной идеологии. Таким образом, эта концепция находится «вне споров о соотношении теории и эмпирических исследований в буржуазной социальной науке»¹⁷².

Исходя из сказанного, все-таки нельзя делать вывод о том, что концепция «индустриального общества», сформировавшаяся в 50-х годах, оставалась неизменной. Напротив, из нее были выведены различные, более или менее долговечные и отчасти противоречивые субтеории, такие, как теория «конвергенции», теория эволюции, теория «постиндустриального общества» и концепция «контакта»¹⁷³; кроме того, претерпели изменения и свойственные ей методы исследования. Эти изменения были вызваны определенными общественно-политическими целевыми установками, что со всей очевидностью проявилось в историко-теоретических дискуссиях в ФРГ. В то время как влиятельная группа историков, объединившихся вокруг Т. Шидера, В. Конзе и Т. Ниппердея, использовала теоретико-методологические принципы традиционной концепции «индустриального общества» для утверждения своих, направленных на укрепление капиталистической системы общественно-политических представлений, сторонники «историко-критической социальной науки» отвергали эту концепцию, поскольку считали ее неприемлемой для разработки историко-теоретического обоснования собственной концепции общества и историографии. Но при этом они использовали основные понятия концепции «индустриального общества». Ведущие представители «историко-критической социальной науки» усматривали в теориях «модернизации» теоретический фундамент «истории общества».

Почему же традиционная концепция «индустриального общества» оказалась неприемлемой для теоретиков «модернизации»?

Во-первых, из-за ее апологетического характера. Представители концепции «индустриального общества» отказываются как от представлений о гармонизации

«индустриализации—демократизации», так и от провозглашенных консервативно-технократическими идеологами «диктата вещей» и «вещной закономерности». С точки зрения эмансипирующей функции исторической науки должны быть высвобождены направленные против «вещного фетишизма» оппозиционные энергии и указаны перспективы, устранены иллюзии об естественности существующего порядка вещей путем обоснования его историчности и найдена альтернативная структура истории.

Во-вторых, в концепции «индустриального общества» слишком абстрактно трактуются содержание, направление, движущие и противодействующие силы исторического процесса. Исходящие из нее субтеории «конвергенции» и «эволюции» слишком узки и неконструктивны, поэтому не могут служить основой для формирования исторических теорий; они занимаются лишь исследованием перспектив социализма и империализма. Уже с момента возникновения они имели антикоммунистическую направленность и ориентировались на США как на нормативный образец, цель человеческой истории. Поскольку они тесно связаны с империалистической стратегией, постольку быстро устаревают. Освободившиеся страны развиваются независимо от модели, предлагаемой концепцией «индустриального общества».

По существу сторонники этой концепции рассматривают будущее общественное развитие освободившихся стран лишь как движение по пути капиталистической индустриализации. Специфические проблемы этих стран хотя в какой-то мере и учитываются в «реформированных» теориях «модернизации» 60-х годов, тем не менее практически не принимаются всерьез.

При уточнении содержания буржуазных концепций теории и истории общества используется в известной мере плодотворное разграничение философии истории, теорий общества и социальных наук, предложенное Бергнером и Мозеком¹⁷⁴. В этой связи подчеркивается, что буржуазные философы истории общества попытаются с общен исторических позиций дать ответ на вопрос о характере современной эпохи и, исходя из своего образа мышления, объяснить положение класса буржуазии. Представители буржуазных теорий общества, напротив, в меньшей степени занимаются истолкованием общен исторических связей той или иной эпохи с современностью, но пытаются дать теоретическое объяснение реальных исторических процессов и структур, исходя, как прави-

ло, из общих мировоззренческих посылок буржуазной философии истории. Наконец, буржуазные социальные науки (в узком смысле) анализируют ограниченные сферы социальной действительности, создают модели деловых ситуаций, отдельных исследований и дают рекомендации по практическому поведению, непосредственно используемые господствующим знанием как основой буржуазных методов господства. «Разделение труда» осуществляется при этом следующим образом: философия истории формирует мировоззрение; социальные науки непосредственно призваны оптимизировать социальные процессы и с помощью присущих им методов помочь реализации капиталистических производственных отношений; буржуазные теории общества занимают промежуточное положение. Они не имеют четко очерченного предмета исследования, однако круг их проблем нельзя отождествлять ни с философией истории, ни с социальными науками, понимаемыми в узком смысле. «Буржуазные общественные теории,—пишут Бергнер и Мозек,—прежде всего касаются не предмета познания, а связи двух продуктов познания, а именно философии истории и социальных наук»¹⁷⁵.

С точки зрения уровня абстракции и функций традиционную концепцию «индустриального общества» по существу можно охарактеризовать как философию истории. В первую очередь она предполагает консервативный вариант мировоззренческого истолкования современной эпохи средствами исторической науки; теоретическое объяснение исторического процесса разработано ею в меньшей степени, и поэтому данная концепция является слишком общей и неоперационализируемой, для того чтобы стать теоретико-методологической основой «историко-критической социальной науки». Представители «историко-критической социальной науки» все-таки остаются в рамках мировоззренческих установок концепции «индустриального общества». Их критика традиционных вариантов этой концепции позволяет обнаружить эти две черты. Концепция «индустриального общества» подвергается критике прежде всего в связи с тем, что в ней до сих пор нет удовлетворительного истолкования истории, так как недостаточно последовательно были развиты ее теоретические посылки новой интерпретации истории. В результате индустриальная революция была превращена в «расхожее общее понятие»¹⁷⁶.

В предисловии к книге о Бисмарке Велер объясняет, что он исходит из того, что индустриализация является

важнейшей предпосылкой развития истории, существовавшей со времен неолита. Учитывая масштабность этого процесса, историки не должны лишь «дополнять» свои традиционные исследования украшательскими словами об индустриальном мире. Исторической науке необходимо всерьез обратиться к ставшей уже шаблоном концепции «индустриальной революции», исследовать описываемые в ней социальные изменения во всех сферах современного общества с помощью дифференцированного исторического анализа»¹⁷⁷.

Однако господствовавшая в Германии официальная буржуазная историография XIX и XX вв. не отвечала этой задаче. В значительно большей степени историческая наука развивалась такими представителями нетрадиционных направлений, как Эрхард Кер, которого Велер в некотором смысле причислял к родоначальникам «историко-критической социальной науки»¹⁷⁸, и Ганс Розенберг, первым предпринявший попытку «отбросить общие фразы об индустриализации Германии»¹⁷⁹ и призывавший к конкретно-историческому исследованию социальной истории индустриального мира. Едва ли какой-либо другой немецкий историк до Кера принимал с такой безоговорочной серьезностью «революционизирование современного мира» путем индустриализации, вызванной «цепной реакцией технологического прогресса...»¹⁸⁰.

Официальная историография реагировала на это трояким образом: либо просто игнорировала выдвинутые «индустриальной революцией» проблемы; либо находила «своеобразный выход» в использовании идей времен позднего расцвета историзма, согласно которым национальное государство «объявлялось последней непрекращаемой ценностью»; либо развивала ориентированную на изучение общества социальную историографию, «в которой идея гармоничной согласованности развития государства переносилась на общественное развитие, и при этом не затрагивались проблемы критического анализа эпохи позднего капитализма»¹⁸¹.

Кер сформулировал четвертый вариант. Опираясь на авторитет М. Вебера и К. Маркса, он ставил вопрос о «прошлой действительности в рамках критической теории», чтобы придать характер открытости обществу и его институтам, которым ранее господствовавшие силы приписывали закостенелость социальных связей в «скорлупе будущего» (М. Вебер)¹⁸².

В-третьих, в традиционной концепции «индустриаль-

ного общества» недостаточно четко — отчасти вследствие монокаузального характера объяснения исторического процесса, исходящего из индустриализации, отчасти из-за волюнтаристского истолкования исторических «перерывов» и вариантов — трактовалась целостность истории. Это обусловило стремление освободиться от утверждавшегося с середины 60-х годов отождествления понятий «индустриализация» и «модернизация».

Основной причиной такого разграничения был крах неоколониалистской «стратегии развития» ориентированной до того времени на капиталистическую индустриализацию освободившихся стран. Предшествовавшие концепции сменились изучением экономических и внешнеэкономических факторов; был предпринят комплексный анализ процесса развития в освободившихся странах. Буржуазные социологи и историки стали отказываться от монокаузальной интерпретации истории, подвергли сомнению концепцию «индустриального общества». Их критика была направлена прежде всего против присущего ей (эксплицитно или имплицитно) вульгарно-материалистического экономического детерминизма, с помощью которого уже не удавалось осуществить комплексный анализ процессов общественного развития, «поскольку все объяснялось и выводилось из технического прогресса»¹⁸³. В меньшей степени эта критика касалась субъективно-идеалистической и волюнтаристской сторон концепции «индустриального общества», на основе которых, например у Фрейера, решающие поворотные пункты человеческой истории истолковывались просто как результаты «решений», принимаемых людьми в зависимости от обстоятельств, или, к примеру, различные варианты развития объяснялись при помощи категорий «склонности» и «возможности выбора» (Ростоу).

При этом характерна критика уже упоминавшейся теории «трех секторов» Д. Фурастье¹⁸⁴. Согласно этой теории, общественное развитие представляет собой трехступенчатый процесс «модернизации» («аграрная», «индустриальная» и «третичная цивилизация»), зависящий от повышения производительности труда в первичном (сельское хозяйство), вторичном (индустрия) и третичном (управление, торговля, транспорт, индустрия «свободного времени» и т. п.) секторах. Это привело вначале к высвобождению сельского населения и переходу его во вторичный сектор — индустриальное производство. Начиная с определенной степени насыщения товарами, спрос на услуги третичного сектора стал пре-

вышать спрос на товары первичного и вторичного секторов. Поскольку повышение производительности труда в третичном секторе на основе присущего ему особого характера труда должно быть все-таки ограниченным, то должно изменяться и число занятых рабочих в первичном, вторичном и третичном секторах: при распределении рабочей силы в соотношении 10:10:80 была бы изменена исходная аграрная ситуация и достигнут уровень «третичной цивилизации».

В. Цапф характеризует общественную теорию Фурастье как «теорию одного фактора» (Ein-Faktor-Theorie), которая действует на основе модели «трех ступеней» (Drei-Stadien-Modell).

В этой теории ничего не говорится ни о «большом различии традиционных исходных положений, ни о разных путях развития, прекратившихся подъемах, блокированных путях развития... ни о конкурирующих «состояниях» современных обществ, поскольку в ней научно-технический прогресс рассматривается как независимая величина роста»¹⁸⁵. Поэтому такого рода теоремы здесь могут использоваться в качестве эвристических моделей объяснения, однако с их помощью невозможно отразить исторический процесс в его комплексности и целостности. «Если бы общественно-историческая наука действительно захотела стать универсальной, она должна была бы не только провозгласить «тотальность» истории, но и увидеть ее в целостности и противоречивости»¹⁸⁶.

Причиной отхода от доминирующей роли индустриализации было опасение оказаться на материалистических позициях. Признание примата экономики, даже в вульгарно-материалистической форме, в сущности чуждо представителям позднебуржуазной социально-теоретической мысли и воспринимается ими как угроза ее идеалистическим основам. Поэтому теоретики «модернизации» в отличие от сторонников концепции «индустриального общества» ориентируются на идею плюрализма факторов, на многопричинную и многомерную методологию анализа общества.

В-четвертых, из монокаузального экономического детерминизма следовало представление о линейном характере развития мысли. На основе гипотезы «индустриализация — демократизация» история представлялась как восходящее однолинейное движение «логики индустриализации», которое одновременно должно сопровождаться возрастающей демократизацией. Правда, последняя может затянуться или пойти вспять, но не

дать тех вариантов, которые не были бы случайными и должны были бы стать предметом теоретической рефлексии. Подобное понимание истории нашло свою наиболее четкую и завершенную форму в «теории стадий» Ростоу.

Буржуазная историко-экономическая критика пошла в лобовую атаку на тех, кто признавал присущее всем странам следование друг за другом экономических ступеней развития. Велер характеризовал гипотезу (теорему) единого глобального одновременного развития, основывающуюся на «логике индустриализации», как тенденциозную теорию конвергенции, согласно которой преобразование мира по образцу высоко развитой индустриализации оказывалось неотвратимым или по крайней мере воспринималось как желаемая ценность и считалось достижимым, «если бы, конечно, определенные злонамеренные политические силы (читай: советские или маоистские) не воздвигали барьеры на этом пути»¹⁸⁷.

Вследствие крушения империалистической «стратегии развития» 50-х — начала 60-х годов, а также на основе историко-сравнительных исследований «модернизации», осуществленных Р. Бендиксом, С. Н. Айзенштадтом, А. Гершенкроном, Б. Хозелитцем и Б. Муром-младшим, был сделан вывод о том, что «было бы неправильно представлять индустриальное развитие как однолинейный процесс, который пронизывал бы все развивающиеся общества, что имеются многочисленные альтернативные пути развития, которые четко определяются специфическими исходными условиями и отношением к нациям, завершившим этот процесс ранее»¹⁸⁸.

Наконец, в-пятых, централизация на основе «индустриальной революции» как оси, вокруг которой вращается история человечества со времени «неолитической революции», по-прежнему используется при периодизации всемирной истории. И все же для выработки теории общенсторического процесса она оказывается слишком узкой и неконструктивной, так как предоставляет «операционализируемые» образцы интерпретации истории только с момента возникновения капитализма и не затрагивает докапиталистических общественных формаций. Однако на основе обобщения конкретного периода истории — с момента зарождения капитализма до наших дней — не могла быть выведена теория общенсторического процесса. В недалеком прошлом обозначилась тенденция отхода от понятия «индустриализация» как центрального в буржуазной историографии и заме-

ны его понятием «модернизация», содержание которого толковалось расширительно, ему придавалось общеисторическое значение.

Ввиду ограниченности и очевидных недостатков представленных теорий современная ситуация в науке оценивается сторонниками «историко-критической социальной науки» как глубоко неудовлетворительная. Дефицит теорий был осознан как острая неразрешимая проблема в тот момент, когда ощущалась необходимость не только начать исследование ограниченных отрезков истории и отдельных проблем, но и выработать представления о длительных исторических процессах. Это обусловило несравненно более сильное стремление перейти к глобальному историческому обобщению и теоретическому обоснованию, чем заниматься конкретными исследованиями.

Не удивительно поэтому, что Велер при подготовке «современной истории германского общества» начиная со времен «двойной политически-индустриальной революции XVIII в.» утверждал, что время для «смены парадигм» наступило и что оно «приведет к адекватной реализации господствующего представления об истории общества (а тем самым, как можно предположить, и о современной политической истории)». «В условиях существующего дефицита теорий этому могли бы способствовать прежде всего два комплекса теорий: исторический материализм и историко-сравнительные теории модернизации, которые с точки зрения их претензии на широту обобщения и глубину истолкования не могли бы иметь себе равных»¹⁸⁹.

За период более десяти лет ведущие представители «историко-критической социальной науки» изменили, таким образом, теоретическое понимание процесса исторического развития и осуществили попытку переориентации. В марксистской литературе этот момент до сих пор недостаточно учитывается.

В 60-х годах для велеровского понимания теории было характерно стремление создать для буржуазной истории «социально-экономический» фундамент. Теориям «среднего радиуса действия» предстояло пробить брешь в истолковании «прошлых событий и мотивов» и «с помощью узла теорий» достичь желаемой цели эксплицитного формирования теорий¹⁹⁰. В 1973 г. представителям исторической науки, испытывавшей затруднения и нуждавшейся в теориях, было предложено «объединить большинство теорий или выработать многомерные теории,

чтобы таким образом соответствовать изучаемому ею комплексу проблем»¹⁹¹. В 1975 г. четко обозначилась переориентация на историческую теорию «модернизации»; ее сторонники неоднократно выступали с претензией на то, чтобы «создать историческую теорию, адекватную современной эпохе»¹⁹².

В одной из программных заметок 1975 г. Й. Коцка объявил о трех «теоретических методах»: историческом материализме, методе «длительных волн» экономической конъюнктуры Х. Розенберга и теориях «модернизации»¹⁹³. В 1978 г. Велер предложил провести дискуссию лишь по проблемам исторического материализма и исторических теорий «модернизации», представляя их в качестве возможных теоретических основ общественной истории.

Сегодня общих теоретических рамок истории общества касаются главные западные специалисты в исторической теории «модернизации», для которой характерно эклектическое использование положений исторического материализма, синтез воззрений К. Маркса и М. Вебера как «двух важнейших представителей исторической социальной науки»¹⁹⁴.

Исторические теории «модернизации» и исследования процесса «модернизации»

1. Диалектика прерывности и непрерывности в концепции «индустриального общества» и теориях «модернизации»

Между концепцией «индустриального общества» и теориями «модернизации» (наряду с наличием существенных общих черт) есть определенные различия. Однако до середины 70-х годов¹ данная проблематика не обсуждалась в марксистской литературе. Так, некоторые авторы характеризовали теории «модернизации» как «прямое приложение концепции «индустриального общества» к специфическому периоду истории человечества»². К. Ирмшлер причислял теории «модернизации», «основанные на буржуазной концепции «индустриального общества» и концепциях эволюции», к группе «сравнительно широких социологических теорий «длительных изменений» в обществе»³. Г. Лецек характеризовал теории «модернизации» как «новый вариант современных буржуазных воззрений на эволюцию», который «относительно органично» включался сторонниками концепции «индустриального общества» «в анализ истории»⁴. И лишь И. Герцог впервые в 1975 г. отметил, что наряду с принципиальными общими чертами имеются и различия между концепцией «индустриального общества» и теориями «модернизации», хотя и выводил эти различия «исключительно из специфики целей, к которым стремятся теории «модернизации» при выработке империалистической стратегии неокolonизма»⁵. Х. Шлейер характеризовал теории «модернизации» как «современную, адекватную времени новейшую форму общей теории, как альтернативную марксистской теории общественной формации концепцию буржуазной идеологии», которая основывается на концепции «индустриального общества»⁶. А. Бауэр определил теории «модернизации» «как соответствующее современным потребностям идеологической борьбы дальнейшее развитие кон-

цепции «индустриального общества», а саму концепцию «индустриального общества» как их «старшую сестру»⁷.

В действительности теории «модернизации» не являются ни «субтеориями», имеющими своим истоком концепцию «индустриального общества» (как теория «конвергенции» и теория эволюции), ни ее дополнением (как теория «постиндустриального общества»). Скорее всего они представляют собой дальнейшее развитие этой концепции. Однако изменения положений концепции «индустриального общества» настолько серьезны, что с середины 70-х годов (по меньшей мере для формирования буржуазных историко-социологических теорий, прогнозов развития буржуазной идеологии) теории «модернизации» все более рассматриваются в качестве второй стадии развития концепции «индустриального общества».

Таким образом, можно различать традиционную и современную формы концепции «индустриального общества». Но это не означает замены данной концепции теориями «модернизации» как основным способом позднебуржуазного социально-теоретического мышления и как общим мировоззрением. Именно наличие у них существенных общих черт показывает, что теории «модернизации» исходят из концепции «индустриального общества» и в мировоззренческом плане остаются в ее рамках. Диалектика прерывности и непрерывности, постоянства и изменчивости при формировании буржуазных теорий состоит в том, что «основные теоретические и методологические принципы буржуазной общественной мысли в течение длительного периода времени не изменяются и что на их основе... развиваются новые концепции и теории», соответствующие изменяющимся экономическим и социально-политическим условиям и «приспосабливающие старые понятия к этим постоянно меняющимся условиям». При этом основополагающие положения, мировоззренческие предпосылки буржуазной теоретической мысли не затрагиваются⁸.

Общность между традиционной концепцией «индустриального общества» и теориями «модернизации» отражает единые, не зависящие от специфических национальных условий и традиций сущностные черты буржуазной и позднебуржуазной социально-теоретической мысли, которые в процессе усиления международного революционного движения на третьем этапе общего кризиса капитализма доминируют над национальными особенностями и обнаруживают тенденцию к формированию «усред-

ненной» буржуазной идеологии. Даже несмотря на то что процессы возникновения и широкого распространения концепции «индустриального общества» в Западной Европе и теорий «модернизации» в США на рубеже 50—60-х годов происходили параллельно, они свидетельствовали о складывании в сущности единых общественно-теоретических воззрений. Различия между концепцией «индустриального общества» и теориями «модернизации» отразили процесс приспособления буржуазной идеологии к изменившимся условиям классовой борьбы, поскольку традиционная концепция «индустриального общества» больше не отвечала потребностям формирования новых социальных теорий. Как свидетельствует история буржуазной идеологии, в такой ситуации резко возрастает роль наиболее гибких, остро реагирующих на изменения буржуазных идеологов как творцов новых идей. Не случайно в период обострения общего кризиса капитализма инициативой овладевают идеологи, критически или реформистски настроенные по отношению к капиталистическому обществу.

При анализе диалектики прерывности и непрерывности в процессе складывания буржуазных теорий следует учитывать, что формирование буржуазной идеологии и ее развитие в определенной мере зависят как от объективных условий, конкурентной борьбы и «принципа выгоды», так и от специфики социального положения интеллигенции — «основного производителя» идеологии. «Индивидуальный или коллективный субъект идеологического производства вынужден подчиняться действию закона соответствия спроса и предложения... что нередко вызывает соблазн чрезмерного увлечения неповторимостью, оригинальностью и в то же время, естественно, стремление к тому, чтобы идеи стали общепринятыми и обязательными. Данное обстоятельство также способствует тому, что в процессе следования общему направлению даже малозначительные нюансы собственных вариантов оцениваются как принципиальное преодоление всего, созданного ранее»⁹. В связи с этим возникает необходимость определения нового и старого, традиционного и оригинального. В основе такого определения, естественно, должно лежать самосознание буржуазных теоретиков; однако они не могут преодолеть ограниченность своих познавательных возможностей.

2. Общность аксиом

Важнейшими общими чертами концепции «индустриального общества» и теорий «модернизации» являются идеология «индустриализма» и онтологизация капитализма (превращение его исторически возникших и преходящих сущностных черт в извечно присущие ему, неизменные и постоянные). Специфическим, свойственным только капиталистической формации общественным отношениям приписывается надысторический характер. Эти отношения, исторически возникающие и преходящие, превращаются в вечно существующие естественные отношения. Утверждение вечности и неизменности капиталистического общественного порядка является центральной идеей всей буржуазной социально-теоретической мысли и буржуазной идеологии вообще¹⁰.

Разоблачая эти постулаты буржуазной идеологии, К. Маркс подчеркивал, что «с того момента, когда буржуазный способ производства и соответствующие ему отношения производства и распределения признаются *историческими*, приходит конец заблуждению, рассматриваемому буржуазный способ производства как естественный закон производства, и открывается перспектива нового общества, новой экономической общественной формации, к которой буржуазный способ производства образует лишь переход»¹¹. Онтологизация капитализма обусловлена классовыми, экономическими, методологическими и гносеологическими причинами.

Первая причина классового характера. К. Маркс писал о диалектике, что она «в своем рациональном виде... внушает буржуазии и ее доктринарам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹². Поскольку понимание неизбежного краха капитализма не свойственно буржуазной социально-теоретической мысли, постольку она не в состоянии раскрыть законы развития капитализма и его сущностные свойства. Идея «преодоления» капитализма могла быть выдвинута только на основе революционной практики и классового мировоззрения пролетариата; напротив, отстаивание классовых позиций буржуазии, даже при критическом отношении к капитализ-

му, служит причиной топтания на месте и непонимания практических возможностей ликвидации антагонизма между трудом и капиталом.

С позиций увековечения капитализма история не может быть истолкована как прогресс, поскольку прогресс сегодня есть движение к коммунизму. Стремление сохранить капитализм с неизбежностью порождает антиисторическое отношение к предшествующим общественным формациям и к закономерностям истории. А между тем именно «революционно-критическое отношение к современности... представляет собой то условие, без которого невозможен действительно объективный, исторический подход к прошлому». При некритическом отношении эпохи к себе самой «все предшествующее развитие характеризуется по существу как процесс приближения к некоему конечному идеалу, за который современность сама себя принимает...

Таким образом, история, понимаемая односторонне, эволюционно, превращается в естественное и неизбежное дополнение к апологетике современности»¹³.

Поскольку потребности современной буржуазии в апологетике капитализма отражаются и на отношении к прошлому, постольку она стремится ликвидировать прогрессивное историко-идеологическое наследие эпохи Просвещения и расцвета культуры, а также эволюционные теории XIX в., содержащие веру в прогресс. Социально-экономическая причина поворота к антиисторическому мышлению коренится в изменении условий функционирования капитала в результате консолидации капиталистического способа производства. Именно в той мере, в какой предпосылки, казавшиеся первоначально условиями становления капитала, предстают как результат его собственного осуществления, они «являются *не условиями возникновения капитала, а результатами его бытия*»¹⁴; поскольку капитал как исторически возникший способ производства становится автономным, воспроизводит себя из себя самого, постольку излишне привлекать историю к объяснению его специфических экономических законов. «Поэтому условия, предшествовавшие созданию добавочного капитала... или условия, выражающие становление капитала, не относятся к сфере того способа производства, предпосылкой которого является капитал, а пройдены капиталом как предварительные исторические этапы его становления, подобно тому как те процессы, посредством которых Земля из

состояния огненного и парообразного моря перешла в свою теперешнюю форму, находятся за пределами жизни сформировавшейся Земли... Поэтому, для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*»¹⁵.

В условиях конфронтации с реальным социализмом это приводит к тотальной ликвидации идеи историчности всех общественных отношений. Исторической взаимосвязи формаций в истории человечества противопоставляются ложные в своей основе антиисторические схемы. Современные политические и экономические условия в конечном счете определяют кризис буржуазной идеологии, ее историческую бесперспективность, а поскольку буржуазные теоретики не могут отказаться от данной проблематики в идеологической борьбе, то они (эти условия) определяют и кризис использования исторической проблематики в идеологической борьбе, коль скоро из истории удалены все опасные для современной буржуазии элементы.

Вторую причину составляет страсть к мистификациям, которые в буржуазной политэкономии выступают экономической основой онтологизации капитализма. Одна такая мистификация состоит в том, что общественные отношения определяются как вещные отношения и являются результатом товарного фетишизма, который характерен для всех антагонистических классовых обществ, основанных на товарном производстве, и достигает своего апогея при капитализме. К. Маркс в «Капитале» вскрыл сущность товарного фетишизма посредством анализа двойственного характера товара. «Следовательно, таинственность товарной формы,— писал он,— состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей»¹⁶. К. Маркс анализирует процесс превращения товарного фетишизма в фетишизм денег и капитала, образующегося из относительной прибавочной стоимости, превращения прибавочной стоимости в прибыль, прибыли — в среднюю прибыль, стоимости — в цену производства, далее — процесс выравнивания капитала, ведущего к средним ценам и средней прибыли таким образом, что прибавоч-

ная стоимость отделяется от прибыли и средняя норма прибыли представляется имманентной капиталу.

Предельной мистификацией является та «триединая формула», согласно которой процент якобы порождается капиталом, земельная рента — землей, заработная плата — трудом. При этом полностью скрывается прибавочный продукт, эксплуатация и соответствующее присвоение прибавочной стоимости капиталистами и земельными собственниками. Здесь «получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир, в котором monsieur le Capital (господин капитал.— *Ред.*) и madame la Terre (госпожа земля.— *Ред.*) как социальные характеры в то же время непосредственно, как просто вещи, справляют свой шабаш»¹⁷. Тем самым перед буржуазной общественно-теоретической мыслью были поставлены непреодолимые препятствия, пределы познания¹⁸. В таком случае складывается искаженная картина отношений эксплуатации, а капиталистическое общество предстает в качестве определенной целостности и приобретает фетишизированный характер. Оно представляется в качестве якобы естественного, застывшего бытия.

При государственно-монополистическом капитализме возникают факторы, еще более усиливающие эту видимость: концентрация производства в колоссальной системе производства, растущая анонимность отношений эксплуатации и господства, прогрессирующее разделение капиталистической собственности и функций капитала и возрастающая роль государства в процессе воспроизводства. Возникающая в таком случае спонтанная мистификация общественных отношений все более усиливается с помощью идеологических манипуляций¹⁹. Буржуазные идеологи изображают внешние проявления капитализма как его сущность, капиталистические отношения — как естественные отношения и превращают преходящие ступени развития капитализма в вечную форму существования человечества в «индустриальном веке».

Жертвой данной мистификации стали и теоретики «модернизации», сторонники «историко-критической социальной науки». Оставаясь на буржуазно-классовых позициях, они оказались не в состоянии реализовать свои программы, цель которых заключалась в том, чтобы «взять под сомнение современные учреждения», «отчуждение от природы», «разжижение мнимой окаменелости» и «расколдовывание мифов»²⁰. Самообман «со-

циально свободно парящей интеллигенции» не позволил ей осуществить подобные намерения. Методологически это требует определенного способа рассмотрения капитализма, метода, который применил К. Маркс в объяснении исторического характера капиталистического способа производства²¹ и который требует сравнения экономики капитализма с экономикой не докапиталистических способов производства, а социалистического. Подобная методологическая позиция предполагает лишь одно непрременное условие: ее можно осуществить исходя из перспективы только коммунизма, а не реформированного капитализма.

Третья причина состоит в ограниченности познавательных возможностей буржуазной экономической науки. Буржуазная политэкономия изображает экономическое движение общества, как показал К. Маркс²², в форме лишь обмена, а не производства. Она оказалась не в состоянии объяснить, как из эквивалентного обмена возникает прибавочная стоимость, поскольку она не смогла показать движение капитала в процессе обмена, который происходит в условиях неравенства. Таким образом, возникает тип общественной теории, «который придает господствующим в сфере обращения отношениям (одновременно овеществляя их)... ореол самобытности»²³. С точки зрения обращения общественное развитие, следовательно, остается скрытым. Оно разрешается в кругообразных, постоянно лишь самих себя воспроизводящих формах движения эквивалентных актов обмена до бесконечности. Поскольку «обращение в себе самом не несет принципа своего самовозобновления»²⁴, его возобновление следует искать скорее в производстве. Исходя из обращения, можно получить лишь представление об объективности общественных отношений, но нельзя охватить общественное развитие за пределами капиталистических отношений.

Методологические посылки центральной идеи всех буржуазных общественных теорий, воспринимающих капиталистические отношения как вечные²⁵, заключены именно в таком понимании роли обмена в формировании общественных связей между людьми. В современную эпоху эта идея утверждается во взгляде, согласно которому капитализм и коммунизм являются не двумя закономерно следующими друг за другом общественными формациями, а двумя сосуществующими вариантами одной и той же сущности — «индустриального общества». Критика общества, предпринятая «историко-крити-

ческой социальной наукой», остается критикой в рамках капитализма до тех пор, пока она подчинена системе мышления буржуазной экономической науки.

Четвертую, теоретико-познавательную причину онтологизации составляют особенности генезиса промышленного капитализма. В отличие от смен предшествующих общественных формаций более высокими смена феодальной формации капиталистической означает не только установление господства нового класса и соответствующих отношений собственности. Формирование в результате промышленной революции в Англии промышленного капитализма представляло собой самое до тех пор кардинальное революционное преобразование производительных сил. Тем самым капиталистическая общественная формация вступила во второй этап своего развития: мануфактурный капитализм сменился промышленным. Последний привел к глубоким изменениям в сфере труда, который приобрел теперь общественный характер, а также в образе жизни и мышлении; возникло два основных класса капиталистического общества: промышленная буржуазия и современный промышленный пролетариат. «Процесс индустриализации капиталистического общества органически связан с введением промышленных форм труда, которые обуславливают глубокие изменения в социальной, экономической и культурной областях. Традиционный образ жизни индивидов, основанный на патриархальных отношениях, разрушается, развиваются принципиально новые формы производственной деятельности и повседневной жизни, город превращается в центр сосредоточения социальных и культурных ценностей. Все эти изменения активно действуют на процесс социально-экономической дифференциации, который обусловлен новой экономической структурой общества и в рамках институтов частной собственности обнаруживает социально-разъединяющий, антигуманный характер»²⁶.

Образование капиталистической общественной формации, особенно со времен промышленной революции в Англии и французской революции 1789 г., современная буржуазная идеология²⁷ выдает за самую важную и в принципе последнюю грань человеческой истории. Буржуазный порядок представлялся естественным и разумнейшим условием для совершенствования всего человеческого рода. Так, Гегель отразил дух времени в полных оптимизма словах о том, что французская революция была вызвана прогрессивными силами. «Это

было как чудесный восход Солнца.. Все мыслимые сущности праздновали эту эпоху. В то время царило возвышенное успокоение, энтузиазм духа пронизывал все окружающее, как будто при этом уже наступило подлинное примирение божественного с миром»²⁸. Идея «двойной революции» была воспринята буржуазной социально-теоретической мыслью, которая описывала развитие от докапиталистических общественных отношений к капиталистическим с помощью системы дихотомий, главной в которой была дихотомия «традиционность—модернизм»; отождествлявшийся с промышленным производством капитализм истолковывался как последняя стадия истории человечества.

Подобный образ мышления составляет теоретико-познавательную предпосылку антиисторической идеологии «индустриализма», выступая второй существенной общей чертой концепции «индустриального общества» и теорий «модернизации»²⁹. В идеологии «индустриализма» общая история развития человеческого общества сводится к различиям между доиндустриальным и индустриальным этапами развития человечества³⁰. «Традиционному» обществу противопоставляется «современное» в существующих в настоящее время двух главных вариантах — капиталистическом и социалистическом «индустриальных обществах». Общими для обоих будто бы являются наряду с одинаковой технологией производства принцип «формальной рациональности» (М. Вебер) и тенденция к бюрократизации, которые принципиально отличают их от всех «традиционных» обществ.

Несмотря на отход от основных положений традиционной концепции «индустриального общества», теоретики «модернизации» используют главные приемы, применяемые идеологами «индустриализма». Это ярко проявляется в возведении промышленной революции до «важнейшего переворота в мировой истории, который когда-либо был зафиксирован в письменных документах»³¹. В новейшей американской литературе промышленная революция все чаще представляется как «единственная революция» в мировой истории. «Ни в одной стране не было больше одной революции, или по крайней мере более двух, которые можно было бы описать удовлетворяющим всех способом как буржуазную и пролетарскую революции»³². В то время как «единственная революция» ставится выше социалистической революции или вторая оценивается лишь как преддв-

рие первой, качественные различия капитализма и коммунизма растворяются в надысторической модели «индустриального общества». Этим главным положением твердо придерживаются и теоретики «модернизации», хотя и в их взглядах произошла переоценка промышленной революции и появились некоторые изменения в отношении к буржуазной революции.

3. Структура и методология теорий «модернизации»

Предметом последующего изложения являются не частные исторические, социологические или политологические теории «модернизации», а теории «модернизации» и исследования «модернизации», поскольку они касаются истории и соответственно дают историческое объяснение современных процессов и явлений. Междисциплинарный подход как основное требование критики буржуазной идеологии вообще³³ в исследованиях исторических теорий «модернизации» является непременным условием, с одной стороны, вследствие комплексного характера самой истории, а с другой — ввиду того, что в этой области особенно отчетливо проявляется интеграция буржуазных социальных наук. В центре внимания раздела — историческое исследование «модернизации». В критике традиционной концепции «индустриального общества» целесообразно использовать методический прием сравнения ее с теориями «модернизации»: чтобы познать «новое», необходимо сопоставить его со «старым».

К вопросу об определении понятий «модернизация» и «модернизм» («современность»). Комплексность вместо «технологического детерминизма». В теориях «модернизации» используются иные критерии для характеристики состояния развития общества, нежели в концепции «индустриального общества», а также иначе определяется исторический процесс, который оценивается с помощью этих критериев. В концепции «индустриального общества» уровень развития общества определялся и определяется, с одной стороны, вульгарно-материалистически понимаемым производством материальных благ, с другой — истолкованными в вульгарно-социологическом духе надстроечными явлениями капиталистического общества. В качестве критериев служат соответственно экономические и (или) идеологические показатели структуры, такие, как главенство промышленного производства по сравнению с аграрным, господство меха-

низированного производства товаров на предприятиях (Дарендорф); специальное разделение производительных сил на первичные, вторичные и третичные сектора (Фурастье); рациональный расчет экономичности (Вебер, Арон); самоподдерживающийся рост экономики (Ростоу); определенный уровень производства на душу населения (особенно в экономике США) (В. А. Левис); доход на душу населения (особенно в теории «постиндустриального общества»); технико-экономические показатели: доля накопления капитала в национальном доходе (Ростоу); наука и техника, технология и организация производства (Гэлбрейт); потребление (Ростоу) и (или) господство «технократии» или «менеджеров» (Бёрнхем); «техноструктура» (Гэлбрейт); «обмассовление», отчуждение, «засилье аппарата» (Фрейер, Гелен); «вещный фетишизм» (Шельски).

Общества, которые обнаруживают эти признаки, само собой признаются «индустриальными» или «постиндустриальными» либо «современными индустриальными обществами». Критерий «современности» («модернизированности»), если он вообще использовался, считался самодостаточным, не уточнялся и не подвергался сомнению. Стало принятым считать, что социальная структура и политическое положение «индустриального общества» с точки зрения дихотомии «индустриализация — демократизация» неизбежно определяются «логикой индустриализации». С позиций доктрины «тоталитаризма» или теории «конвергенции» и теории эволюции реальный социализм и фашизм рассматривались в качестве чрезвычайных, особых случаев, более или менее кратковременных отклонений от «нормального» пути.

Теоретическое определение состояния развития общества в рамках концепции «индустриального общества» нашло свое концентрированное выражение в универсальной трехступенчатой схеме истории: «аграрное общество» (или «доиндустриальное») — «индустриальное общество» — «постиндустриальное общество»³⁴.

В теориях «модернизации», напротив, состояние развития обществ определяется степенью модернизированности. Трехступенчатая схема истории, разработанная в концепции «индустриального общества», сокращена до двух обществ: «традиционного» и «современного». При этом история Нового времени понимается как период «модернизации», т. е. как превращение «традиционных» обществ в «современные». Но возникают вопросы: с каких пор общество становится «современным»?

Каковы критерии «модернизированности»? Что называется «модернизацией»?

Несмотря на то что теории «модернизации» сегодня занимают ведущие позиции в буржуазной общественной науке, никакого общепринятого ответа на эти вопросы нет. Правда, во всех теориях «модернизации» «традиционные» и «современные» общества разделяются по большому числу структурных признаков. Теоретики «модернизации» выступили против «технологического детерминизма» концепции «индустриального общества»³⁵. Они отошли от метода, требующего измерять состояние развития общества только теми критериями, которые в конечном счете исходят из степени индустриализации.

Теоретики «модернизации» стремятся преодолеть вульгарно-материалистический «технологический» детерминизм концепции «индустриального общества» и осмыслить исторический процесс в его комплексности и целостности. Однако их идеалистические мировоззренческие и методологические позиции не позволяют им до конца понять общество как целостность. В результате они пришли к повторению старой «теории факторов», направленной в конечном счете против признания того, что социально-экономические движущие силы определяют историю. При этом роль некоторых факторов, которыми ранее пренебрегали, теперь признается в большей степени, и они включаются в общую интерпретацию. На практике плюрализм теорий «модернизации» сводится преимущественно к разнообразным оценкам типов интерпретации, свойственных политическим, социологическим, социально-психологическим и бихевиористским исследованиям.

Возрождение «плюрализма факторов» с необходимостью ведет к усилению плюрализма теорий и методов, при этом необходимость возводится в добродетель: плюралистический эклектизм, якобы обладающий гибкостью и «открытостью» к различным предметно-содержательным социально-научным теориям и методам, объявляется научным принципом. Велер, например, оценил широкие рамки интерпретации, гибкость «развиваемой типологии возможностей решений» и «эластичность открытости по отношению к специальным концепциям общественных и гуманитарных наук» в качестве преимущества историко-сравнительных исследований процесса «модернизации»³⁶.

В истории формирования теорий «модернизации» существовали различные определения «модернизирован-

ности» («современности») и «модернизации». О концептуальной путанице первоначальных теорий «модернизации» свидетельствуют инфляция конкурирующих воззрений и хаос дефиниций в период их наибольшего взлета в 60-х годах. В 1965 г. Л. Пай насчитал не менее десяти различных моделей политического развития, которые «можно было без ущерба для смысла свести к пяти или пятнадцати названиям»³⁷. В исследованиях развивающихся стран К. Шулер³⁸ и В. Бюль³⁹ вычленили три совершенно различных теоретических подхода. В 1971 г. Л. М. Саламон саркастически писал: «В зависимости от перспективы каждого из этих подходов процесс модернизации выступает как первичный с точки зрения либо экономической, либо политической, либо психологической, либо социологической, либо технологической или во всех отношениях сразу, подобно слону в старых сказках, превращающемуся в того или иного зверя в зависимости от того, кто и к чему у него прикасается»⁴⁰.

В исторических исследованиях «модернизации» в ФРГ решающее влияние имели две модели «модернизации»: а) модель модернизации, которая с начала 60-х годов разрабатывалась группой сотрудничавших в «Комиссии по сравнительной политике при Совете по социально-научным исследованиям» (далее: КСП)⁴¹ в Принстонском университете американских ученых-обществоведов под руководством «духовных отцов» Л. В. Пая, Г. А. Олмонда, Д. Рюстова, Дж. С. Коулмана, С. Верба, Л. Биндера, Дж. Лапаломбара и других, и б) основанная на идеях, содержащихся в работе Б. Мура «Социальные истоки диктатуры и демократии»⁴², типология «решений» для объяснения альтернативных путей развития процесса «модернизации». Напротив, разработанная Ростоу в 1971 г. модель «модернизации»⁴³ была встречена историками и политологами без особого энтузиазма. У одних она не нашла поддержки потому, что Ростоу не изменил существенно свою известную «теорию стадий», согласно которой экономические ступени развития механически следовали друг за другом, а лишь добавил шестую стадию — «понск качества жизни». Эта стадия с необходимостью следует за пятой стадией — «массового потребления»; у других — потому, что у него «не вызывает раздражения ни дезинтеграция американского общества, ни утрата США политического престижа в мире»⁴⁴, и он, как прежде, поднимает США до уровня ведущей, экономически и политически господст-

вующей нации. В качестве основных недостатков теории Ростоу, как правило, отмечается то, что он не дает удовлетворительного объяснения причин расхождения путей развития стран с одинаковым экономическим уровнем и вследствие этого не предлагает каких-либо приемлемых вариантов исторического развития. Поэтому ясно, что базировавшееся на теории «стадий роста» (1960 г.) и почти 10 лет господствовавшее в прогнозах буржуазных ученых о судьбах социализма заключение о неизбежном уподоблении социализма капитализму сегодня уже является абсолютно несостоятельным, и его никто не поддерживает.

В период с 1963 по 1971 г. под влиянием традиций «сравнительной политики», изучая проблемы «третьего мира», КСП при активном участии многих исследователей развила в семи «исследованиях политического развития»⁴⁵ специальную, включающую образование государств и наций нового времени, концепцию «модернизации», с помощью которой пыталась объяснить, пожалуй, наиболее общим для буржуазной историографии способом сложность исторического процесса. При этом важнейшие теоретические положения концепции А. Гершенкрона и Р. Бендикса были переработаны и частично интегрированы, как и теории стадий политического развития А. Ф. К. Органского⁴⁶, К. Э. Блэка⁴⁷ и С. П. Хантингтона⁴⁸, модель «демократизации» С. М. Липсета — Ст. Роккана⁴⁹, а также социально-психологический подход Д. Лернера⁵⁰, связывающий социальную мобилизацию с психической мобилизацией (т. е. принятием «современных» ценностей и способов поведения). Модель «модернизации», созданная КСП, представляет собой в определенном смысле сумму существовавших до тех пор историко-социологических теорий «модернизации» и, «может быть, самую важную сейчас и, наверное, самую претенциозную попытку набросать общую теорию политического развития»⁵¹.

Модель КСП⁵² исходит из сделанного на основе результатов, полученных в ходе исследования развивающихся стран и сравнительно-исторического изучения процессов «модернизации», вывода с том, что каждая политическая система в ходе «модернизации» должна преодолеть шесть «кризисов», удовлетворить шести требованиям:

1. Кризис проникновения, т. е. создание централизованной правительственной власти и эффективного управленческого аппарата во всех сферах государственной

компетенции вопреки сопротивлению прежде автономных либо привилегированных групп.

2. Кризис интеграции, т. е. борьба за преодоление региональных, этнических или религиозных различий, следовательно, за предотвращение «дезинтегративных» тенденций вследствие классового деления (проникновение и интеграция определяются как задача образования государства).

3. Кризис легитимации, т. е. узаконение господства новых классов за счет создания новой основы законности.

4. Кризис тождественности, т. е. преодоление существовавших родовых традиций путем формирования национального сознания и национальной системы коммуникаций (создание легитимации и тождественности определяется как задача формирования наций).

5. Кризис участия, т. е. привлечение прежде непривилегированных групп в общественно-политическую жизнь путем расширения избирательного права и институционализации политической деятельности.

6. Кризис распределения, т. е. перераспределение общественного продукта и создание для этих целей соответствующих институтов (участие и распределение рассматриваются как проблема консолидации).

«Современной» политической системой признается та, которая может успешно преодолеть эти шесть кризисов, т. е. способна к повышению результатов своей деятельности и опирается на согласие общества. В качестве критериев «современной» политической системы указываются следующие ее способности:

— мобилизовывать национальные ресурсы, поддерживать общественный порядок и организовывать коллективные действия;

— обеспечивать возрастание политической активности, «вовлеченности в политический процесс» для выбора политического руководства, разработки политических целей и их выполнения;

— преодолевать с помощью «интеграционных сил», достаточных при данной политической активности, «напряжение, порождаемое процессом дифференциации» и различиями в развитии отдельных сфер общественной жизни; решение усматривается в «институционализации» возрастающей политической активности» и столкновений;

— формировать политически мотивированное и ярко выраженное национальное чувство общности;

— разрабатывать обоснования законности элиты благодаря ее деятельности;

— осуществлять путем «усиления роли государства как распределителя ценностей (в широком смысле) и материальных благ (в узком смысле) изменения в основах распределения указанных ценностей и благ»⁵³.

Не трудно понять, что в качестве критериев выступают шесть «кризисов модернизации» капиталистической общественной формации периода образования буржуазных государств и наций. Эти «критерии» указывают на необходимость устранения или нейтрализации всех элементов, представляющих опасность для современной реакционной буржуазии. Так, классовая борьба изображается как адаптация, а революции — как кризисы развития. Положение о народных массах как движущей силе буржуазных революций окончательно отброшено. «Модернизация» выдается за самостоятельное достижение буржуазии, а все неудачи объясняются недостаточной способностью элиты к обучению.

Шесть критериев «модернизованности» («современности») в политической сфере должны помочь буржуазии преодолеть кризис капитализма в экономически развитых странах с парламентской системой управления при условии ее сохранения. Согласно этому, «модернизация» в отличие от концепции «индустриального общества» рассматривается не только как уже завершившийся исторический процесс, который можно лишь усовершенствовать, но и как современный процесс, постоянно существующий вызов, поскольку следует «исходить из одновременности проблем, которые никогда нельзя решить «окончательно», а также из тесной взаимосвязи большинства проблем в кризисных исторических ситуациях»⁵⁴. Поскольку шесть следующих друг за другом кризисов развития выступают все вместе как «кумулятивная революция» или в каких-то сочетаниях, но «только в исключительных случаях могущих быть «разрешенными», то «процесс модернизации, в котором все эти кризисы имеют место... следует понимать как значительно более соответствующий действительности «вызов», как историческую возможность», чем как неизбежно стремящуюся вверх линейную эволюцию. Взаимодействие отдельных моментов процесса «модернизации» и его влияние на традиционное наследие приводили к сильному напряжению и внутренним противоречиям, «которые делают современное развитие разноплановым и незавершенным»⁵⁵.

Понятие «модернизация» не следует идеализировать, так как «ни в коем случае нельзя рассматривать движение к теперешнему уровню развития западных индустриальных стран как блистательный подъем. Научное предвидение не может основываться на привнесении «самодовольного современного сознания» в истолкование исторических категорий, ибо это вызывало бы лишь «законный интерес»»⁵⁶. Таким образом, ни одну из существующих в настоящее время общественных систем определенных стран нельзя характеризовать как «модернизированную», поскольку все они находятся на разных ступенях «процесса модернизации», обладая более или менее ярко выраженными чертами «модернизованности» («современности»).

Изменение соотношения политики и экономики. Модель политической «модернизации», выдвинутая КСП, с ясностью и прямотой, которые так редко встречаются в буржуазных общественных теориях, отражает новые потребности преодоления кризиса государственно-монополистической системы капитализма. Она характеризуется отказом от большого числа иллюзорных гипотез и положений традиционной концепции «индустриального общества», от таких, как якобы спонтанно регулируемая капиталистическая экономика или ее программирование, от фетишизации роста, от управления социальными конфликтами с помощью так называемой социальной техники, от идеи «индустриализация — демократизация — гармонизация» отношений, от идеологии «вещного фетишизма», от монокаузального объяснения исторического процесса, от одномерного понимания развития и от содержащегося в теории «стадий роста» утверждения об антикоммунистическом иммунитете, вырабатываемом в обществе массового потребления. В условиях обострения и углубления общего кризиса капитализма эти положения оказались несостоятельными. В модели КСП учтены новые политические моменты и в известной мере изменены некоторые акценты.

Во-первых, гораздо сильнее подчеркивается роль политики в процессе «модернизации». В отличие от концепции «индустриального общества» «модернизация» рассматривается здесь не как главным образом экономический процесс, который с неизбежностью порождает одинаковые или сходные политические структуры, а как политический по своему существу процесс. Политика понимается не как «подчиненная подсистема в рамках «социальной системы», а как относительно самостоятель-

ная, если не доминирующая, система»⁵⁷. Подобный подход явился следствием отказа от таких системно-теоретических моделей, как, например, AGIL-схема Парсонса, объясняющих общественное развитие не из ситуаций и действий, а из динамики саморегулирующихся систем⁵⁸.

Бендикс выступил против объяснения стабильности общественных структур, исходя из представлений, характерных для теории «равновесия систем», ибо, как он считает, «социальная структура, или «система», не сама приходит в равновесие... а лишь в результате того, что имеются люди, которые своими действиями добиваются (или не добиваются) ее определенной стабильности... Рассмотренная таким образом стабильность социальной структуры оказывается не равновесием, которое можно было бы приписать самой системе, а результатом постоянных усилий, направленных на ее поддержание»⁵⁹. Используя модели КСП в анализе истории германской кайзеровской империи, Велер представил проблемы состояния системы как задачи, которые решаются или откладываются действующими лицами, и тем самым перенес эти задачи в сферу действий. «Конечно,— утверждал Велер,— индустриализация и демократизация не обязательно предполагают друг друга. Об этом свидетельствует история Германии, Японии, России и большинства развивающихся стран. Чаще случается так, что в функциональной зависимости оказываются индустриализация и бюрократизация. Демократизация не является непосредственным результатом индустриализации, но в зависимости от обстоятельств она выступает следствием политической и социальной борьбы, с необходимостью служащей целям достижения и сохранения состояния, соответствующего индустриальным государствам»⁶⁰.

Сильный акцент на политическом моменте является отличительным признаком не только модели КСП, но и всех новейших теорий «модернизации», он составляет характерный элемент современной буржуазной идеологии. Именно он отражает изменяющуюся ситуацию классовой борьбы в капиталистическом мире после почти 20-летнего, прерываемого лишь короткими спадами периода экономического роста, который способствовал ослаблению классовой борьбы, особенно в ФРГ, длительному сохранению политической стабильности.

Во-вторых, более сильно подчеркивается значение государства для процесса капиталистического воспроизводства. Роль государства в распределении и перераспределении ценностей и благ—это один из основных

критериев «современности» политической системы. Веллер обосновал необходимость обращения к анализу государственной политики, возрастающего «значения государственных функций... в современных обществах» ... и «навязываемого усиления всего государственного аппарата»⁶¹, Хабермас — к анализу концентрации «способностей к общественному саморегулированию» в государстве, с тем чтобы «уровень порядка», свойственного государству, перенести на другие сферы жизни⁶². В политологической литературе экономические функции государства рассматриваются как элементы «функций процесса» (и среди них главная — сближение интересов) и «функций достижения» (среди них — мобилизация ресурсов).

Наряду с акцентом на политических аспектах процесса «модернизации» отличительной чертой всех новейших теорий «модернизации» является признание усиления роли государства в процессе воспроизводства. В них гораздо сильнее, чем в концепции «индустриального общества», отразилось изменение условий воспроизводства, т. е. получения и реализации прибылей современных капиталистов. При этом новым моментом является не столько возвеличение роли государства самого по себе, что было свойственно буржуазной политической экономии в период перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму⁶³ и до сих пор еще бытует во многих вариантах, сколько ориентация на комплексную, охватывающую все области общественной жизни государственную политику как на предпосылку не только функционирования капиталистического хозяйства, но и выживания системы капитализма.

В-третьих, «современной» политической системе приписываются функции узаконения и интеграции. «Кризис законности», который в исторических исследованиях «модернизации» трактовался первоначально как поворот от «традиционно харизматическо-религиозной» к «рационально легально-секуляризованной»⁶⁴ основе буржуазной законности при переходе от феодализма к капитализму, стал сейчас постоянной темой буржуазной политической и социологической литературы⁶⁵. Об этом свидетельствуют проводимые КСП исследования, например анализ элиты (воспроизводство элиты как существенная функция политической системы, элита как носитель «модернизации», роль элиты в возникновении кризиса законности и т. д.), а также проходящие в ФРГ теоретические и социологические дискуссии по проблеме

легитимации. « В XX в.,— пишет, например, Х. Тетч,— ряд стран несет тяжелую печать кризиса законности всех видов, и не будет преувеличением признать это столетие столетием революций»⁶⁶.

Дискуссия по проблемам легитимации отражает очевидный отказ буржуазной науки от рассмотрения основных общественных проблем, таких, как сохранение мира, гарантия бескризисного развития хозяйства, обеспечение всех трудоспособных работой, восстановление гармоничных отношений между обществом и природой, разрешение противоречия между всеобщей бедностью и расточительством отдельных индивидов и т. д. «Если государство не сможет справиться с кризисами,— писал Хабермас,— сами собой отпадут притязания на программное управление, и наказанием за это станет лишение государства легитимации». Следствием отказа от решения ряда важных задач является то, что «современные капиталистические общества испытывают необходимость узаконить свое положение»⁶⁷. Реальная возможность утраты лояльности массами представляется в теориях «модернизации» как серьезная опасность для капиталистической парламентской формы правления, поскольку другие варианты буржуазного господства, такие, как «консервативно-авторитарное государство благосостояния, сводящее политическое участие граждан до безопасных границ», или «фашистско-авторитарное государство, которое оказывает сильнейшее воздействие на собственный народ, держа его в состоянии постоянной мобилизации... значительно менее прочны и долговременны, чем система партийно-государственной массовой демократии»⁶⁸.

Поиски новой основы законности в теориях «модернизации» в США ведутся гораздо слабее, чем в ФРГ, что ярко показывает различие потребностей, которые эти теории призваны удовлетворить. В первых высоко оцениваются не только традиционные ценности американской демократии, но и высокий уровень производства, якобы существующий плюрализм интересов, так называемое мирное преодоление конфликтов, взаимосвязь между экономическими достижениями и функционирующей демократией, и прежде всего свободное предпринимательство⁶⁹. В ФРГ представители склоняющейся к социал-реформизму «критической теории» общества усматривают наиболее подходящую основу законности в «массовом демократическом социальном государстве», в котором гуманизируется и «подчиняется планомерному

контролю» «индустриальный мир». Проблема интеграции, как и проблема законности, рассматривается вне исторических связей. В то время как в исторических исследованиях «модернизации» под разрешением кризиса «интеграции» в сущности понимается преодоление феодальной раздробленности и создание централизованного буржуазного национального государства, в политологических моделях «модернизации» современного капитализма идея интеграции сводится к внедрению главным образом рабочего класса в буржуазное общество. В данном отношении эти модели созвучны буржуазной концепции интеграции в историографии ФРГ.

Повышение роли идеологических и социально-психологических факторов. В теориях «модернизации» наряду с политикой как их центральным звеном гораздо больше, чем в традиционной концепции «индустриального общества», уделяется внимания идеологическим и социально-психологическим факторам. Теории «модернизации» существенно отличаются от концепции «индустриального общества» тем, что в них общественное развитие рассматривается как комплексный процесс, в равной мере охватывающий и экономическое развитие, и технический прогресс, а также перемены политического порядка, преобразования социальной структуры, изменения структуры личности, культурных ценностей и религиозных верований. Среди этих факторов индустриализация выступает уже в качестве не первопричины общественного развития, а причины частного порядка, развитие которой зависит от политических и социально-психологических факторов или непосредственно вызывается ими. Характерны указанные в «Международной энциклопедии социальных наук» критерии «модернизированности» («современности»):

1) в экономике — значительная степень саморазвития;

2) в политике — определенная степень участия общественности или по крайней мере демократического представительства в выборе политических альтернатив;

3) в культуре — расширение светских рациональных норм;

4) в обществе — повышение мобильности, т. е. свободы географической, социальной и психической мобильности личности;

5) наконец, соответствующее изменение личности и ее интересов, которые требуют повышения способностей к взаимодействию и «ориентации на достижение» (Мак-

леланд), «внешней ориентации» (Рисмэн) и «эмпатий» (Лернер)⁷⁰.

При этом предполагается, что наиболее синхронное развитие во всех этих направлениях определяет целостный характер деятельности общества и рост благосостояния как отдельных лиц, так и различных групп населения.

Как видим, указанные параметры отобраны с таким расчетом, чтобы устранить те элементы, которые представляют угрозу отживающему буржуазному обществу. Поэтому неудивительно, что, исходя из этих критериев, «наисовременнейшими» признаются англосаксонские, западноевропейские и Скандинавские страны⁷¹. Напротив, в модели, разработанной в 1968 г., потребность преодоления кризиса государственно-монополистической системы отражена в меньшей степени, чем в модели КСП и в теориях «модернизации».

Среди идеологических и социально-психологических факторов главное место занимает изменение так называемых норм и ценностей. Как и смещение акцента с экономики на политику, это означает отход от вульгарно-материалистической концепции «индустриального общества» и поворот к идеализму. Если отказ от монокаузального («монистического») объяснения исторического процесса из индустриализации и утверждение примата политики свидетельствуют о страхе перед материалистическим по существу тезисом о примате экономики, то в рассматриваемом варианте теорий «модернизации» полностью снимается диалектика базиса и надстройки и за счет абсолютизации норм и ценностей обосновывается ведущая роль идеологии.

Показательны в этом отношении дискуссия на тему «Нормы и изменения в обществе» и ряд докладов по проблемам обновления на XXX съезде историков ФРГ в Брауншвейге (1974 г.). Р. Трауцеттель старался вывести исторические процессы в конечном счете из сознания. Он заявлял: «Обществами, находящимися на стадии модернизации, являются такие, в которых развивается сознание «современности». Его общей формой выступает понятие «новое» или его отрицание»⁷². Говоря об изменении норм, П.-Х. Лудц представил трехфазную модель периодизации европейской истории с XIV в. до французской революции. Эта модель включает: 1) эпоху Ренессанса и гуманизма «как самостоятельный период в истории нормативных систем Нового времени», включая итальянское Кватроченто; 2) конфессиональный период

приблизительно с 1520 г. как «новую фазу в истории норм»; 3) эпоху Просвещения как третью фазу «пред-революционной истории норм Нового времени»⁷³.

Такая — в духе теорий «модернизации» — постановка вопроса начинает проникать и в медиевистику, как было показано в докладе Р. Шпранделя. Заявив о намерении принести пользу исследованиям предыстории «модернизации» в качестве медиевиста, он пытался решить вопрос о связи между «коллективными установками и социальными изменениями» в эпоху средневековья. При этом он высказал точку зрения, согласно которой культурные и другие ценностные представления могли сопутствовать процессу «модернизации», а «модернизация» вообще возможна потому, «что всегда есть люди, которые обладают большой эластичностью восприятия и реакции». На пяти примерах из средневековой истории Шпрандель пытался «построить модель взаимосвязи коллективных представлений и социального изменения»: возможность использования культурного опыта других народов (на примере 7-го крестового похода 1248—1254 гг.), саморефлексия буржуазной оппозиции в городских столкновениях позднего средневековья, секуляризация представлений о мире, изменение взглядов купцов на деньги «вплоть до признания их в качестве самооценности», критика коллективных представлений, которые отражали социальные изменения (на примере средневековой «охоты на ведьм»)⁷⁴.

Швейцарец Бергиер констатировал «изменение норм в индустриальном веке», особенно резкое увеличение их числа и преобразование их содержания⁷⁵. Исходя из подобных методологических принципов и ссылаясь при этом на мнимое сходство взглядов К. Маркса и М. Вебера, Велер указывал на действие следующих существенных духовных и институциональных факторов в «условиях роста западного индустриального капитализма»: индивидуализация основных точек зрения на собственность и производство, институционализация частных распорядительных прав, значение римского, вообще европейского права, увеличение роли универсальных и ориентированных на достижение успеха ценностей, растущее обуздание окружающей среды как следствие «рациональности» и «расколдовывания» мира и т. д.⁷⁶

Для наглядности представим схематически важнейшие критерии, с помощью которых различаются в новейших теориях «модернизации» «традиционное» и «со-

временное» общества. Конечно, при этом неизбежно приходится прибегать к упрощению дифференцированных и развивающихся процессов, в какой-то мере отходить от дихотомических понятийных конструкций, свойственных ранним теориям «модернизации», игнорировать некоторые незначительные акценты в разных моделях «модернизации», опускать различие их общественно-политических подтекстов.

«ТРАДИЦИОННОЕ»
ОБЩЕСТВО

«СОВРЕМЕННОЕ»
ОБЩЕСТВО

Экономика

Традиционное сельское хозяйство, неразвитое разделение труда, низкая производительность

Основано на индустриальной технологии, обеспечивающей постоянное саморазвитие с высоким уровнем разделения труда и производительности. Высокий уровень доходов, тенденция к выравниванию

Низкий уровень доходов, большие различия

Социальная структура

Стратификация сословий, феодальный строй
Минимальная социальная дифференциация и мобильность
Прямой личный социальный контроль

Стратификация классов, слоев и групп
Высокая социальная дифференциация и мобильность
Косвенный бюрократический контроль

Политическая система

Локальное, партикулярное господство и власть правительства
Малое политическое участие
Низкая степень неформальной организации
Открытые фрагментарные конфликты; харизматически-религиозная основа легитимации

Центральное, анонимное, бюрократическое господство и правительственная власть
Высокое политическое участие
Высокая степень формальной организации
Интеграция дивергентных групповых интересов
Институционализированные конфликты
Рациональная, ориентированная на производительность база легитимации
Синхронизация развития общественных сфер, высокая способность государства к регулированию и управлению

Духовная культура

Низкий уровень грамотности

Высокий уровень грамотности, научный бум, образование как общественное достояние
Общение через средства массовой коммуникации

Личное общение

Религиозная догматика, санкционированная государством
Религиозное персонафицированное право
Управляемое изнутри поведение
Жесткие нормы
Частные ценности

Секуляризация, отделение церкви от государства
Абстрактное право, формальные договоры
Управляемое извне поведение
Гибкие нормы
Универсальные ценности
Рационализация, эмпатия, демистификация

Такие попытки схематического распределения общественных изменений на основе социально-психологических факторов ориентировались на выдвинутое буржуазной социологией понятие «социализация», содержание которого включает усвоение индивидами некоторых ценностей и норм, необходимых им для правильного ролевого поведения в соответствующих условиях. При этом обнаруживается определенное различие между теориями «модернизации» и консервативно-антропологическими взглядами. Сторонники последних отрицают происхождение любых норм и ценностей из исторической практики, выводя буржуазные нормы и ценности из биологической природы человека и объявляя их надисторическими, вневременными константами⁷⁷. Представители теорий «модернизации», напротив, подчеркивают исторический характер норм и ценностей, но в то же время заявляют о том, что они не только сформировались в определенный период истории, но и имеют преходящий характер. Таким образом, классовые интересы буржуазии, отражающиеся в «современных» нормах и ценностях, превращаются в неотъемлемые атрибуты «современных» обществ.

В марксистско-ленинской социологии под нормами понимают образцы поведения и действия, вырабатываемые в процессе совместной жизнедеятельности людей и определяемые общественными потребностями⁷⁸. Нормы складываются в ходе социального развития, имеют конкретно-исторический характер и либо способствуют, либо противодействуют практической деятельности людей. В процессе деятельности люди на основе собственного опыта получают знание о том, какие явления природы и общества оказываются значимыми для удовлетворения их потребностей и интересов, а какие нет. Определенные общественные явления понимаются как цели или блага, достойные завоевания или отстаивания, и фиксируются как ценности. Ценности представляют собой, таким образом, концентрацию духовно-практического отношения человека к окружающему миру, обуславливаются харак-

тером общественной формации и определенными классовыми интересами. Ценности, как и нормы, есть продукты истории; они исторически изменчивы и в классово антагонистическом обществе выражают противоположные социальные условия существования, потребности и интересы⁷⁹. Нормы и ценности выступают в качестве детерминант поведения; однажды возникнув, они действуют как эффективный и мощный регулятивный механизм социального поведения⁸⁰.

Лишь принимая во внимание материальную обусловленность, классовый и исторический характер норм и ценностей, особенно их глубокие корни в определенной общественной формации, можно правильно объяснить конкретные мотивы действий и формы поведения, а также понять значение ориентированного на конкретные нормы и ценности поведения в историческом процессе. Познавая общественную необходимость, воспринимая систему социальных, духовных и практических ориентаций и убеждений, человек становится социально активным. В связи с этим В. И. Ленин писал: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории»⁸¹. Осознанную и целесообразную деятельность человека он относил к формам объективного процесса⁸². В. И. Ленин требовал вскрывать социально-психологические факторы в человеческих действиях, анализировать их и использовать в политической практике⁸³.

Псевдоальтернативы исторической модели концепции «индустриального общества». Основной теоретической проблемой, вставшей перед теоретиками «модернизации», является приведение общепринятых критериев «модернизированности» («современности») в соответствие с общественно-политическими отношениями, которые не согласуются с буржуазным парламентаризмом, выдаваемым в качестве идеальной нормы. Эта проблема возникла главным образом из ставшего очевидным противоречия между исторической моделью традиционной концепции «индустриального общества» (в которой коммунистическая общественная формация, развивающиеся страны некапиталистической или социалистической ориентации объявлялись отклонением от естественного хода истории) и реальным историческим процессом.

Научная несостоятельность исторической модели концепции «индустриального общества» выявилась более 10 лет назад, когда в буржуазных общественных науках возобновилась дискуссия о новой интерпретации и общеполитической классификации фашизма. П. Флора видел

«Основную задачу исследования модернизации... в необходимости привести к одному знаменателю явное единство процессов модернизации в мире и бросающиеся в глаза расхождения между ними»⁸⁴.

Новейшие теории «модернизации» более или менее отмежевываются и от исторической модели концепции «индустриального общества», и от «оптимистической схемы» более ранних теорий «модернизации», в которых «эволюция часто понималась как линейный подъем»⁸⁵. Главной теоретической ошибкой ранних теорий «модернизации» было то, что они не давали сколько-нибудь удовлетворительного объяснения причин существования обществ с различным общественным и политическим строем, достигших одинакового уровня экономического развития. Поэтому теоретики «модернизации» не могут предложить альтернатив историческому развитию. В противоположность этому в настоящее время ученые, проводящие сравнительно-исторические исследования «модернизации», уделяют альтернативной структуре истории общества большее внимание. Они стремятся отразить многообразие исторического развития, выявить его формы и пути, возможности и варианты и уже не трактуют как аномалии различные отступления от установленных норм; здесь гораздо четче подчеркивается самобытность этих форм, путей и т. д.

Однако ответ на методологический вопрос об основах и причинах многообразия альтернативных возможностей развития сводится ими все-таки к критериям «модернизированности» («современности»), а сами альтернативы рассматриваются лишь как варианты расширяющегося процесса «модернизации». И хотя при этом допускается, что пути «модернизации» не идентичны, тем не менее ее смысл состоит в решении главной исторической задачи — создании «современного общества». В конечном счете все сводится к различиям между проблемными теориями и типологиями их решения. «В основе этого разделения лежит утверждение, что различные общества в ходе модернизации сталкиваются с аналогичными проблемами, но избирают разные, приемлемые для себя варианты их «решения»»⁸⁶. При этом наметились три различные, частично надстраивающиеся друг над другом теоретические установки для объяснения альтернативной структуры истории. Наряду с уже упоминавшимися взглядами Гершенкрона, особенно его «субституциональной теорией», и теорией «модернизации» «отсталых стран» Бендикса широкое распространение в исто-

рических исследованиях «модернизации» получила идущая от Б. Мура идея о трех путях реализации «модернизированности» («современности»).

Американский историк и политолог Б. Мур (младший) в книге «Социальные истоки диктатуры и демократии»⁸⁷ попытался проанализировать причины возникновения буржуазно-парламентарных и антидемократических, ведущих к фашизму, форм проявления капитализма, а также причины складывания коммунистической общественной формации. В определенном смысле эту книгу можно считать вызовом «теории стадий» У. Ростоу. В ней в противоположность линейной модели исторического процесса признается разнообразие путей развития. Ни Англию, ни США, которые в концепции «индустриального общества» объявляются ведущими странами и эталоном будущего, Мур не ставит на первый план; он прежде всего дает сравнительный анализ трех типов развития.

В противовес экономическому детерминизму Ростоу, который выводил возникновение и фашизма, и социализма исключительно из субъективно-идеалистической конструкции «возможностей выбора» обществ, вступающих в стадию зрелости, Мур высказал мнение о разнообразии способов и путей развития отдельных стран в зависимости от различного соотношения классовых сил, классовых союзов и революционных движений. Мур стремился объединить экономический, социологический и исторический подходы. Главную проблему он видел в преодолении традиционной аграрной структуры экономики, которая с необходимостью требует увеличения капитала для финансирования индустриализации и формирования капиталистического рынка. Эта проблема в разных странах решается за счет специфических типов классовых или политических союзов господствующей династии, включая бюрократический аппарат, с буржуазией, дворянством или крупными помещиками и крестьянством. В таком случае могут иметь место три типа «модернизации». В результате буржуазной революции помещики либо становятся союзниками буржуазии, либо ликвидируются как класс, благодаря чему открывается возможность буржуазно-демократического развития. Это «путь буржуазной революции», который был проторен Англией, Францией и США; в результате возникла либеральная демократия. Если же побеждает коалиция господствующей династии и помещиков, как это имело место в прусской Германии и Японии, то «модерниза-

ция» осуществляется «сверху». Консервация господствующих структур и позиций власти доиндустриальных классов может стать основой зарождения фашистского режима. Тогда же, когда династия и бюрократия, помещичье дворянство и буржуазия выступают друг против друга, как случилось, например, в России и Китае, свершаются революции, «которые в основном, но не исключительно, исходят от крестьянства» и которые «открывают возможность коммунистического варианта развития»⁸⁸. При этом победителями оказываются не крестьяне, а коммунисты-революционеры, которые стремятся осуществить свою программу в ходе второй революции, тогда как крестьянство становится «основой и жертвой социалистического варианта первоначального накопления капитала»⁸⁹.

Согласно Муру, указанные пути в то же время представляют собой одновременно и альтернативы и следующие друг за другом исторические стадии «модернизации» во всемирно-историческом масштабе. Он утверждает, что «методы модернизации, которые избирает одна страна, меняют характер решения связанных с ней проблем в других странах... Без опыта осуществления демократическими методами модернизации в Англии, ее проведение реакционными методами в Германии и Японии было бы связано с гораздо большими трудностями. Без капиталистического и реакционного опыта методы коммунистов были бы совершенно иными, если бы они вообще могли существовать»⁹⁰.

В исторической концепции «модернизации» Мура дается весьма искаженная картина реальных процессов перехода от феодализма к капитализму и совершенно ложная интерпретация перехода от капитализма к социализму. В действительности переход от феодализма к капитализму осуществляется двумя путями: либо реформистским, либо революционным⁹¹. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве является вариантом реформистского типа, американский или английский — революционного типа буржуазного переворота. Характеризуя развитие капиталистического способа производства в сельском хозяйстве, В. И. Ленин писал: «Либо эволюция прусского типа: крепостник-помещик становится юнкером. На десятилетие укреплена помещичья власть в государстве. Монархия. «Обшитый парламентскими формами военный деспотизм» вместо демократии. Наибольшее неравенство в сельском и в остальном населении. Либо эволюция американского ти-

па. Уничтожение помещичьего хозяйства. Крестьянин становится свободным фермером. Народовластие. Буржуазно-демократический строй. Наибольшее равенство среди сельского населения, как исходный пункт и условие свободного капитализма»⁹².

Именно прусский путь создал в Германии социально-экономические предпосылки для формирования особо реакционного «*юнкерско-буржуазного империализма*»⁹³. Мур, игнорируя этот факт, опирается на появившееся в 1915 г. исследование американского социолога Т. Веблена «Империалистическая Германия и индустриальная революция»⁹⁴, в котором впервые антидемократический и агрессивный характер германского империализма объясняется прежде всего предшествовавшим господством Пруссии, «агрессивнейшего и безответственнейшего, в сущности своей архаичнейшего» государства в Германии. К Веблену восходит и парадигма характерного для «кайзеровского индустриального общества» (Дарендорф) противоречия между «почти неизменившейся средневековой институциональной структурой» и заимствованным у более прогрессивно развивавшихся соседей «чрезвычайно высоким уровнем индустриального развития»⁹⁵— противоречия, которого касаются и исторические исследования «модернизации».

Мнение о том, что фашизм и все негативные явления последующей истории в странах, вступивших на прусский путь, имели место в силу сохранения доиндустриальных классов и позиций власти, не может быть научно доказано. Прусский путь не имел конституирующего значения ни для германского фашизма, ни для японского милитаризма. И тот и другой формировались прежде всего на базе капитализма в его монополистической стадии; в обеих странах монополистическая буржуазия была ведущей экономической и политической силой, а империализм приобрел особо агрессивный характер в первую очередь в результате того, что они слишком поздно включились в раздел мира.

Попытка Мура объяснить происхождение диктатуры и демократии в капиталистическом мире имеет искаженный и апологетический характер и прежде всего потому, что он безмерно преувеличивает роль династии и дворянства, игнорируя при этом значение монополистической буржуазии как социальной силы, которая порождает империализм и фашизм. Монополистическая буржуазия выступает в его концепции скорее в качестве обновляющей силы и носителя демократии. Основной

тезис Мура, согласно которому различное политическое положение «современных» обществ определяется исключительно доиндустриальными факторами, несмотря на его научную несостоятельность⁹⁶, стал своеобразным эталоном для буржуазных социальных концепций. Данный факт объясняется главным образом тем, что этот тезис допускал как апологетику монополистического капитала, так и либеральную либо социал-реформистскую критику отдельных явлений империализма. И если в муровской интерпретации путей буржуазного переворота все более искажались реальные моменты исторического процесса, то в истолковании социалистической революции связь с реальностью исчезала совершенно.

В концепции Мура, как и в любой концепции буржуазной идеологии, не только отрицается всемирно-историческая роль рабочего класса, он вообще не признается в качестве социальной силы. Социализм трактуется лишь как один из трех путей «модернизации», как результат бездельности господствующих классов и как следствие предшествовавших капиталистического и реакционного типов развития. Исходя из наличия наиболее массовой базы социалистических революций в России и Китае, он выводит их социальное содержание, причем различные социальные структуры, а следовательно, и различное соотношение рабочего класса и крестьянства в указанных странах совершенно игнорируются.

К вопросу о всемирно-историческом месте капитализма и социализма. Возникновение реального социализма с точки зрения теорий «модернизации» объясняется в рамках той дилеммы, которая еще со времен Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. встала перед буржуазной идеологией: нужно, с одной стороны, удовлетворять потребность буржуазии в идейном увековечении капитализма, с другой — учитывать реально проявляющееся различие путей развития формаций.

В период между двумя мировыми войнами среди буржуазных идеологов господствовало убеждение, что социализм в СССР является случайным порождением истории и рано или поздно погибнет в результате своей экономической отсталости, а также вследствие недостатков самой системы⁹⁷. Буржуазные идеологи считали, что только капитализм в состоянии обеспечить рациональное ведение хозяйства благодаря современным производительным силам. Поэтому они отрицали даже возможность альтернативы капитализму и утверждали, что ка-

питалистическая система производства по своей долговечности может превзойти любую другую систему.

Победа Советского Союза во второй мировой войне, возникновение мировой социалистической системы, ее успехи, поступательное развитие мирового революционного процесса развеяли эти казавшиеся ранее правдоподобными аргументы в пользу вечности капитализма. Буржуазные идеологи были вынуждены признать реальность социализма и даже сопоставлять перспективы развития капитализма и социализма, продолжая, правда, отрицать объективную необходимость социалистического строя. Возникло огромное количество буржуазных теорий и концепций социализма, которые при ближайшем рассмотрении сводятся к двум: к возникшей еще в 20-х годах доктрине тоталитаризма и концепции «индустриального общества».

В доктрине тоталитаризма на первый план выдвигается непримиримое политическое противоборство между капитализмом и социализмом, а с помощью таких антонимов, как «свобода и порабощение», «тоталитаризм и демократия» (либо плюрализм), «Христос и Антихрист» и т. д., абсолютно исключают друг друга противоположности раздуваются беспредельно, а социализм и революционное рабочее движение объявляются ересью, их причисляют к разряду преступлений. Напротив, в рамках концепции «индустриального общества» была выдвинута идея о якобы принципиальной общности капитализма и социализма, и их сущностью было объявлено «индустриальное общество».

Конечно, тоталитарная доктрина и концепция «индустриального общества» не являются взаимоисключающими, наоборот, они как бы служат продолжением друг друга: социалистическое общество изображается как разрастание и завершение негативных тенденций («обмассовление», «бюрократизация», «засилье аппарата» и «технократов» и т. д.), которые внутренне присущи «индустриальному обществу», а в капиталистическом обществе с его свободой и плюрализмом этих тенденций можно избежать или по крайней мере сгладить их. В концепции Г. Фрейера оба этих положения связаны между собой весьма характерным образом. «...Индустриальная система в современной фазе своей истории,— заявляет он,— предстает в двух формах: как социальное государство западного образца, которое интегрирует на основе демократии многочисленные, свободно представленные групповые интересы, и как тоталитарный коммунизм»⁹⁸.

В период 40—50-х годов доминировала доктрина тоталитаризма, а концепция «индустриального общества» стала играть ведущую роль в конце 50-х годов; с конца 60-х годов усилилось взаимопроникновение ряда постулатов тоталитарной теории и концепции «индустриального общества». «Каждая новая ступень развития теории является реакцией на неудачи предыдущей»⁹⁹.

В концепции «индустриального общества» теоретическая схема создавалась с таким расчетом, чтобы она максимально соответствовала потребностям буржуазии сегодняшних дней: неолитическая и индустриальная революции возводились в ранг решающих переломных моментов во всемирной истории; объективно-закономерной очередности формаций противопоставлялась трехступенчатая модель всемирной истории («аграрное общество»-«индустриальное общество»-«постиндустриальное общество»). Новые буржуазные концепции прогресса подтверждались видимым развитием производительных сил, ростом экономики в некоторых капиталистических странах, определенным затуханием классово-борьбы и установлением и стабилизацией консервативной политики в большинстве капиталистических стран того времени. Присущие капитализму противоречия казались преодоленными, и экономически развитые капиталистические страны якобы выработали иммунитет против революционных изменений.

Был выдвинут тезис о том, что капитализм и коммунизм — это не две закономерно следующие друг за другом ступени человеческой истории, а два сосуществующих варианта одного и того же «индустриального общества». Как утверждал Р. Арон, концепция «индустриального общества» должна рассматриваться в качестве «средства, способного смягчить конфликт между социализмом и капитализмом, в ней социализм и капитализм определяются как две разновидности одного типа общества, а именно «индустриального»¹⁰⁰. В то время как возникновение «индустриального общества» объявлялось общей закономерностью, историческая роль социализма как метода индустриализации отсталых стран ставилась под сомнение. Исходя из доктрины тоталитаризма, социализм изображался как «аномальная» форма перехода к «индустриальному обществу», а расхождение между двумя общественными системами сводилось лишь к различию фаз. В конечном счете в концепции «индустриального общества», имплицитно содержащей идею конвергенции или возможности эволюции социализма в

сторону капитализма, ставился под сомнение необратимый характер развития социализма.

В ожидании крушения социалистического строя упорно высказывались предположения, что «это произойдет если не вследствие развала хозяйственной системы, то в результате успешного использования методов, заимствованных у капиталистической экономики»¹⁰¹. Вместо субъективного пожелания была выдвинута идея об «объективной логике технологического рационализма» как «наказании истории»¹⁰². Концепция «постиндустриального общества» отразила принадлежащее элите и технократам отчасти оптимистически, отчасти пессимистически окрашенное представление о будущем как о господстве единого, скроенного по буржуазному образцу мира, управляемого ими. Она должна была обосновать мнимое превосходство Запада как историческую данность и вместе с тем убедить, что экономически развитые капиталистические страны находятся на волне научно-технического обновления, которое приведет их в постиндустриальный, технотронный век. Тем самым доказывалась их ведущая роль в общественном развитии¹⁰³.

Обострение общего кризиса капитализма в начале 70-х годов потребовало корректировки рассмотренной выше картины. Истолкования социализма как более или менее кратковременного отклонения от «нормального» исторического пути в современном мире уже не являются приемлемым образцом для буржуазного самосознания. Они не заслуживают доверия в качестве мыслительных штампов (стереотипов мышления), используемых в целях идеологических манипуляций, и, наконец, они уже не в состоянии давать действенные рекомендации для ориентации империалистической политики. Необходимо было обновить связь с реальностью буржуазных представлений о капитализме и социализме как предпосылку для воздействия этих представлений на массы.

В результате изменения соотношения сил в мире и условий существования капитализма, происшедшего в 50—60-х годах, были сформулированы новые, модифицированы, а отчасти изменены прежние аргументы относительно перспектив капитализма и социализма, содержащиеся в концепции «индустриального общества»¹⁰⁴. Это осуществлялось в обстановке резких противоречий и фракционной борьбы, в которой преобладала то одна, то другая тенденция. Поворот от «холодной войны» к

мирному сосуществованию вынудил буржуазную политическую мысль признать наличие двух противоположных систем как реальность. Вследствие этого усилилась тенденция к истолкованию капиталистической системы не в качестве исторической нормы, как прежде, а в качестве одной из противоположных систем; стало выгоднее представлять дело таким образом, что обе они нуждаются в проведении реформ, но при этом капиталистическая система изображалась более приспособленной к ним.

Когда наступило разочарование в надеждах на «либерализацию» и «размягчение», господствовавших в 60-х годах, вновь стало уделяться большое внимание различиям политических систем. При этом часть буржуазных идеологов занялась возрождением доктрины тоталитаризма в несколько модифицированном варианте. Трактовка капитализма и социализма в новейших теориях «модернизации» соответствует этой общей тенденции смены аргументов. Сохраняя стремление онтологизировать капитализм (которое, как отмечалось, является неизбежным для буржуазной идеологии), теоретики «модернизации» стали предпринимать частичные изменения этих теорий.

На смену «логике индустриализации» в «теории стадий» Ростоу, в которой доказывалась последовательность ступеней, проходящих одновременно всеми странами, пришло представление о множественности альтернативных путей развития. Конечно, такая позиция дает больше для понимания общественных процессов развития (как прошлых, так и современных), чем историческая модель концепции «индустриального общества». В ней определенно просматривается возможность марксистско-ленинской трактовки закономерности следования формаций, правда с иной стороны — не с позиций псевдоматериалистического технико-экономического детерминизма, а с точки зрения общественного индетерминизма.

В связи с отходом от концепции прямолинейного развития общества были отброшены сначала представления о США как о модели будущей истории человечества, которые и поныне сохраняются в концепции «индустриального общества». Впоследствии были поставлены под сомнение нормативность и общепризнанность путей развития западноевропейских и североамериканских обществ. Фиксирование внимания теорий «модернизации» на западноевропейских и североамериканских обществах, свойственное ранним теориям «модернизации», при-

водило к тому, что другие пути развития рассматривались как деградация, отклонение от «нормы», им приписывалось лишь копирование «относительно преуспевающих обществ». Напротив, в новейших теориях «модернизации» признается историческое своеобразие и равноправие других путей развития в рамках общих перспектив теорий «модернизации». Вследствие этого характерной становится критика «универсальной односторонности» одномерной модели общества в духе Ростоу, свойственной буржуазной социологии, и обращение к многомерным моделям общества, к многолинейному анализу истории¹⁰⁵. При этом происходит возврат к интерпретации социализма Гершенкроном.

Исходя из его субстациональной теории, освободившимся странам предоставлялась возможность творчески обновлять и сокращать пути развития, а также узаконивать резкий прорыв в развитии и способность путем синтеза «традиционализма» и «модернизации» создавать собственные оригинальные примеры развития, которые могли бы стать моделью для других стран. Развитые социалистические страны были возведены в ранг «стран пионеров», у которых среди каких-либо других стран могут быть «последователи». Так, Р. Бендикс писал: «Такие ранее отсталые страны, как Россия и Китай, сегодня сами являются развитыми обществами и служат в качестве образцов, например, для восточноевропейских стран-сателлитов, а также для целого ряда африканских и азиатских стран, добившихся независимости после второй мировой войны»¹⁰⁶.

Историческая теория «модернизации» и периодизация. Хотя концепции «модернизации» в настоящее время занимают преобладающее положение, тем не менее еще не существует единой, всеми признанной периодизации всемирной истории, хотя здесь и намечаются определенные изменения по сравнению с концепцией «индустриального общества». Теоретики «модернизации» осторожно отходят от трехступенчатой схемы («дониндустриальное»-«индустриальное»-«постиндустриальное» общества). Данная схема все более ставится под сомнение в разных отношениях.

С одной стороны, в современной буржуазной истории общества ФРГ, Великобритании, а отчасти США ставятся под сомнение категории, отражающие длительные исторические периоды, например категория «аграрное общество» с его пережившей столетия неподвижной структурой или ««квазииммобильное» географическое время»

Броделя, так как данные категории скрывают в себе опасность «онтологизации вещного фетишизма, абсолютизации детерминант истории и тем самым вновь исключают исторические перемены»¹⁰⁷.

С другой стороны, дается новое определение и новая формулировка категорий концепции «индустриального общества». Это касается прежде всего самого понятия «индустриальное общество», а также категорий «современное общество» и «модернизм» («модернизованность»). Членение истории на три фазы в концепции «индустриального общества» («общество классовой борьбы XIX в.» — «плюралистическое общество первой половины XX в.» — «современное, нетоталитарное индустриальное общество»¹⁰⁸) вообще не встречается в теориях и исследованиях «модернизации». Столь же редки и категории «вторая индустриальная революция» и «постиндустриальное общество», которые прежде всего выступают отчасти как воплощение апологетики капитализма, отчасти как застывшая в «вещном фетишизме» история и потому единодушно отвергаются либо игнорируются теоретиками «модернизации», не находя в них применения. Наконец, осуществляется переоценка и признается ее относительное значение. Правда, теоретики «модернизации» признают индустриальную революцию в качестве значительнейшего переворота в человеческой истории Нового времени, однако в своих общественно-теоретических исследованиях все-таки вносят в оценку индустриализации существенные уточнения по трем основным направлениям.

Во-первых, процесс «модернизации» и начало «современного этапа развития» переносятся на более ранний период и связываются с духовными, социальными и политическими переменами, происшедшими в конце эпохи средневековья и послужившими предпосылками промышленной революции и политических революций Нового времени; к ним относятся изменения культурных и религиозных представлений о ценностях и вере, универсализация ценностей и норм, секуляризация, рациональность и «расколдовывание мифа» (М. Вебер); введение абстрактного права; формирование индивидуализированного представления о собственности, деньгах и товарах; институционализация частных распорядительных прав; изменения в основах легитимации; растущее участие в политической жизни и урбанизация.

Перенесение начала процесса «модернизации» на более ранний период связано с отказом от отождествления

«модернизации» и «индустриализации» и соответствует критериям определения «современного» общества. Это можно пояснить следующим примером, приведенным Велером. «К началу XVIII в. Лондон (или Амстердам) обладал немалым числом определенных черт, свойственных современности, однако не был индустриальным городом. Для большого количества новых конгломератов индустриальных городов и поселков английского севера и средней полосы Англии в нашем столетии, напротив, не характерна «модернизация»: широкое распространение неграмотности, высокая смертность... недостаточная обеспеченность потребительскими товарами, малые удобства и незначительный простор для проявления рациональности и просвещенных частных интересов»¹⁰⁹.

В состоявшихся дискуссиях по проблемам периодизации, особенно по вопросу о начале «современной эпохи», выявились различные точки зрения. Большинство теоретиков «модернизации» датируют начало процесса «модернизации», в согласии с Бендиксом, периодом промышленной революции в Англии (1760—1830), политической революции во Франции (1789—1794) и последовавшим за ними распространением «модернизации» на «отсталые общества»¹¹⁰. Однако и они считают, что условия, предшествовавшие «модернизации», сложились в эпоху Ренессанса, и придают этому положению несравненно большее значение, чем сторонники концепции «индустриального общества»¹¹¹. Они рассматривают революцию на рубеже XVIII—XIX вв. как «кульминационный момент продолжавшейся столетия и являвшейся специфически европейской и американской истории развития»¹¹².

С. Н. Айзенштадт относит начало «модернизации» к XVII в. Он различает две фазы «модернизации»: 1) ее возникновение в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в. и 2) ее последующее распространение по всему миру¹¹³. «Исторически модернизация относится к изменениям такого типа социальных, экономических и политических систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в. и распространялись в XIX—XX вв. в других европейских странах и на южноамериканском, азиатском и африканском континентах»¹¹⁴. К. Э. Блэк относит начало современной истории к 1500 г.¹¹⁵ Л. Уайт-младший усматривает истоки современной техники в XIII в. «Тогда, в середине XIII в.,— утверждает он,— возник большой поток светлых мыслей, который сделал представление о мире тех-

ники всеобщим достоянием... Без восторженности и высоко парящих планов технический век западного мира не мог бы возникнуть...»¹¹⁶ Еще дальше углубляется в историю Ст. Роккан, видящий основы зарождения «модернизации» в раннем средневековье¹¹⁷.

Экстремальную, реже встречающуюся точку зрения высказывает И. Гайс, который, разводя понятия «модернизация» и «индустриализация», рассматривает первое как центральную и в определенной мере вечную категорию, содержание которой охватывает всю человеческую историю. «Модернизацию,— утверждает он,— нельзя сводить просто к индустриализации или промышленной революции со всеми вытекающими отсюда последствиями. При этом, безусловно, всегда необходимо иметь в виду гораздо более ранний, глубинный очаг (толчок) модернизации, волны которого неизменно расходились от породившего его источника. Первое значительное проявление модернизации во всемирной истории было связано с возникновением великой античной культуры на основе аграрной революции, распространившейся от Египта до Китая». По мнению Гайса, человеческая история превратилась с тех пор в бесконечную цепь актов «модернизации», направленных на преодоление ранних состояний развития. Итак, ««модернизацию» нельзя сводить к «индустриализации» или отождествлять их. В гораздо большей степени «модернизация» должна стать как универсальной, так и относительной категорией»¹¹⁸.

Последним достижением дискуссии того времени и одновременно наиболее общим способом решения вопроса о периодизации может считаться сформулированная в 1978 г. Велером система «периодизации» историко-сравнительных исследований «модернизации». Она состоит из следующих элементов: «1) длительный отрезок времени как определенная фаза, внутри которой сформировались своеобразные предпосылки западной модернизации»; 2) эпоха «двойных революций», которые «содействовали широкому распространению модернизации путем сквозного прорыва»; 3) последующий «взлет Европы в мировой истории», который в единстве с американской «модернизацией» воздействовал на весь земной шар»¹¹⁹.

Во-вторых, происходит переоценка исторического значения индустриальной революции. Это обусловлено проявившимся в ходе обострения общего кризиса капитализма, а также выявленным в процессе дискуссий по экологическим проблемам сомнением в фетишизации

роста и опирается на культурно-пессимистические варианты концепции «индустриального общества». Связь прогресса с экономическим ростом была объявлена формальной, что в свою очередь позволило увидеть индустриальную революцию в ином свете, чем ранее. В этом отношении характерна вышеупомянутая работа И. Гайса «Прометей и Пандора. К вопросу о месте индустриальной революции во всемирной истории». Индустриальная революция вызвала небывалый подъем производительных сил и увеличение продукции, но ее последствия можно сравнить с известным сюжетом из греческой мифологии, в котором подвигам Прометея, освободившего живительные силы и подарившего людям огонь, противопоставляются действия Пандоры, которая из ящика высыпала на головы человечества все беды.

Наметившиеся в настоящее время негативные последствия индустриальной революции потребовали нового определения ее места во всемирной истории. «Восторженный подъем прометеевско-фаустианской освободительной деятельности во всем мире вызван проблемами, которые порождает индустриализация. Индустриальная революция все меньше способствует материальному насыщению и духовной наполненности, а больше выступает как тяжелая проблема для всего человечества»¹²⁰.

Таким образом, содержащаяся уже в культурно-пессимистическом варианте концепции «индустриального общества» противоречивая оценка индустриальной революции все более склоняется в сторону негативизма, ставит под сомнение ее историческое значение.

В-третьих, предпринимается попытка показать новое соотношение индустриальной и политической революций, и эта попытка оказалась столь же острой, как и спор о том, какой — французской или американской — революции принадлежит первенство в конституировании современного мира. Вследствие возрастания роли политики, а также в результате разграничения «индустриализации» и «модернизации» в теориях «модернизации» политические революции получают (по сравнению с концепцией «индустриального общества») еще более высокую оценку. При этом в качестве общей платформы служит разработанная буржуазной историографией расхожая формула «двойной революции» (Э. Хобсбоум), в которой английская промышленная революция и политические революции в США и Франции представляются как взаимосвязанные.

4. Дилемма исторической теории «модернизации»

Исторический характер теорий «модернизации» и подчеркивание уникальности западноевропейско-североамериканского пути развития содержат в себе фатальную необходимость разработки единой теории «модернизации», которая имела бы всеобщее значение. В то время как в ранних экономическо-социологических теориях «модернизации» последняя рассматривалась как развертывание внутренних сил в направлении определенного, зримо фиксируемого конечного пункта развития, в теориях «модернизации», сформировавшихся под влиянием Р. Бендикса, сложилось мнение, будто процесс «модернизации» не является универсальным, естественно присущим всем обществам, что «фактически он является однократной исторической ситуацией... в основе своей одноразовым историческим процессом, опирающимся на распространение западной культуры в мире и на попытки отсталых стран подражать первичным моделям индустриализации, политического объединения и тому подобному»¹²¹.

За придание исторического характера исследованиям «модернизации» высказывались и другие представители буржуазной социальной науки¹²², однако при этом они не всегда ратовали за то, чтобы считать «модернизацию» свойственной «лишь западноевропейским и североамериканским обществам»¹²³. Представление об исключительности западноевропейско-североамериканского развития восходит к теории М. Вебера о возникновении западного капитализма, об особом положении «современной западной культуры». Это представление выступает в качестве одного из вариантов веберовского Ренессанса¹²⁴. Именно с ним связаны две важные теоретико-мировоззренческие позиции.

С одной стороны, речь идет о возврате к четко выраженному европоцентризму, последовательно проводимому в творчестве Вебера, который принципиально не признавал равноправия и способности к историческому развитию неевропейских народов. «Нельзя в действительности не видеть того, почему мы их (незаменимые культурные ценности) не оцениваем так же, как ругань между двумя племенами — индейцев и кафров» (М. Вебер)¹²⁵.

Велер, желая предотвратить опасность понимания развития «третьего мира» как развития по пути, отклоняющемуся от оригинального процесса, предлагал

активизировать «осознание проблем в западном историзме»¹²⁶.

С другой стороны, решительный отказ от универсальной теории развития и теории систем, а также возвеличение уникальности западного пути противоречат намерениям представителей исторической теории «модернизации» выйти за рамки так называемых теорий среднего радиуса действия и разработать достаточно жизнеспособную общественную теорию универсального исторического процесса с момента возникновения капитализма. Теория исторического процесса все-таки неотделима от проблемы закономерностей, напротив, она предполагает признание закономерного хода истории. Однако тезис об исключительности западного пути основывается на исключении общепринятых законов, согласно которым протекают исторические процессы, а также повторяются автотонные процессы развития. Здесь перед позднебуржуазной исторической наукой и возникает неразрешимая дилемма: перед ней постоянно встает задача, обусловленная усиливающимся столкновением классов в мировом масштабе, — «подняться над индивидуальным, познать всеобщее и универсальное...», но она очень скоро наталкивается «на границы, за которыми для буржуазии как класса познание мирового исторического процесса (его прошлых и настоящих закономерностей) становится опасным»¹²⁷.

Это со всей очевидностью проявляется в попытках преодолеть ограниченность социологических теорий «модернизации» путем придания им исторического характера. Если претензии этих теорий на универсальность вылились в абстрактные социологические формулы «социальных изменений», то сторонники историзации теорий «модернизации» обнаружили неспособность к универсальным обобщениям. Отсюда понятно стремление историков «модернизации» к возрождению индивидуализирующего метода, характерного для реакционного немецкого историзма, преодоление которого было их программной целью. «В качестве реакции на часто встречающийся эмпирически пустой звон теорий модернизации с претензиями высшего теоретического порядка, — пишет Велер, — историки чувствуют прежде всего явную склонность к индивидуализирующему методу»¹²⁸. Это является одной из причин тенденции к возрождению некоторых существенных черт принципа историзма в исторических теориях «модернизации».

Поскольку эта проблематика вновь возвращает нас к

социальным основам познания, то очевидно, что эта дилемма не позволяет с классовых позиций буржуазии на стадии ее исторического заката обосновать теорию мирового исторического процесса. Методологически эта дилемма выражается в расхождении исторического и логического анализа. Если еще Гегель указывал на необходимость взаимосвязи обоих этих типов анализа как на всеобщий методологический принцип, то в современной буржуазной идеологии эти методы отделены друг от друга: «Историческое увязает и застревает в эмпирическом, логическое же «возвышается» до лишенных конкретного действительного содержания сфер «абстрактно-всеобщего». Идеальный тип, говоря современным языком — «модель», становится чисто логической конструкцией и потому ни в коем случае ... не находит подтверждения в объективном содержании истории»¹²⁹.

Решительный отказ от общей теории развития и провозглашение исключительности западного пути отражают отношение позднебуржуазной идеологии к проблемам законов и прогресса и одновременно служат показателем ее несовместимости с марксистско-ленинским пониманием истории как закономерного поступательного развития общественно-экономических формаций. В сущности признание общих закономерностей, даже в рамках абстрактно-социологических эволюционных и системных теорий, чуждо позднебуржуазной исторической мысли и является характерной чертой всей позднебуржуазной идеологии. На философском уровне эта проблема нашла выражение в выпадах К. Поппера против «нищеты историзма», который он определяет как базирующуюся на традициях Гегеля и Маркса фальшивую веру в закономерности истории и в возможность предвидения в области общественной жизни¹³⁰.

Дилемма всеобщего и особенного так или иначе ставится представителями исторической теории «модернизации», но они пытаются уйти от ее решения, как это делает, например, Флора, требующий, чтобы «выдвижение исторической однократности и специфичности путей развития не привело к забвению систематики и всеобщности процесса модернизации»¹³¹. У Цафа «модернизация» также выступает и как систематический «процесс, в котором возникают общие проблемы», и как исторический процесс, «который предполагает совершенно различные решения»¹³². Велер не видит «никакой убедительной альтернативы всеобъемлющему, сплавлению теории и эмпирии ... историко-сравнительному направ-

лению современного исследования модернизации»¹³³. Лишь историческая наука могла бы обеспечить построение исторической теории «модернизации», «поскольку она из всех гуманитарных наук является той, которая благодаря своим специфическим определенным интересам, методикам, технике и познавательным целям более всего обладает возможностью четкого понимания долгосрочных социальных изменений во времени. Так как социальные теории опираются в конечном счете на историко-эмпирические достоверные данные, то для четкого понимания долгосрочных социальных изменений во времени теоретики истории обладают даже определенным преимуществом». Наиболее разумным оказывается «общее понятие модернизации, которое могло бы объяснить движение в основных измерениях общественной истории»¹³⁴. Здесь сказалась тесная связь между поиском общей теории истории и расширением рамок социальной истории до масштабов «истории общества». Если такая теория должна объяснить историю в ее комплексности и всеобщности, то она может сделать это только в виде «истории общества» на основе теории исторического процесса. Дилемма, стоящая перед исторической теорией «модернизации», тем не менее свидетельствует о том, что буржуазная историография еще не доросла до решения этой задачи.

К введению (с. 5-11)

¹ См. американские работы: The Politics of Developing Areas. Princeton, 1960; *Apter D.* The Politics of Modernization. Chicago, 1965; *idem.* Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization. N. Y., 1968; *Bendix R.* Embattled Reason. N. Y., 1970; *Black C. E.* The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N. Y., 1967; Comparative Modernization. N. Y., 1976; *Eisenstadt S. N.* Modernization: Protest and Change. N. Y., 1966; *idem.* Tradition, Change and Modernity. New York — London — Sydney — Toronto, 1973; *idem.* Studies of Modernization and Sociological Theory. — History and Theory, 1974, N 3, p. 225—252; *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge (Mass.), 1962; *Huntington S. P.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968; *Lerner D.* The Passing of Traditional Society. N. Y., 1958; *Lerner D., Coleman J. S., Dore R. P.* Modernization. — International Encyclopaedia of Social Sciences (далее: IESS), vol. 10. N. Y., 1968, p. 386—409; *Levy M. J.* Modernization and the Structure of Society. Princeton, 1966; *Moore B. (jr.).* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966; *Organski A. F. K.* The Stages of Political Development. N. Y., 1965; *Rustow D. A.* A World of Nations. Problems of Political Modernization. Washington D. C., 1967; *Weinberg I.* The Concept of Modernization: an Unfinished Chapter in Sociological Theory. — Perspectives of Modernization. Essays in Memory of Ian Weinberg. Toronto — Buffalo, 1972. Наиболее значительные работы, вышедшие в ФРГ: *Geiss I.* Prometheus and Pandora. Zur Stellung der industriellen Revolution in der Weltgeschichte. — Industrielle Gesellschaft und politisches System. Beiträge zur politischen Sozialgeschichte. Festschrift für Fritz Fischer zum 70. Geburtstag. Bonn, 1978, S. 21—36; *Flora P.* Modernisierungsforschung. Zur empirischen Analyse der gesellschaftlichen Entwicklung. Opladen, 1974; *idem.* Indikatoren der Modernisierung. Ein historisches Datenhandbuch. Opladen, 1975; *Lepsius R.* Soziologische Theoreme über die Sozialstruktur der "Moderne" und die "Modernisierung". — Studien zum Beginn der modernen Welt. Stuttgart, 1977, S. 10—29; *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte. Göttingen, 1975; *idem.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte. — Industrielle Gesellschaft und politisches System, S. 3—20; Theorien des sozialen Wandels. Köln, 1969; *Zapf W.* Modernisierungstheorien. — Prismata, Dank an B. Hanssler. München, 1974, S. 302—317; Theorien in der Praxis des Historikers, Geschichte und Gesellschaft, Göttingen Sonderheft 3, 1977. По критике теорий «модернизации»: *Schuhler C.* Zur politischen Ökonomie der armen Welt. München, 1968; *Bühl W.* Evolution and Revolution. Kritik der symmetrischen Soziologie. München, 1970; *idem.* Theorien sozialer Konflikte. Darmstadt, 1976.

² См.: The Process of Modernization. An Annotated Bibliography on the Sociocultural Aspects of Development. Cambridge (Mass.), 1969.

³ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 59.

⁴ См.: *Geyer D.* Die russische Revolution. Historische Probleme und Perspektiven. Stuttgart — Berlin (West) — Köln — Mainz, 1968; *Conze W.* Das deutsch-russische Verhältnis im Wandel der modernen Welt. Göttingen, 1967. См. также: *Küttler W.* Die Konzeption der "Industriegesellschaft" und die russische Geschichte bis 1917. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (далее: ZFG). Berlin, 1971, N 8, S. 981—1015; *Rose G.* "Industriegesellschaft" und Konvergenztheorie Genesis—Strukturen—Funktionen. Berlin, 1974, S. 82, 123.

⁵ *Löwenthal R.* Development vs. Utopia in Communist Policy. — Change in Communist Systems. Stanford (Cal.), 1970, p. 33—116.

Аналогично этому П.-Х. Лудц утверждает о наличии внутреннего конфликта в ГДР между экономико-технологической «модернизацией» и «догматически-бюрократической» политико-идеологической системой (*Ludz P. Ch.* Deutschlands doppelte Zukunft. Bundesrepublik und DDR in der Welt von morgen. München, 1974, S. 86—91).

⁶ Theorien des sozialen Wandels, S. 14.

⁷ См.: *Hempel C. G.* Aspects of Scientific Explanation. N. Y., 1965.

⁸ *Zapf W.* Modernisierungstheorien, S. 312.

⁹ *Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 16.

¹⁰ *Matzerath H., Volkmann H.* Modernisierungstheorie und Nationalsozialismus, S. 101, 116.

¹¹ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 18—33.

¹² *Ibid.*, S. 5; *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 9.

¹³ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 60.

¹⁴ *Brandt G.* Industrialisierung, Modernisierung, gesellschaftliche Entwicklung. Anmerkungen zum gegenwärtigen Stand gesamtgesellschaftlicher Analysen. — Zeitschrift für Soziologie. Stuttgart, 1972, N 1, S. 5.

¹⁵ См.: *Красин Ю.* Социальная революция в отражении буржуазной идеологии. — Проблемы мира и социализма, 1972, № 2 (162), с. 78—84; *Richter R.* Historisch-politische Grundprobleme der Faschismusinterpretation der dominierenden bürgerlichen US-Historiographie (unter besonderer Berücksichtigung) von Gemeinsamkeiten und Unterschieden zur bürgerlichen BRD—Historiographie. Phil. Diss. A Berlin, 1974; *idem.* Zur Faschismusinterpretation in der bürgerlichen Historiographie der USA. — ZfG, 1974, N 8, S. 789—800; *Herzog J.* Das Traditionsproblem und der Neokolonialismus. Bemerkungen zur "Modernisierungskonzeption" der amerikanischen politischen Soziologie. — Asien, Afrika, Lateinamerika. Berlin (далее: AAL), Bd 3, 1975, N 1, S. 19—36; *Марушкин Б. И.* История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; *Rose G.* Grundpositionen und Tendenzen bürgerlicher Weltgeschichtsschreibung in der BRD. — ZfG, 1976, N 2, S. 133—149; *Bauer A.* Bürgerliche Modernisierungstheorie und moderne Epoche. MS, 1977; *Schleier H.* Zu den Theorien über die Entwicklung der Gesellschaft im spätbürgerlichen deutschen Geschichtsdenken.—Formationstheorie und Geschichte. Studien zur historischen Untersuchung von Gesellschaftsformationen im Werk von Marx, Engels und Lenin. Berlin, 1978, S. 713—714.

¹⁶ О марксистской точке зрения см.: *Herzog J.* Das Traditionsproblem und der Neokolonialismus; *Ernst K.* Charakter und Entwicklung der sozialökonomischen Verhältnisse und der Klassenbeziehungen im subsaharischen Afrika unter den Bedingungen kolonialer und neokolonialer Abhängigkeit und Ausbeutung sowie des Kampfes um deren Überwindung, Theoretische und methodologische Probleme ihrer sozialhistorischen und soziologischen Untersuchung. Diss. Leipzig, 1977.

¹ Кроме того, см.: *Ernst K.* Charakter und Entwicklung der sozial-ökonomischen Verhältnisse und der Klassenbeziehungen im subsaharischen Afrika, S. 11.

² *Kennedy J. F.* Botschaft an den amerikanischen Kongreß, v. 22.3.1961 — Europa-Archiv. Bonn, 1961, N 14, D. 235. В действительности США опирались в этих странах на самые реакционные и коррумпированные силы, насаждали антинародные режимы (Южная Корея, Южный Вьетнам) и проводили карательные экспедиции в духе «политики канонерок» XIX в., но и таким способом им не удавалось надолго локализовать национальные освободительные движения.

³ См.: *Hinkel G.* Die "Auslandshilfe" der USA. Ihre politischen und ökonomischen Aspekte, insbesondere während der Kennedy- und Johnson-Administration. Berlin, 1972, S. 71.

⁴ *Weinberg I.* The Concept of Modernization: an Unfinished Chapter in Sociological Theory, p. 7.

⁵ *Ernst K.* Charakter und Entwicklung der sozialökonomischen Verhältnisse und der Klassenbeziehungen im subsaharischen Afrika, S. 11.

⁶ По критике реакционной буржуазной этнологии см.: *Olderogge D. I., Potechin I. I.* Die Völker Afrikas. Ihre Vergangenheit und Gegenwart, Bd 1. Berlin, 1961, S. 32—40.

⁷ См.: *Herzog J.* Das Traditionsproblem und der Neokolonialismus, S. 22.

⁸ *Rustow D. A.* A World of Nations. Washington, 1970, p. 5.

⁹ *Black C. E.* The Dynamics of Modernization, p. 7.

¹⁰ International Encyclopaedia of Social Sciences, vol. 10; Stichwort Modernization, S. 386.

¹¹ *Herzog J.* Das Traditionsproblem und der Neokolonialismus, S. 25.

¹² *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen für eine moderne deutsche Gesellschaftsgeschichte, S. 4—5.

¹³ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 11.

¹⁴ О заимствовании американской социологии в ФРГ см.: *Bürgerliche Ökonomie im modernen Kapitalismus.* Berlin, 1967, S. 205—206; *Braunreuther K.* Probleme der Geschichte der bürgerlichen Soziologie. Berlin, 1975, S. 43.

¹⁵ Р. Дарендорф писал в 1959 г. относительно ФРГ: «Таким образом, современная немецкая социология характеризуется почти полным отказом от широкой социальной картины — факт настолько же удивительный, насколько и тревожный» (*Dahrendorf R.* Betrachtungen zu einigen Aspekten der gegenwärtigen deutschen Soziologie. — Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 1959, N 1, S. 143).

¹⁶ *Fischer-Lexikon Soziologie.* Frankfurt a. M., 1958, S. 13.

¹⁷ *Bergner D., Mocek R.* Bürgerliche Gesellschaftstheorien. Studien zu den weltanschaulichen Grundlagen und ideologischen Funktionen bürgerlicher Gesellschaftsauffassungen. Berlin, 1976, S. 41.

¹⁸ Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie, hg. von C. D. Kernig u. a., 6 Bde. Freiburg i. Br. — Basel—Wien, 1968—1972, Bd. II, Stichwort Geschichtswissenschaft, Sp. 924.

¹⁹ На ежегодной конференции американского социологического общества в сентябре 1965 г. одно из пленарных заседаний было посвящено теме «Маркс и Америка». Тогда же в Колумбийском университете состоялась конференция, на которой обсуждавшаяся среди других тема «Перспективы социализма в США» собрала самое боль-

шое число участников. Университет штата Индиана организовал в апреле 1966 г. международный симпозиум по теме «Маркс и западный мир» (см.: *Loesdau A. Globalstrategie und Geschichtsideologie. Zur Analyse der bürgerlichen Historiographie der USA in der Klassenauseinandersetzung zwischen Sozialismus und Imperialismus.* Berlin, 1974, S. 152). Поразительным оказалось непропорционально большое участие западноевропейских иммигрантов в спорах с марксистами в США, особенно таких, как Р. Бендикс, К. В. Дойч, Б. Ф. Хозелитц, Т. ван Лауе, Г. Маркузе, И. А. Шумпетер.

²⁰ Особенно см.: *Burnham J. The Managerial Revolution, 1941 (Die Revolution der Manager.* Frankfurt a. M., 1949); *Drucker P. F. The New Society. The Anatomy of the Industrial Order, 1949 (Gesellschaft am Fließband. Eine Anatomie der industriellen Ordnung.* Frankfurt a. M., o. J.); *Riesman D. The Lonely Crowd, 1950 (Die einsame Masse. Eine Untersuchung der Wandlungen des amerikanischen Charakters.* Hamburg, 1958).

²¹ Появились в 1962 г. в виде книжного обозрения: «Dix-huit Leçons sur la Société Industrielle» (Die industrielle Gesellschaft. Frankfurt a. M.—Hamburg, 1964).

²² В рамках данной работы малоисследованная в марксистской литературе проблема соотношения национального и интернационального в развитии буржуазной идеологии после второй мировой войны не может быть рассмотрена подробно. Существующие оценки требуют корректировки (в этой связи см.: *Bergner D., Löwe B. P. Philosophische Probleme des Kampfes gegen die Globalstrategie.* — Dt. Z. Philos., Berlin, 1970, N 9, S. 1030).

²³ См.: *Zeisler K. Genesis und Funktionen der gegenwärtigen imperialistischen "Kommunismusforschung".* — ZiG, 1973, N 10, S. 1023. См. также критику иррационалистических основ американских исследований коммунизма до конца 50-х годов в книге Д. Белла «Конец идеологии» (The End of Ideology. N. Y., 1961, p. 317).

²⁴ Подробнее об этом см.: *Halle L. Der Kalte Krieg. Ursachen—Verlauf—Abschluß.* Frankfurt a. M., 1973, S. 25.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Kelso L. O., Adler M. J. The Capitalist Manifesto.* N. Y., 1958.

²⁶ *Wertheim W. F. Evolution and Revolution. The Rising Waves of Emancipation.* Harmondsworth, 1974, p. 18.

²⁷ *Mills C. W. Kritik der soziologischen Denkweise.* Neuwied—Berlin (West), 1963, S. 64.

²⁸ См.: *Parsons T. Societies, Evolutionary and Comparative Perspectives.* Englewood Cliffs, 1966; *idem. The System of Modern Societies.* Englewood Cliffs, 1971.

²⁹ *Brandt G. Industrialisierung, Modernisierung, gesellschaftliche Entwicklung,* S. 5.

³⁰ *Schissler H. Theorien des sozialen Wandels.* — Neue Politische Literatur, 1974, N 2, S. 155.

³¹ *Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte,* S. 11.

³² *Eisenstadt S. N. Studies of Modernization and Sociological Theory,* p. 227.

³³ Показательным в этом отношении является пример У. Ростоу, который в книге «Стадии экономического роста» кроме британских авторов только по одному разу упоминает Б. Кроче, Т. Манна, С. де Мадериагу и Р. Арона, из которых первые трое не имеют ничего общего с концепцией «индустриального общества».

³⁴ Сравни: *Schissler H. Theorien des sozialen Wandels; Theorien des sozialen Wandels, Einleitung,* 2. Aufl. Köln—Berlin (West), 1970, S. 13.

³⁵ Для восприятия Гегеля на третьем этапе общего кризиса капитализма характерна попытка «взять на вооружение Гегеля для теории «индустриального общества»... Гегель, говорят сейчас, был первым, кто дал сохранившие доныне значимость ответы на «индустриальный» век, введенный французской революцией» (*Streisand J. Kritische Studien zum Erbe der deutschen Klassik. Berlin, 1971 (Zur Kritik der bürgerlichen Ideologie, Bd 7, S. 119)*).

³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 17.

³⁷ «Хотя терминология теоретиков модернизации может считаться новой, тем не менее метод, с помощью которого они проводят исследования социальных изменений в незападных обществах, свойствен эволюционизму, основанному на традиционной мудрости западных общественных наук конца XIX в.» (*Tipps D. C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective. — Comparative Studies in Society and History, 1973, N 15. p. 200—201*).

³⁸ *Soziale Systeme, Materialien zur Dokumentation und Kritik sozialogischer Theorie. Neuwied—Berlin (West), 1971, S. 16.*

³⁹ См.: *Кон И. С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.*

⁴⁰ *Martindale D. The Nature and Types of Sociological Theory. Cambridge (Mass.), 1960, p. 62.*

⁴¹ Сравни: *Lukács G. Die Zerstörung der Vernunft. Berlin, 1954, S. 461—462.*

⁴² В 1868 г. К. Маркс писал Ф. Энгельсу: «...если бы ты, как я, вынужден был читать экономические статьи гг. Лалора, Герберта Спенсера, Маклеода и т. д. в “Westminster Review” и т. д., то увидел бы, что все они по уши увязли в экономических банальностях... и поэтому стараются приправить свою стряпню псевдофилософским или псевдонаучным жаргоном. Этот мнимонаучный характер отнюдь не делает содержание (само по себе равное нулю) более понятным. Напротив. Весь фокус в том, чтобы мистифицировать читателя и заставить его ломать себе голову, пока он, в конце концов, не придет к успокоительному выводу, что за этими страшными словами скрываются лишь loci communes (общие места. — *Ред.*)» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 32, с. 77).

⁴³ *Flora P. Modernisierungsforschung, S. 21.*

⁴⁴ См.: *Кон И. С. Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts. Kritischer Abriß, Bd II. Berlin, 1964, S. 221.*

⁴⁵ *Bühl W. Evolution und Revolution. Kritik der symmetrischen Soziologie. München, 1970.*

⁴⁶ Буржуазные историки выступили против строгой дихотомизации, исходя из отрицания всякой закономерности в общественной жизни (см.: *Below G. v. Probleme der Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1926, S. 411, 491; Lütge F. Deutsche Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Berlin, 1952, S. 126; см. также: Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 4. Aufl. Jena, 1924, Artikel “Kapitalismus”. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922, S. 204*).

⁴⁷ См. обзор: *Dreitzel H.-P. Sozialer Wandel. Zivilisation und Fortschritt als Kategorien der soziologischen Theorie. Neuwied—Berlin (West), 1967, S. 58—59.*

⁴⁸ *Maine H. S. Ancient Law. N. Y., 1906.*

⁴⁹ См.: *Karl Marx. Biographie. Berlin, 1975, S. 707.*

⁵⁰ *The Ethnological Notebooks of Karl Marx (Studies of Morgan, Phear, Maine, Lubbock). Transcribed and edited with an Introduction by L. Krader. Assen, 1972, p. 326. (Фексиф — имя персонажа из романа «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» Ч. Диккенса.*

Этим именем обычно называют елейного притворщика, лицемера, который постоянно болтает о благотворительности.)

⁵¹ Ibid., S. 329.

⁵² Ibid.

⁵³ Durkheim É. De la division du travail social. Etude zur l'organisation des sociétés supérieures. Paris, 1893.

⁵⁴ См.: Кон И. С. Позитивизм в социологии, с. 76.

⁵⁵ Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie, 6. und 7. Aufl. Berlin, 1926.

⁵⁶ Lukács G. Die Zerstörung der Vernunft, S. 468.

⁵⁷ Rudolph G. Ferdinand Tönnies und der Faschismus. — Wiss. Z. Humboldt—Univ. Berlin, Ges. — u. Sprachwiss. R., 1965, N 3, S. 339.

⁵⁸ Fischer-Lexikon. Soziologie. Frankfurt a. M., 1958, S. 88.

⁵⁹ Geschichte der Philosophie, Bd VI. Berlin, 1967, S. 206.

⁶⁰ Процесс полного установления капитализма в мировом масштабе охватывает период с 1789 до 1871 г. Эта «первая эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143).

⁶¹ См.: Hoffmann E. Stellung. Gegenstand und Gliederung der Geschichtswissenschaft. Berlin, 1974, S. 102—103.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 279.

⁶³ Heise W. Aufbruch in die Illusion. Berlin, 1964, S. 243.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 9.

⁶⁵ Braunreuther K. Probleme der Geschichte der bürgerlichen Soziologie. Berlin, 1975, S. 38.

⁶⁶ Roth G., Bendix R. Max Webers Einfluß auf die amerikanische Soziologie. — Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 1959, N 1, S. 49—50.

⁶⁷ В то время как работы Вебера в Веймарской республике были сравнительно мало известны и во время фашистской диктатуры фактически замалчивались, в США они переживали в этот период полосу признания. В 1927 г. в Гейдельберге Т. Парсонс защитил диссертацию на тему «Понятие капитализма в теориях Макса Вебера и Вернера Зомбарта» (Parsons T. "Capitalism" in Recent German Literature: Sombart and Weber. — The Journal of Political Economy, Chicago (Ill.), 1928, N 36, p. 641—661; 1929, N 37, p. 31—51). В 1931 г. Парсонс перевел работу Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». (В 1928 г. в № 25, 26, 30 журнала «Атеист» были опубликованы переведенные на русский язык отдельные разделы этой книги под названием «Хозяйственная этика мировых религий». «Протестантские секты и дух капитализма». — Прим. переводчика.) В 1946 г. К. В. Миллс осуществил перевод главных сочинений М. Вебера (Gerth H., Mills C. W. From Max Weber: Essays in Sociology, N. Y., 1946). В 1947 г. Парсонс опубликовал отрывки из его работы «The Theory of Social and Economic Organisation» (N. Y., 1947). Марксистских исследований истории влияния идей М. Вебера еще нет (сравни работы буржуазных авторов: Roth G., Bendix R. Max Webers Einfluß auf die amerikanische Soziologie; Bendix R. Max Weber — Das Werk. Darstellung—Analyse—Ergebnisse. München, 1964; Bendix R., Roth G. Scholarship and Partisanship. Essays on Max Weber. Berkeley, 1971).

⁶⁸ *Salamon A.* Max Weber. — Die Gesellschaft. Berlin, 1926, N 2, S. 144.

⁶⁹ *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 20.

⁷⁰ *Braunreuther K.* Ökonomie und Gesellschaft in der deutschen bürgerlichen Soziologie. — Fragen der marxistischen Soziologie (Teil II). Berlin, 1964 (Sonderband der Wiss. Z. der Humboldt—Univ. zu Berlin), S. 87—88.

⁷¹ См.: *Parsons T.* Evolutionäre Universalien der Gesellschaft. — Theorien des sozialen Wandels, S. 55; см. также: *Schisler H.* Theorien des sozialen Wandels, S. 162—163.

⁷² *Lerner D.* The Passing of Traditional Society. Glencoe, 1958.

⁷³ См.: *Ginsberg M.* Towards a Theory of Social Development: "The Growth of Rationality". — *Aron R., Hoselitz B. F.* Social Development. Paris, 1965, p. 27.

⁷⁴ См.: *Levy M.* The Structure of Society. Princeton, 1952; *Apter D.* The Politics of Modernization. Chicago, 1965.

⁷⁵ См.: *Almond G. A., Coleman J. S.* The Politics of Developing Areas. Princeton, 1960.

⁷⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 133.

⁷⁷ Более подробно об этом см.: *Sieber R., Söder G.* Ideologie und wirtschaftliche Rationalität im sozialistischen Gesellschaftssystem. — Dt. L. Philos., 1968, N 7, S. 787.

⁷⁸ О понимании социализма Максом Вебером см.: *Korff G.* Ausbruch aus dem "Gehäuse der Hörigkeit". Berlin, 1971 (Zur Kritik der bürgerlichen Ideologie, Bd 5), S. 35.

⁷⁹ *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922, S. 141.

⁸⁰ «Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 385).

⁸¹ В 1918 г. он охарактеризовал Советское государство в России как «чисто военную диктатуру корпорации», господство которой продлится «лишь несколько месяцев» (*Weber M.* Gesammelte Politische Schriften. Tübingen, 1958, S. 280).

⁸² *Weber M.* Gesammelte Politische Schriften, S. 151.

⁸³ См.: *Blau P. M.* The Dynamics of Bureaucracy. Chicago, 1955.

⁸⁴ См.: *Kosing A.* Ernst Fischer — ein moderner Marxist? Berlin, 1970.

⁸⁵ Essays in Theory and History. An Approach to the Social Sciences. Cambridge (Mass.), 1970, p. 338.

⁸⁶ О марксистской оценке социологического функционализма см.: *Philosophisches Wörterbuch*, Bd 1. Leipzig, 1974, S. 437—440 (Funktionalismus); *Wörterbuch des marxistisch-leninistischen Soziologie*. Berlin, 1977 (Strukturell-funktionalistische Analyse), S. 648—650; *Warnke C.* Die "abstrakte" Gesellschaft. Systemwissenschaften als Heilsbotschaften in den Gesellschaftsmodellen Parsons', Dahrendorfs und Luhmanns. Berlin, 1974 (Zur Kritik der bürgerlichen Ideologie, Bd 46).

⁸⁷ Цит. по: *Tjaden K.-H.* Soziales System und sozialer Wandel. Untersuchungen zur Geschichte und Bedeutung zweier Begriffe. Stuttgart, 1969, S. 129. (Подробно об этом см., например: *История буржуазной социологии первой половины XX века*. М., 1979, с. 181. Пос-

леднее условие переведено в этой книге как «поддержание стандартов, урегулирование напряжений». — Прим. переводчика.)

⁸⁸ Parsons T. Das System moderner Gesellschaften. München, 1972, S. 150.

⁸⁹ Parsons T. Evolutionäre Universalien der Gesellschaft. — Theorien des sozialen Wandels, S. 55—74.

⁹⁰ См.: Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 13.

⁹¹ См. гл. IV, § 3 настоящей книги.

⁹² См.: Bönisch A., Reichelt D. Bürgerliche Gesellschaftskonzeptionen und Wirklichkeit. Berlin, 1976, S. 48.

⁹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

⁹⁴ Там же, с. 42—43.

⁹⁵ Там же, с. 43.

⁹⁶ См.: Rose G. "Industriegesellschaft" und Konvergenztheorie, S. 192.

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 221.

⁹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 320—321, 385—386, 420—426.

⁹⁹ Levy M. U. Modernization and the Structure of Societies, p. 735; кроме того, см.: Bühl W. Evolution und Revolution, S. 90.

¹⁰⁰ Rhodes R. I. The Disguised Conservatism in Evolutionary Development Theory. — Science and Society. An Independent Journal of Marxism. N. Y., 1968, N 5, p. 385.

¹⁰¹ «Двойственное отношение многих западных интеллектуалов к индустриализму отразилось в ностальгии по «потерянному раю»... новые версии антагонизма (между традиционностью и современностью) несут в себе меньше ностальгии по отношению к традиции; напротив, теоретикам «модернизации» «современность» видится как истинное воплощение добродетели и прогресса, а «традиционность» представляется преградой для их реализации» (Tipps D. C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A. Critical Perspektive, p. 207—208).

¹⁰² См.: Tucker R. C. The Marxian Revolutionary Idea. N. Y., 1969; Красин Ю. Социальная революция в отражении буржуазной идеологии. — Проблемы мира и социализма, 1972, № 2 (162), с. 78—84.

¹⁰³ «Система мобилизации или модернизированная автократия могут быть лучшим средством решения проблем и для введения модернизации, чем системы примирения... Режимы, с помощью которых осуществляется модернизация, очень быстро достигают высшей степени дееспособности и затем разрушаются» (Apter D. The Politics of Modernization, p. 242, 386).

¹⁰⁴ Parsons T. Some Reflections on the Institutional Framework of Economic Development. Jerusalem, 1958; Eisenstadt S. N. Modernization. Growth and Diversity Bloomington. Ind., 1963.

К главе II (с. 47-80)

¹ Wehler H.-U. Der Aufstieg des amerikanischen Imperialismus, Studien zur Entwicklung des Imperium Americanum. Göttingen, 1974, S. 10, 43.

² The Australian Journal of Politics and History, August 1965, p. 138.

³ Tipps D. C. Modernization Theory, p. 208.

⁴ См.: Mazrui A. A. From Social Darwinism to Current Theories of Modernization. — World Politics, 1968, N 21, p. 69; Rhodes R. I. The Disguised Conservatism in Evolutionary Development Theory; Koch H.

Der Sozialdarwinismus. Seine Genese und sein Einfluß auf das imperialistische Denken. München, 1973.

⁵ *Rhodes R. I. The Disguised Conservatism in Evolutionary Development Theory*, p. 384.

⁶ «Китай располагал явными возможностями для индустриализации, как и Япония, и имел значительно лучшие месторождения сырья и даже более дешёвую рабочую силу. Однако Китаю недоставало способности организовать и осуществить программу индустриализации» (*Levy M. Contrasting Factors in the Modernization of China and Japan*, p. 530).

⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 9, с. 130—136.

⁸ Показательны в этом отношении работы: *Avineri S. Marx and Modernization. — The Review of Politics*, 1969, N 21. Notre Dame, Indiana, p. 172—188; *idem. Karl Marx on Colonialism and Modernization*. Garden City, 1969; *Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte*, S. 51.

⁹ *Avineri S. Marx and Modernization*, p. 176.

¹⁰ *Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte*, S. 51; *idem. Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte*, S. 10.

¹¹ *Rhodes R. I. The Disguised Conservatism in Evolutionary Development Theory*, p. 385.

¹² См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 4, с. 428.

¹³ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 40, с. 43.

¹⁴ Маркс так писал о деформировании англичанами хозяйства в Индии: «Если история какого-либо народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике гнусных) экономических экспериментов, так это — хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру крупной английской земельной собственности; в Юго-Восточной Индии — карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину с общинной земельной собственностью в карикатуру ее самой» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 25, ч. I, с. 366 (примеч.)).

¹⁵ *Ernst K. Charakter und Entwicklung der sozialökonomischen Verhältnisse und der Klassenbeziehungen im subsaharischen Afrika*. S. 26.

¹⁶ *Ibid.*, S. 27.

¹⁷ *Politische Ökonomie des heutigen Monopolkapitalismus*. Berlin, 1972, S. 72.

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Lewis W. A. The Theory of Economic Growth*. Homewood (Ill.), 1955, p. 9.

¹⁹ *Schuhler C. Zur Politischen Ökonomie der Armen Welt*. München, 1968, S. 19.

²⁰ *Rostow W. W. Stadien wirtschaftlichen Wachstums*. Göttingen, 1967, S. 57, 78.

²¹ По поводу применения теории стадий Ростоу к развивающимся странам см.: *Rose G. "Industriegesellschaft" und Konvergenztheorie*, S. 202—206.

²² См.: *Zimmermann G. Sozialer Wandel und ökonomische Entwicklung*. Stuttgart, 1969, S. 38—39, 87.

²³ См.: *Rose G. "Industriegesellschaft" und Konvergenztheorie*, S. 279, 329.

²⁴ См.: *Kübler J. Die "Allianz für den Fortschritt". Wurzeln und Mißerfolg der strategisch-taktischen Umorientierung in der Lateinamerikapolitik der USA unter John F. Kennedy*. — *ZfG*, 1967, N 8, S. 1436; *Hall G. Der amerikanische Imperialismus in der Welt von heute. Eine*

Еinschätzung wichtiger Fragen und Ereignisse unserer Zeit. Berlin, 1973, S. 362.

²⁵ Apter D. The Politics of Modernization, p. 463.

²⁶ Tipps D. C. Modernization Theory, p. 211.

²⁷ Ibid.

²⁸ См.: Ernst K. Für eine dem sozialen Fortschritt dienende Soziologie der Entwicklungsländer. Bericht über den 24. internationalen Soziologiekongreß vom 25. bis 30. März 1974 in Algier. — AAL, Bd 2, 1974, N 4, S. 627—633.

²⁹ Сравни: Ernst K. Charakter und Entwicklung der sozialökonomischen Verhältnisse und der Klassenbeziehungen im subsaharischen Afrika, S. 14.

³⁰ Вот что писал об этом, например, И. Гайс из ФРГ: «Если поскрести их (социалистические страны Европы. — Г. Р.) официальную идеологию пролетарского интернационализма и братства, то и там в действительности обнаруживается общеевропейско-североамериканский расизм. Исторически восточноевропейские страны в равной степени участвовали в извлечении экономической выгоды из колониализма и империализма, по крайней мере косвенно. Если рассматривать вопрос во всемирно-историческом масштабе, то по характеру своего отношения к развивающимся странам они также принадлежат к общеевропейско-североамериканской эксплуатирующей общности, что нельзя скрыть даже благодаря коммунистическому перевороту, совершенному в их собственных странах» (Geiss I. Der Ort der Geschichtswissenschaft in der Gesellschaft oder die Funktion des Historikers. — Die Funktion der Geschichte in unserer Zeit. Stuttgart, 1975, S. 202).

³¹ См.: Liebscher G. Zu einigen neuen Aspekten der neokolonialen Ideologie und Theorienbildung des Imperialismus. — AAL, Bd 3, 1975, N 5, S. 756, 795.

³² Из американской литературы см., например: Tipps D. C. Modernization Theory, p. 199; Rhodes R. I. The Disguised Conservatism in Evolutionary Development Theory; из западногерманской литературы см.: Schuhlen C. Zur politischen Ökonomie der armen Welt; Bühl W. Evolution and Revolution. Kritik der symmetrischen Soziologie; idem. Theorien sozialer Konflikte.

³³ Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 6.

³⁴ Weinberg I. The Concept of Modernization: An Unfinished Chapter in Sociological Theory, p. 14.

³⁵ Наряду с Р. И. Родесом и Д. К. Типпсом к ним можно причислить К. Огльсби, Р. Шолла, А. А. Мазруи, М. Г. Раскина, Б. Б. Фолла.

³⁶ По этому вопросу сравни: Loesdau A. Globalstrategie und Geschichtsideologie, S. 143—154; Horn R. Die "New Left history" in den USA über den kalten Krieg. — ZiG, 1977, N 7, S. 803—815.

³⁷ По этому вопросу сравни: Oglesby C., Shaul R. Amerikanische Ideologie. Zwei Studien über Politik und Gesellschaft in den USA. Frankfurt a. M., 1969, S. 97—98.

³⁸ Rhodes R. I. The Disguised Conservatism in Evolutionary Development Theory, p. 412.

³⁹ IESS, Stichwort Modernization: Sozial Aspects, S. 390. При этом характерно и объяснение Р. Никсона по поводу политики США в Африке, данное им 18 февраля 1970 г.: «Каждая страна стоит перед своими проблемами, и решения необходимо выбирать, исходя из национального опыта собственной страны. Чужие идеологии оказываются абсолютно беспомощными и трагически не соответствуют

тому образу, который нужен для африканского прогресса» (Internationales Afrika—Forum. Bonn, 1970, N 3, S. 136).

⁴⁰ Herzog J. Das Traditionsproblem und der Neokolonialismus, S. 23.

⁴¹ IESS, Stichwort Modernization: Social Aspects, p. 391.

⁴² «Революции наиболее вероятны, когда затяжные периоды действительного хозяйственного и социального роста сменяются коротким и тяжелым спадом» (Davies J. C. Eine Theorie der Revolution. — Theorien des sozialen Wandels, S. 400). «То, что революциям предшествует сначала период растущих надежд, а затем период разочарования, изменяет представления К. Маркса и Токвиля» (ibid., S. 412).

⁴³ Цит. по: Almond G. A. Politische Systeme und sozialer Wandel. — Theorien des sozialen Wandels, S. 211—227; Rokkan St. Die vergleichende Analyse der Nationbildung: Modelle und Methoden. — Ibid., S. 28—52; Flora P. Modernisierungsforschung, S. 89—92; Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 36—37.

⁴⁴ Habermas J. Zum Thema: Geschichte und Evolution. — Gesch. u. Gesell., 1976, N 3, S. 328.

⁴⁵ «Представления Дюркгейма об общественном развитии, выраженные в противоположных понятиях... являются слишком произвольными и упрощенными с точки зрения современных требований, предъявляемых к анализу» (Firth R. Preface to Henry Sumner Maine, Ancient Law. Boston, 1963, p. XXX).

⁴⁶ Herzog J. Das Traditionsproblem und der Neokolonialismus, S. 27.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ См.: Kahn H., Wiener J. Ihr werdet es erleben. Voraussagen der Wissenschaft bis zum Jahr 2000. Reinbeck b. Hamburg, 1971, S. 73.

⁴⁹ См.: Старостин Б. Буржуазные концепции модернизации и перспективы развития «третьего мира». — Мировая экономика и международные отношения. М., 1977, № 7, с. 102—110.

⁵⁰ Smelser J., Lipset S. M. Social Structure, Mobility and Development. — Smelser N. J., Lipset S. M. Social Structure and Mobility in Economic Development. Chicago, 1966, p. 12.

⁵¹ Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. Glencoe (Ill.), 1958, p. 137.

⁵² См.: Bühl W. Evolution und Revolution, S. 74.

⁵³ По этому вопросу сравни: Levy M., Moore W. E. Strukturwandel der Gesellschaft. München, 1968.

⁵⁴ См.: Rose G. "Industriegesellschaft" und Konvergenztheorie, S. 105—125.

⁵⁵ См.: Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft, Bd III. Ideologie-Leistung. Freiburg i. Br.—Basel—Wien, 1969, Sp. 117.

⁵⁶ Apter D. The Politics of Modernization, p. X, 68.

⁵⁷ Apter D. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization. Englewood Cliffs. N. Y., 1968, p. 335.

⁵⁸ IESS, Stichwort "Industrialization", Social Aspects, vol. 10, 1968, p. 264.

⁵⁹ Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 53.

⁶⁰ IESS, Stichwort "Modernization", Social Aspects, vol. 10, p. 388.

⁶¹ Apter D. The Politics of Modernization, p. 70.

⁶² Schuhler C. Zur Politischen Ökonomie der Armen Welt, S. 37.

⁶³ Об отношении империализма к индустриализации в развивающихся странах см.: Industrialisierung in Entwicklungsländer. Bedingungen, Konzeptionen Tendenzen. Berlin, 1975, S. 533—560.

⁶⁴ См.: *Herzog J.* Das Traditiosproblem und der Neokolonialismus, S. 26.

⁶⁵ «Конфронтация «бедных» и «богатых» стран очевидна для многих людей в развивающихся странах. Пропась между странами, характеризующимися отсталостью и бедностью, и индустриально развитыми странами столь резко бросается в глаза, что эти люди не замечают или отодвигают на второе место главное противоречие между социализмом и империализмом. Вследствие этого они склонны отождествлять общественный прогресс с технологическим и легко воспринимают аргументы теории «индустриального общества»» (*Robbe M., Höpp G., Mährdel Ch.* Theorie und Praxis nichtproletarischer Sozialismuskonzeptionen in afro-asiatischen Entwicklungsländern. Möglichkeiten und Grenzen eines kleinbürgerlichen Fortschrittsverständnisses. — AAL, Bd 3, 1975, N 5, S. 770).

⁶⁶ «В то время как консервативные силы решительно отвергают реформистский курс, относительно реалистические силы, среди них Макнамара и Гэлбрейт, осознают его необходимость, хотя понимают также и его «рискованность». Страх перед тем, что политика реформ повернет движение в «третьем мире» «влево» и империализм потеряет контроль над начинающимися реформами, связывает их по рукам и ногам» (*Liebscher G.* Zu einigen neuen Aspekten der neokolonialistischen Ideologie und Theorienbildung des Imperialismus. — AAL, Bd 3, 1975, N 5, S. 794).

⁶⁷ *Ibid.*, S. 794—795.

⁶⁸ *Behrendt R. F.* Soziale Strategie für Entwicklungsländer. Frankfurt a. M., 1965; *idem.* Die Zukunft der Entwicklungsländer als Problem des Spätmarxismus. — Futurum. München, 1970, N 4, S. 574—616.

⁶⁹ *Idem.* Die Zukunft der Entwicklungsländer als Problem des Spätmarxismus, S. 611.

⁷⁰ *Ibid.*, S. 609. Об оценке концепции «динамичных изменений культуры» см.: *Schilling H.* Forcierte Entwicklung des Kapitalismus als Bestandteil der imperialistischen Strategie gegen die nichtkapitalistische Entwicklung in Afrika. — Nichtkapitalistischer Entwicklungsweg. Aktuelle Probleme in Theorie und Praxis. Berlin, 1972, S. 133—152.

⁷¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 514.

⁷² О значении индустриализации для общественного развития см.: *Industrialisierung in Entwicklungsländern*, S. 13—20.

⁷³ *Eisenstadt S. N.* Studies of Modernization and Sociological Theory. — History and Theory, 1974, N 3, p. 251.

⁷⁴ *Rhodes R. I.* The Disguised Conservatism in Evolutionary Development Theory, S. 385; *Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 21.

⁷⁵ *Trauzettel R.* Probleme der Modernisierung in Ostasien. — Saeculum, 1975, N 26, S. 191.

⁷⁶ *Parsons T.* Evolutionary Universals in Society. — American Sociological Review, 1964, N 29, p. 339—357.

Б. Мур-младший сравнивал свой макросоциологический анализ с топографическим снимком с большой высоты, на котором расплываются частности (см.: *Moore B. (jr.)* Soziale Ursprünge von Diktatur und Demokratie, S. 12—13; кроме того см.: *Schissler H.* Theorien des sozialen Wandels. — Neue Politische Literatur, 1974, N 2, S. 162).

⁷⁷ *Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 20.

⁷⁸ *Zapf W.* Theorien des sozialen Wandels, S. 22.

⁷⁹ *Brandt G.* Industrialisierung, Modernisierung, gesellschaftliche Entwicklung, S. 7.

⁸⁰ См.: *Schissler H.* Theorien des sozialen Wandels, S. 183.

⁸¹ Weinberg I. The Concept of Modernization: An Unfinished Chapter, S. 12.

⁸² Wehler H.-U. Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 5.

⁸³ Ibid., S. 5, 16; см. также: Levy M. J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1970.

⁸⁴ Trauzettel R. Probleme der Modernisierung in Ostasien, S. 191.

⁸⁵ Almond G. A. Approaches to Development Causation. — Beitrag zum Achten Weltkongress der International Political Science. München, 1970.

⁸⁶ Crisis, Choice and Change. Boston, 1973. Eisenstadt S. N. Studies of Modernization and Sociological Theory.

⁸⁷ Wehler H.-U. Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 6.

⁸⁸ Stichwort Modernization: Social Aspects, S. 388.

⁸⁹ Ibid., S. 389.

⁹⁰ В американской социологии эта формула служит для обозначения «тоталитарного» полицейского государства (Laswell H. D. The Policy Sciences of Development. — World Politics, 1965, N 17, p. 286—309).

⁹¹ По формуле американского философа У. Джеймса фрустрация (букв.: расстройство, крушение. — Прим. переводчика) — это желаемое / достигнутое. Степень фрустрации оказывается тем выше, чем быстрее растет числитель по отношению к знаменателю. Этот заимствованный из психологии прием употреблялся в теориях «модернизации» для обозначения социальных конфликтов. В «традиционных» обществах уровень фрустрации низок, поскольку желания здесь ограничены и постоянны. В «переходных» обществах, напротив, он быстро повышается вследствие не поддающегося исчислению роста желаний и таким образом подготавливает почву для социального недовольства. Ввиду отсталости хозяйственного развития освободившихся стран «революция растущих ожиданий» превращается в «революцию растущей фрустрации» и создает почву для социальной революции. Для достижения политической стабильности необходимо привести в соответствие ожидание и удовлетворение: политическая стабильность = социальная мобилизация · Достижение общественно-экономического развития

го равновесия (societal equilibrium) объясняется соотношением институциональной стабильности и индивидуальной мобильности.

Общественное равновесие = институциональная стабильность / индивидуальная мобильность

(IESS, Modernization, p. 389, 392—393; Lerner D. Toward a Communication Theory of Modernization. — Communications and Political Development. Princeton, 1963; Lerner D. The Passing of Traditional Society. N. Y., 1966).

⁹² Spengler J. J., Duncan O. D. Population Theory and Policy. Glencoe (Ill.), 1956; Hoselitz B. F. Sociological Aspects of Economic Growth. Glencoe (Ill.), 1960.

⁹³ Wehler H.-U. Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 6.

⁹⁴ См.: McClelland D. C. Die Leistungsgesellschaft. Stuttgart, 1966.

⁹⁵ Lipset S. M. The First New Nation. The United States in Historical and Comparative Perspective. N. Y., 1963.

⁹⁶ Велер охарактеризовал теорию «европейской индустриализа-

ции» Гершенкрона как «отличную исходную базу» для исследований истории экономики и сравнительного анализа социальной истории в рамках изучения модернизации. «Как всеобщий принцип интерпретации теория Гершенкрона неоднократно доказывала свою эвристическую ценность, поэтому с ней по праву могут быть связаны исследования модернизации» (*Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte*, S. 48—50).

⁹⁷ См. прежде всего работы: *Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. — The Progress of Underdeveloped Areas*. Chicago, 1952; *idem. Continuity in History and Other Essays*. Cambridge (Mass.), 1968; *idem. The Early Phases of Industrialization in Russia: Afterthoughts and Counterthoughts. — The Economics of Take-Off into Sustained Growth*. L., 1969.

⁹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 490.

⁹⁹ *Veblen Th. Imperial Germany and the Industrial Revolution*, N. Y., 1954.

¹⁰⁰ *Bendix R. Modernisierung in internationaler Perspektive. — Theorien des sozialen Wandels*, S. 508. Идея «преимущества отсталости» имела хождение уже в XVII в.; характерно в этом смысле изображение русской «модернизации» под руководством Петра I Лейбницем (см.: *Groh D. Rußland und das Selbstverständnis Europas*. Neuwied, 1961, S. 32—43).

¹⁰¹ *Laue Th. v. Die Revolution von außen als erste Phase der russischen Revolution. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd 4, 1956, N. 2. В этой статье Октябрьская революция характеризуется как прототип революций в отсталых странах; для развитых стран Запада, уверяет автор, проблемы революции не существует.

¹⁰² *Gerschenkron A. Wirtschaftliche Rückständigkeit in historischer Perspektive. — Theorien des sozialen Wandels*, S. 78—79.

¹⁰³ О критике фальсификации Октябрьской революции теоретиками модернизации см.: *Марушкин Б. И.* История и политика; *Олегина И. Н.* Индустриализация СССР в английской и американской историографии, Л., 1971; *Unbewältigte Vergangenheit, Kritik der bürgerlichen Geschichtsschreibung in der BRD*. Berlin, 1977.

¹⁰⁴ *Gerschenkron A. Wirtschaftliche Rückständigkeit in historischer Perspektive*, S. 79.

¹⁰⁵ Сравни особенно: *Eisenstadt S. N. Breakdowns of Modernization. — Economic Development and Cultural Change*, 1964, N 12, p. 345—367; *Huntington S. Political Development and Political Decay. — World Politics*, 1965, N 12, p. 386—430.

¹⁰⁶ Особенно работы: *Bendix R. Nation-Building and Citizenship*. N. Y., 1964; *idem. Die vergleichende Analyse historischer Wandlungen. — Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1965, N 6, S. 429—446; *idem. Tradition and Modernity Reconsidered. — Comparative Studies in Society and History*. Cambridge (Mass.), 1966, N 9, p. 292—346; *Towards a Definition of Modernization*. Paper delivered at the 6th World Congress of Sociology. Evian, 1966; *Modernisierung und soziale Ungleichheit. — In Wirtschafts- und sozialgeschichtliche Probleme der frühen Industrialisierung*. Berlin (West), 1968, S. 170—246; *State and Society*. Boston, 1968; *Embattled Reason*. N. Y., 1970.

¹⁰⁷ *Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte*, S. 47.

¹⁰⁸ *Bendix R. Modernisierung in internationaler Perspektive*, S. 506.

¹⁰⁹ *Unbewältigte Vergangenheit*, S. 260.

¹¹⁰ *Le problème de l'Atlantique du XVIIIème au XXème siècle. — Congresso Internazionale di Scienze Storiche*. Roma, 4—11 settembre 1955. *Relazioni*, vol. V: *Storia contemporanea*. Roma, 1955; *Godechot J.*

La Grande Nation: L'expansion révolutionnaire de la France dans le monde de 1789 à 1799. Paris, 1956; *Palmer R. R.* The Age of the Democratic Revolution. — A Political History of Europe and America, 1760 bis 1800, vol. 2. Princeton, 1959.

¹¹¹ Unbewältigte Vergangenheit, S. 176.

¹¹² *Bendix R.* Modernisierung und soziale Ungleichheit, S. 225.

¹¹³ *Bendix R.* Modernisierung in internationaler Perspektive, S. 510.

¹¹⁴ *Ibid.*, S. 509. Э. А. Шилз так охарактеризовал препятствия «модернизации» в развивающихся странах: «Наблюдается пропасть между немногими очень богатыми и массой бедных, между образованными и необразованными, между городскими и сельскими жителями, между ориентацией на включение во всемирные процессы развития наций и на локальную замкнутость, между современным и традиционным, между управляющими и управляемыми» (*Shils E. A.* Political Development in the New States. — Comparative Studies in Society and History, 1962, N 4, p. 281).

¹¹⁵ *Bendix R.* Modernisierung in internationaler Perspektive, S. 507.

¹¹⁶ Universalgeschichte. Köln, 1974, S. 22—23.

¹¹⁷ См.: *Rose G.* Grundpositionen und Tendenzen bürgerlicher Weltgeschichtsschreibung in der BRD. — ZfG, 1976, N 2.

¹¹⁸ *Hayes C. J. H.* The American Frontier — Frontier of What? — American Historical Review, 1946, January.

¹¹⁹ *Webb W. P.* The Great Frontier. Boston, 1952.

¹²⁰ *Palmer R. R.* The Age of the Democratic Revolution. Princeton, 1959.

¹²¹ Вышла в 15-ти томах.

¹²² Theory and Practice in Historical Study; a Report of the Committee on Historiography. — Social Sciences Research Council Bulletin 54. N. Y., 1946, p. 136; *Demm E.* Neue Wege der amerikanischen Geschichtswissenschaft. — Saeculum, Jg. 1971, N 22, S. 342—376.

¹²³ См.: Modernization of Traditional Societies Series. Englewood Cliffs, N. J.

¹²⁴ По свидетельству самих издателей, журнал намерен отразить различные представления и стать «ареной новых дискуссий по проблемам изменений и стабильности в истории и в современном мире». Он считает своей задачей создание «рабочих связей между специалистами всех отраслей социальных и гуманитарных наук». Наряду с издательским комитетом, состоящим исключительно из американцев, в журнале сотрудничают два английских, два французских, один итальянский, один норвежский и один израильский ученые в качестве издателей-консультантов. В состав издательского комитета входят двенадцать историков, пять социологов, три политолога, а также представители других общественных и гуманитарных дисциплин (антропологии, психологии, экономики, арабистики, медиевистики и истории искусства).

¹²⁵ *Bendix R.* Die vergleichende Analyse historischer Wandlungen. — Theorien des sozialen Wandels, S. 177.

¹²⁶ Modernization, Social Aspects. — IESS, vol. 10, p. 388.

¹²⁷ *Cahnmann W. I., Boskoff A.* Sociology and History: Reunion and Reapproachment. — Sociology and History. Theory and Research. Glencoe (Ill.), 1964, p. 1; *Salamon L. M.* Comparative History and the Theory of Modernization. — World Politics, vol. XXIII, October 1970 — July 1971, p. 83; по общим проблемам см.: *Wehler H.-U.* Geschichte und Soziologie. — *Wehler H.-U.* Geschichte als Historische Sozialwissenschaft. Frankfurt a. M., 1973, S. 9.

¹²⁸ The Cambridge Ancient History, vol. 12. Cambridge, 1923—

1939; The Cambridge Medieval History, vol. 8. Cambridge, 1911—1938; The Cambridge Modern History, vol. 14. Cambridge, 1902—1911.

¹²⁹ The Historians' History of the World (1904), 5. Aufl. in 27 Bde. London — New York, 1926.

¹³⁰ См.: *Ирибаджакос Н.* Клио перед судом буржуазной философии. К критике современной идеалистической философии истории. М., 1972, с. 26—27.

¹³¹ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 63.

¹³² *Saeculum-Weltgeschichte*, Bd 7. Freiburg i. Br.—Basel—Wien, 1975.

¹³³ *McNeills W.* The Rise of the West. A History of Human Community Chicago, 1963; *idem.* A World History. N.Y., 1967; *Sinai I. R.* The Challenge of Modernization: The West's Impact on the Non-Western World. N. Y., 1967; *Eisenstadt S. N.* Modernization: Protest and Change. N. Y., 1966; *Black C. E.* The Dynamics of Modernization. N. Y., 1967.

¹³⁴ В течение года книга выдержала пять изданий.

¹³⁵ Среди других см.: *Steengard N.* Universal History for Our Times. — The Journal of Modern History. Chicago, vol. 45, N 1, 1973, March, p. 72. Рецензент характеризует представления автора о всемирной истории как «единственные серьезные попытки представить глобальную политику не как более или менее сплошную массу информации, а преимущественно в определенных теоретических рамках».

¹³⁶ *McNeill W.* The Rise of the West, p. 799.

¹³⁷ *Black C.* The Dynamics of Modernization, p. 4.

¹³⁸ См.: *Richter R.* Zur Faschismusinterpretation in der bürgerlichen Historiographie der USA. — ZfG, 1974, N 8.

К главе III (с. 81-129)

¹ См.: *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 65. Участниками рабочей группы «Модернизация» были сделаны следующие доклады: *Lutz H.* (Wien). Normen und gesellschaftlicher Wandel zwischen Renaissance und Revolution. — Differenzierung und Säkularisierung; *Bergler J. F.* (Zürich). Mensch und Gesellschaft in den Wandlungen des industriellen Zeitalters; *Trauzettel R.* (Göttingen). Probleme der Modernisierung in Ostasien; *Sprandel R.* (Würzburg). Über sozialen Wandel im Mittelalter. — *Saeculum*, Jahrbuch für Universalgeschichte, Jg. 26, 1975.

² См.: *Schleier H.* Theorie der Geschichte — Theorie der Geschichtswissenschaft. Berlin, 1975 (Zur Kritik der bürgerlichen Ideologie, Bd 60); *Lozek G.* Aktuelle Fragen der Entwicklung von Theorie und Methodologie in der bürgerlichen Historiographie. — ZfG, 1977, N 9, S. 1021—1027.

³ *Erhard L.* Programm für Deutschland. Referat auf dem 13. Parteitag der CDU am 31. März 1965 in Düsseldorf. Düsseldorf, o. J.

⁴ См.: *Gesellschaftspolitische Kommentare*, 1965, N 10, 11, 13. Об оценке концепции «сформированного общества» см.: *Opitz R.* Der große Plan der CDU: die "Formierte Gesellschaft". -- Blätter für deutsche und internationale Politik. Köln, 1965, N 9.

⁵ Вот как писал социолог П. Хонигсхайм о положении в немецкой истории к началу XX в.: «Историки только посмеивались, когда их спрашивали, есть ли что-нибудь наподобие закономерностей в социальной жизни, и Дитрих Шефер предостерегал министерство культов от приглашения Зиммеля после Гейдельберга, в том числе и потому, что Зиммель ратовал за социологию, — но зачем нужна

наука об обществе, если есть государство и церковь» (*Honigsheim P.* Die Gründung der deutschen Gesellschaft für Soziologie in ihren geistesgeschichtlichen Zusammenhängen. — Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 1959, N 1, S. 6).

⁶ *Riemer H.-J.* Stationen verpaßter Gelegenheiten: Notizen zur historischen Theorie—Diskussion. — Ansichten einer künftigen Geschichtswissenschaft I. München, 1974, S. 75.

⁷ *Schleier H.* Theorie der Geschichte. — Theorie der Geschichtswissenschaft, S. 81.

⁸ *Spranger E.* Die Aufgaben des Geschichtsschreibers. — Historische Zeitschrift. München (далее: HZ), Bd 174, 1952, S. 251—268; *Litt Th.* Die Wiedererweckung des geschichtlichen Bewußtseins. Heidelberg, 1956.

⁹ Так, на Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г. Риттер претендовал на роль первого в историографии ФРГ борца за создание антимарксистского блока. Выступление Э. Ротхакаера на Международном историческом конгрессе в Стокгольме в 1960 г. было последней успешной попыткой склонить буржуазную историческую науку на сторону традиционного буржуазного историзма (См.: *Unbewältigte Vergangenheit*, S. 107).

¹⁰ Опубликовано в 1956 г. в: Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein—Westfalen, Geisteswissenschaften, 66. Sitzung am 19. September 1956 in Düsseldorf. Köln—Opladen, 1957.

¹¹ *Huizinga J.* Über eine Formverwandlung der Geschichte seit der Mitte des XIX. Jahrhunderts. — *Huizinga J.* Im Bann der Geschichte. Betrachtungen und Gestalten. Nijmegen, 1942, S. 107—128.

¹² *Conze W.* Die Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht, S. 12.

¹³ *Ibid.*, S. 10.

¹⁴ *Ibid.*, S. 13.

¹⁵ *Ibid.*, S. 11—12.

¹⁶ *Ibid.*, S. 19.

¹⁷ *Ibid.*, S. 18.

¹⁸ *Ibid.*, S. 19.

¹⁹ См.: *Wagner F.* Moderne Geschichtsschreibung. Ausblick auf eine Philosophie der Geschichtswissenschaft. Berlin (West), o. J. (1960).

²⁰ *Conze W.* Die Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht, S. 17—18.

²¹ *Ibid.*, S. 41.

²² *Schieder Th.* Staat und Machtpolitik im Industriezeitalter. — Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. München, 1958; *idem.* Erneuerung des Geschichtsbewußtseins. — *Ibid.*, S. 188; *idem.* Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte. — HZ, Bd 195, 1962; *idem.* Geschichte als Wissenschaft. München—Wien, 1965; *Erdmann K.-D.* Entwurf einer historischen Gegenwartskunde. — Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Stuttgart (далее: GWU), 1963, N 1; *idem.* Die Zukunft als Kategorie der Geschichte. — HZ, Bd 198, 1964.

²³ Это четко проявилось в смене руководства в «Немецком историческом обществе» (VHD). Если до 1958 г. председателями его были представители консервативных направлений (Г. Риттер — 1949—1953 гг., Х. Аубин — 1953—1958 гг.), то с 1958 г. этот пост занимали представители «гибкого» направления крупной буржуазии (Х. Ротфельс — 1958—1962 гг., К.-Д. Эрдман — 1962—1967 гг., Т. Шидер — 1967—1973 гг., В. Конзе — 1973—1976 гг., Г. А. Риттер — 1976—1978 гг.). Представители данного направления заняли ведущие позиции в историко-политических журналах, а также имели тесную связь с органами управления наукой со стороны капи-

талистических монополий (Unbewältigte Vergangenheit, S. 108, 707).

²⁴ *Iggers G.* Deutsche Geschichtswissenschaft. Eine Kritik der traditionellen Geschichtsauffassung von Herder bis zur Gegenwart. München, 1971, S. 352.

²⁵ *Rittner V.* Zur Krise der westdeutschen Historiographie. — Ansichten einer künftigen Geschichtswissenschaft, S. 43.

²⁶ *Schmidt J.* Studium der Geschichte. München, 1975, S. 122.

²⁷ Besonders благодаря изданной гейдельбергским «Рабочим кружком по изучению социальной истории» серии «Индустриальный мир» и изданному Институтом Фридриха Эберта «Архиву социальной истории» (Archiv für Sozialgeschichte).

²⁸ См.: *Schleier H.* Theorie der Geschichte — Theorie der Geschichtswissenschaft, S. 12.

²⁹ Allgemeine Krise des Kapitalismus. Triebkräfte und Erscheinungsformen in der Gegenwart. Berlin, 1976, S. 541.

³⁰ См.: *Norden A.* Die Vertiefung der Allgemeinen Krise des Kapitalismus. Berlin, 1975, S. 11.

³¹ Общую оценку см.: Allgemeine Krise des Kapitalismus, S. 471—535; *Bergner D., Mocek R.* Bürgerliche Gesellschaftstheorien. Studien zu den methodologischen Grundlagen und ideologischen Funktionen bürgerlicher Gesellschaftsauffassungen. Berlin, 1976; *Hahn E.* Theoretische Fragen des ideologischen Kampfes. — Dt. Z. Philos., 1975, N 9, S. 1141—1162.

³² *Brzezinski Z. K.* Neue Dimensionen der Bedrohung der Sicherheit der Atlantischen Allianz. — Europa-Archiv. Bonn, N 23, v. 10, 12, 1974, S. 779—780.

³³ *Meurer B.* Vom bildungshürgerlichen Zeitvertreib zur Fachwissenschaft — Die deutsche Soziologie im Spiegel ihrer Soziologenta-ge. — Soziologie und Praxis. Köln, 1979, S. 225—226.

³⁴ *Mommsen W. I.* Die Geschichtswissenschaft in der modernen Industriegesellschaft. — Geschichtswissenschaft in Deutschland. Traditionelle Positionen und gegenwärtige Aufgaben. München, 1974, S. 154.

³⁵ *Meadows D. u. a.* Die Grenzen des Wachstums. Bericht des Club of Rome zur Lage der Menschheit. Hamburg, 1973; *Mesarovic M., Pestel E.* Menschheit am Wendepunkt. 2. Bericht an den Club of Rome zur Weltlage. Stuttgart, 1974; Wir haben nur eine Zukunft. Reform der Internationalen Ordnung. Der RIO-Bericht an den Club of Rome (Leitung Jan Tinbergen). Opladen, 1977; *Laszlo E. u. a.* Goals for Mankind. A Report to the Club of Rome on the New Horizons of Global Community. N. Y., 1977. Общие оценки сравни: *Fjodorow J.* Der Club of Rome. Bürgerlicher Reformismus auf der Suche nach einem Ausweg. — Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin, 1978, N 6, S. 615—631.

³⁶ На немецком языке книга выходила под названием: *Smith A.* Eine Untersuchung über das Wesen und die Ursachen des Reichtums der Nationen. Übersetzt und eingeleitet von P. Thal, Bd 1. Berlin, 1963, Bd II, Berlin, 1975.

³⁷ См.: *Бестужев-Лада И. В., Батыгин Г. С.* О «качестве жизни». — США: экономика, политика, идеология, 1978, № 1, с. 23—25.

³⁸ См.: *Fjodorow J.* Der Club of Rome, S. 619.

³⁹ Unbewältigte Vergangenheit, S. 544; *Klein M., Lange E., Richter F.* Zur Geschichte der marxistischen Philosophie in Deutschland, Bd 1; Von ihren Anfängen bis zur Großen Sozialistischen Oktoberrevolution, 1, 2. Halbbd. Berlin, 1969; *Beyer W. R.* Tendenzen bundesdeutscher Marx-Beschäftigung. Köln, 1968; *Gerns W.* Krise der

бürgerlichen Ideologie und ideologischer Kampf in der BRD. Berlin, 1976.

⁴⁰ *Schwan G.* Die Gesellschaftskritik von Karl Marx. Stuttgart—Berlin (West) — Köln — Mainz, 1974, S. 5.

⁴¹ *Schlamm W. S.* Zeitbühne. München, 1974, N 5 (цит. по: *Norden A.* Die Vertiefung der Allgemeinen Krise des Kapitalismus, S. 48).

⁴² *Schieder Th.* Grundfragen den neueren deutschen Geschichte, S. 3.

⁴³ *Gerns W.* Krise der bürgerlichen Ideologie und ideologischer Kampf in der BRD, S. 28.

⁴⁴ Erklärung zu gesellschaftspolitischen Grundfragen, hg. von der Bundesvereinigung der Deutschen Arbeitgeberverbände. Köln, 1974, S. 11, 28.

⁴⁵ Geschichte und Ideologie. Kritische Analyse bundesdeutscher Geschichtsbücher. Reinbek b. Hamburg, 1973, S. 10.

⁴⁶ *Winkler H.-A.* Wieviel Wirklichkeit gehört zur Geschichte? Ortsbestimmung einer Wissenschaft. — Frankfurter Allgemeine Zeitung, v. 22.9.1976, S. 23.

⁴⁷ *Geiss I.* Der Ort der Geschichtswissenschaft in der Gesellschaft oder Die Funktion des Historikers, S. 194.

⁴⁸ *Hillgruber A.* Deutsche Geschichte 1945—1972. Frankfurt a. M. — Berlin (West) — Wien, 1974, S. 161.

⁴⁹ 2 Juni 1967 und die Studentenbewegung heute. Dortmund, 1977, S. 8.

⁵⁰ Цит по: *Prokop S.* Studenten im Aufbruch. Berlin, 1974, S. 156.

⁵¹ *Leibfried St.* Wider die Untertanenfabrik. Köln, 1967, S. 315—316.

⁵² Kritische Universität. Programm und Verzeichnis der Studienveranstaltungen im Wintersemester 1967—1968. Berlin (West), 1967, S. 16, 34.

⁵³ Можно, к примеру, указать дискуссии по вопросам исторической науки в «базисных группах» Гамбурга и Франкфурта-на-Майне (см.: *Historie zwischen Ideologie und Wissenschaft. Zur Kritik der herrschenden Geschichtswissenschaft. Diskussionsmaterialien. Basisgruppe Geschichtswissenschaft. Hamburg, 1970; Geschichtswissenschaft in Studium und Schulpraxis. Frankfurt a. M., 1973).*

⁵⁴ В качестве примера можно назвать книгу: «Geschichte und Ideologie. Kritische Analyse bundesdeutscher Geschichtsbücher». Книга явилась результатом обмена мнениями на семинаре, который провел Р. Кюнль во время летнего семестра 1972 г. в Марбургском университете при участии 90 студентов отделения политических наук. Гонорар за первое издание был передан в фонд помощи борющемуся Вьетнаму.

⁵⁵ *Schmidt J.* Studium der Geschichte. Eine Einführung aus sozialwissenschaftlicher und didaktischer Sicht. München, 1975.

⁵⁶ См., напр.: *Das Argument. Zeitschrift für Philosophie und Sozialwissenschaften.* Berlin (West), 1971, N 1/2: Geschichte und Geschichtsschreibung der deutschen Arbeiterbewegung; Sonderbände N 70, 75, 1972; *Kritik der bürgerlichen Geschichtswissenschaft (I, II).*

⁵⁷ Характерно в этом плане выступление А. Хильгрубера на регенсбургском «Съезде историков» в 1972 г., направленное против «полного привлечения истории на службу социально-утопической идеологии», а также против все более усиливавшихся поисков интерпретации всемирной истории, ориентированных на разработку модели «лучшего общества будущего» (см.: *Hillgruber A. Politische Geschichte in moderner Sicht.* — *NZ*, Bd 216, 1973, N 3, S. 531, 529). В свою очередь Т. Ниппердей резко выступил против взглядов Ве-

лера, в которых «все больше внимания уделялось будущему, конкретизации утопической картины лучшего будущего» (*Nipperdey Th. Über Relevanz.* — GWU, 1972, N 10, S. 585).

⁵⁸ Так, соиздатель “Saeculum” О. Кёлер утверждал, что «символизму издателей в 1971 г. по вопросу «Что означает для индустриального общества утрата высокого уровня культуры?» был вызван четко выраженным протестом против этого общества» (*Köhler O. Versuch einer “Historischen Anthropologie”.* — Saeculum, Jg, 25, 1974, S. 133).

⁵⁹ О роли ведущих историков ФРГ в разработке политики, направленной против социалистических стран, см.: *Rose G. “Industriegesellschaft” und Konvergenztheorie,* S. 364—367.

⁶⁰ См.: *Borchardt K. Wie gefährlich ist die Explosion der Sozialwissenschaften?* — Die Welt vom 21.10.1967; *Besson W. Engagierte Wissenschaft. Die Gegenwartsaufgaben der Sozialwissenschaften.* Opladen, 1962.

⁶¹ *Bergner D., Mocek R. Bürgerliche Gesellschaftstheorien,* S. 37.

⁶² «Исторический труд едва ли может актуальность своей концепции переплавить в актуальность действия» (*Wittram R. Die Erheblichkeit der Forschung. Zum Problem der gesellschaftlichen Relevanz der Historie.* — Saeculum, 1972, N 23, S. 234).

⁶³ *Unbewältigte Vergangenheit,* S. 146—147.

⁶⁴ Например, можно назвать следующие работы, вышедшие в свет до 1970 г.: *Bracher K.-D. Die Auflösung der Weimarer Republik.* Villingen, 1955; *Bracher K.-D., Sauer W., Schulz G. Die nationalsozialistische Machtergreifung.* Köln, 1962; *Bracher K.-D. Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur und Folgen des Nationalsozialismus.* Köln—Berlin (West), 1970; *Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933—1938.* Frankfurt a. M., 1968; *Besson W. Württemberg und die deutsche Staatskrise 1928—1933. Eine Studie zur Auflösung der Weimarer Republik.* Stuttgart, 1959; *Fest J. C. Das Gesicht des Dritten Reiches. Profil einer totalitären Herrschaft.* Frankfurt a. M. — Berlin (West), 1969.

⁶⁵ *Dahrendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland.* München, 1965; *Schwarz H.-P. Vom Reich zur Bundesrepublik. Deutschland im Widerstreit der außenpolitischen Konzeptionen in den Jahren der Besatzungsherrschaft.* Neuwied, 1966; *Besson W. Die Außenpolitik der Bundesrepublik. Erfahrungen und Maßstäbe.* München, 1970; *Grewe W. Deutsche Außenpolitik der Nachkriegszeit.* Stuttgart, 1960.

⁶⁶ *Grosser A. Deutschlandbilanz. Geschichte Deutschlands seit 1945.* München, 1970.

⁶⁷ *Dönhoff M. Die Bundesrepublik in der Ära Adenauer. Kritik und Perspektiven.* Reinbek b. Hamburg, 1963.

⁶⁸ *Совjetische Innenpolitik. Триebкpäfte und Tendenzen.* (Hg. von R. Löwenthal, B. Meißner). Stuttgart, 1968; *Ludz P. Ch. Parteilite im Wandel. Funktionsaufbau, Sozialstrukturen und Ideologie der SED—Führung.* Köln, 1968; *Richert E. Macht ohne Mandat. Der Staatsapparat in der sowjetischen Besatzungszone Deutschlands.* Köln—Opladen, 1958; *idem. Die neue Gesellschaft in Ost und West. Analyse einer lautlosen Revolution.* Gütersloh, 1960; *idem. Die DDR—Elite oder Unsere Partner von morgen.* Hamburg, 1968; *Weber H. Von der SBZ zur DDR. 1945—1968.* Hannover, 1968; *Unbewältigte Vergangenheit,* S. 375—392.

⁶⁹ См. по этому вопросу: *Bibliographie zur Politik in Theorie und Praxis,* hg. von K.-D. Bracher, H.-A. Jacobsen. Düsseldorf, 1970, S. 175—213.

⁷⁰ См.: *Unbewältigte Vergangenheit,* S. 308—313.

⁷¹ Dahrendorf R. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland, S. 32, 35.

⁷² Flechtheim O. K. Futurologie. Der Kampf um die Zukunft. Köln, o. J., S. 75, 105.

⁷³ Krippendorff E. Weltgeschichte für Nichthistoriker (Rezension). — Neue Politische Literatur, 1974, N 19, S. 257—258.

⁷⁴ Adenauer K. Erinnerungen 1945—1953. Frankfurt a. M., 1967, S. 9.

⁷⁵ Bergner D., Mocek R. Bürgerliche Gesellschaftstheorien, S. 97—98, 100.

⁷⁶ Gehlen A. Über kulturelle Evolutionen. — Die Philosophie und die Frage nach dem Fortschritt. Meisenheim am Glan, 1964, S. 220.

⁷⁷ Schelsky H. Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation. Köln — Opladen, 1961.

⁷⁸ Habermas J. Technik und Wissenschaft als "Ideologie". Frankfurt a. M., 1968.

⁷⁹ Dahrendorf R. Die neue Freiheit. Überleben und Gerechtigkeit in einer veränderten Welt. München, 1975, S. 32—33.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 711.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 142.

⁸² О соотношении историзма и антиисторизма подробнее см.: Weltanschaulicher Positivismus und bürgerlicher "Antihistorismus". — Bergner D., Mocek R. Bürgerliche Gesellschaftstheorien, S. 95—104.

⁸³ Radkau J. Geschichtswissenschaft heute — Ende der Selbstmystifikation? 2. Teil: Selbstdarstellungen der Historie. — Neue Politische Literatur, 1972, N 17, S. 148—149.

⁸⁴ Kosseleck R. Mozu noch Historie? — HZ, Bd 212, 1971, N 1.

⁸⁵ Сообщение о XXIX конференции немецких историков в Регенсбурге 3—8 октября 1972 г. см.: GWU — Beiheft. Stuttgart, 1973.

⁸⁶ Lozek G. Aktuelle Fragen der Entwicklung von Theorie und Methodologie in der bürgerlichen Historiographie, S. 1021.

⁸⁷ Schieder Th. Rezension. — HZ, Bd 218, 1974, N 3, S. 641.

⁸⁸ См. следующие работы: Erdmann K.-D. Geschichte, Politik und Pädagogik, Aufsätze und Reden. Stuttgart, 1970; Mommsen W. J. Die Geschichtswissenschaft jenseits des Historismus. Düsseldorf, 1971; Faber K.-G. Theorie der Geschichtswissenschaft. München, 1972; Geschichte heute. Positionen, Tendenzen, Probleme. Göttingen, 1973; Wehler H.-U. Geschichte als Historische Sozialwissenschaft. Frankfurt a. M., 1973; Groh D. Kritische Geschichtswissenschaft in emanzipatorischer Absicht. Stuttgart — Berlin (West) — Köln — Mainz, 1973; Schieder Th. Ohne Geschichte sein? Geschichtsinteresse — Geschichtsbewußtsein heute. Köln, 1973; Sozialgeschichte heute. Festschrift für H. Rosenberg zum 70. Geburtstag. Göttingen, 1974; Sywottek A. Geschichtswissenschaft in der Legitimationskrise. Ein Überblick über die Diskussionen um Theorie und Didaktik der Geschichte in der Bundesrepublik Deutschland 1969—1973. Bonn — Bad Godesberg, 1974; Seminar: Geschichte und Theorie. Umriss ein Historik (hg. von H. M. Baumgartner, J. Rüsen). Frankfurt a. M., 1976.

⁸⁹ Unbewältigte Vergangenheit, S. 147.

⁹⁰ Lozek G. Aktuelle Fragen der Entwicklung von Theorie und Methodologie in der bürgerlichen Historiographie, S. 1021—1027.

⁹¹ Irmschler K. Zur Genesis, Wandlung und Wirksamkeit des theoretischen und methodologischen Konzepts der bürgerlichen "Sozialgeschichte" in der BRD in den 60er und 70er Jahren.

⁹² Ibid., S. 12.

⁹³ Ibid., S. 139.

⁹⁴ Lozek G. Aktuelle Fragen der Entwicklung von Theorie und

Methodologie in der bürgerlichen Historiographie, S. 1023. Понятие «общественная история» впервые было использовано Л. фон Штайном (см.: *Stein L. V. Moderne Deutsche Sozialgeschichte*, hg. von H.-U. Wehler. Köln — Berlin (West), 1970, S. 10) и заимствовано из работы британского историка Э. Хобсбоума (см.: *Hobsbawm E. J. From Social History to the History of Society*. — *Daedalus*, 1971, N 1).

⁹⁵ См. предисловие редактора журнала «История и общество» (*Geschichte und Gesellschaft*, 1975, N 1, S. 5). Под «общественными формациями, как показывают предпринимавшиеся до сих пор попытки включения этого понятия в контекст исследования, подразумевается не что иное, как общественно-экономические формации — центральная категория исторического материализма; это конструкции, взятые из учения об «индустриальном обществе», которые на основе буржуазной теории факторов по-разному эклектически обобщают значительные исторические данные» (*Lozek G. Aktuelle Fragen der Entwicklung von Theorie und Methodologie in der bürgerlichen Historiographie*, S. 1024).

⁹⁶ Предисловие редактора журнала «История и общество» (*Geschichte und Gesellschaft*, 1975, N 1, S. 6).

⁹⁷ *Kocka J. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. — *Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft*, Bd VI, 1972, Sp. 33.

⁹⁸ Такова важнейшая программная часть названия книги Велера, содержащей три его главные теоретические работы (*Wehler H.-U. Geschichte als Historische Sozialwissenschaft*).

⁹⁹ См.: *Lozek G. Aktuelle Fragen der Entwicklung von Theorie und Methodologie in der bürgerlichen Historiographie*.

¹⁰⁰ См.: *Irmschler K. Zur Genesis, Wandlung und Wirksamkeit des theoretischen und methodologischen Konzepts der bürgerlichen "Sozialgeschichte" in der BRD in den 60er und 70er Jahren*, S. 159.

¹⁰¹ *Kocka J. Sozial und Wirtschaftsgeschichte*, Sp. 4, 14.

¹⁰² *Moderne Deutsche Sozialgeschichte* (hg. von H.-U. Wehler). Köln — Berlin (West), 1966, S. 15.

¹⁰³ *Kocka J. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Sp. 33.

¹⁰⁴ Н. Berding, К. v. Beyme, D. Geyer, A. Jeck, J. Kocka, R. Kosseleck, W. Lepenies, W. J. Mommsen, Н.-J. Puhle, R. Rürup, F. Sack, W. Schieder, Н.-Chr. Schröder, R. H. Tilly, H.-U. Wehler, Н.-А. Winkler (издатели журнала «История и общество»).

¹⁰⁵ Предисловие издателя журнала «История и общество» (*Geschichte und Gesellschaft*, 1975, N 1, S. 7).

¹⁰⁶ См. также острополюемические выступления Велера против реваншизма в ФРГ и борьбы правительства ХДС/ХСС против политики СДП и СвДП, направленной на заключение договоров с социалистическими странами: «После того как германская военная политика Гитлера потеряла историческое право господства на Востоке, границы немецких государств, внутри которых проводилась немецкая политика... после 1949 г. приобрели определенные очертания. Спустя 25 лет после окончания войны речь идет о том, чтобы наконец признать результаты второй мировой войны на Востоке. Чудовищной политике («das politische Dinosaurium») не удастся больше, как после первой мировой войны, предотвратить «Восточное Локарно»; признание польской границы, а также границы с ГДР давно запоздало» (*Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreichs 1871 bis 1918. Studien zur deutschen sozial- und Verfassungsgeschichte*. Göttingen, 1970, S. 10, 217). Какаясь проблем колониализма, Велер оценивает как положительный момент «утрату германским рейхом колониального господства в результате подписания Версальского мир-

ного договора» (Wehler H.-U. Bismarck und der Imperialismus. Köln—Berlin (West), 1969, S. 25).

¹⁰⁷ Kocka J. Zu einigen sozialen Funktionen der Geschichtswissenschaft. — Geschichte und Sozialwissenschaften. Ihr Verhältnis im Lehrangebot der Universität und der Schule. Göttingen, 1972, S. 15.

¹⁰⁸ См.: Strzelewicz W. Industrialisierung und Demokratisierung der modernen Gesellschaft. Hannover, 1964; Leuenberger Th. Bürokratisierung und Modernisierung der Gesellschaft. Bern — Stuttgart, 1975.

¹⁰⁹ Moderne deutsche Sozialgeschichte, S. 15.

¹¹⁰ Kocka J. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Sp. 33.

¹¹¹ Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreichs, S. 11.

¹¹² Ibid., S. 323.

¹¹³ Ibid., S. 297.

¹¹⁴ Winkler H.-A. Vorläufige Schlußbemerkungen. — Organisierter Kapitalismus. Voraussetzungen und Anfänge. Göttingen, 1974, S. 217.

¹¹⁵ Wehler H.-U. Bismarck und der Imperialismus; *idem*. Krisenherde des Kaiserreichs; *idem*. Das deutsche Kaiserreich 1871—1918. Göttingen, 1973.

¹¹⁶ Veblen Th. Imperial Germany and the Industrial Revolution (1915). Ann Arbor, 1966.

¹¹⁷ Rosenberg H. Probleme der deutschen Sozialgeschichte. Frankfurt a. M., 1969.

¹¹⁸ Moore B. (jr.). Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1968.

¹¹⁹ Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich 1871—1918, S. 71.

¹²⁰ Geiss I. Der Ort der Geschichtswissenschaft in der Gesellschaft oder Die Funktion des Historikers, S. 204.

¹²¹ Kocka J. Theorien in der Sozial- und Gesellschaftsgeschichte. — Geschichte und Gesellschaft, 1975, N 1, S. 27.

¹²² Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreichs, S. 163—164.

¹²³ Ibid., S. 271.

¹²⁴ Grundlagen der marxistischen Philosophie. Berlin, 1959, S. 708.

¹²⁵ Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 53.

¹²⁶ Wehler H.-U. Geschichte als Historische Sozialwissenschaft, S. 73.

¹²⁷ Wehler H.-U. Der Aufstieg des organisierten Kapitalismus und Interventionsstaates in Deutschland. — Organisierter Kapitalismus, S. 52.

¹²⁸ Wehler H.-U. Geschichte als Historische Sozialwissenschaft, S. 74.

¹²⁹ Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871—1918, S. 171. Кроме того, см.: Gutsche W. Zur Imperialismus — Apologie in der BRD. "Neue" Imperialismusdeutungen in der BRD-Historiographie zur deutschen Geschichte 1898 bis 1917. Berlin, 1975 (Zur Kritik der bürgerlichen Ideologie, Bd 63).

¹³⁰ Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 61.

¹³¹ Lozek G. Aktuelle Fragen der Entwicklung von Theorie und Methodologie in der bürgerlichen Historiographie, S. 1024—1025.

¹³² Подробные доказательства этого см.: Irmschler K. Zur Genesis, Wandlung und Wirksamkeit des theoretischen und methodologischen Konzepts der bürgerlichen "Sozialgeschichte" in der BRD in den 50er und 70er Jahren, S. 168—173, 186—196.

¹³³ Kittsteiner H.-D. Theorie und Geschichte. Zur Konzeption der modernen westdeutschen Sozialgeschichte. — Das Argument, N 75, Sonderbd.: Kritik der bürgerlichen Geschichtswissenschaft (II), S. 31—32.

¹³⁴ Рецензия на: Krisenherde des Kaiserreichs. — Ibid., S. 321.

¹³⁵ *Lozek G.* Aktuelle Fragen der Entwicklung von Theorie und Methodologie in der bürgerlichen Historiographie, S. 1025.

¹³⁶ Так, Ирмшлер говорит о связи их с «отчасти верным последовательным социал-реформизмом» (*Irmshler K.* Zur Genesis, Wandlung und Wirksamkeit des theoretischen und methodologischen Konzepts der bürgerlichen «Sozialgeschichte» in der BRD in den 60er und 70er Jahren. Thesen, S. 12).

¹³⁷ Так, функция «историко-социальной науки», по В. Ю. Моммзену, как верно замечает Ирмшлер, заключается в рационализации «каждой политико-идеологической позиции», в дальнейшем согласовании «основных ценностей «буржуазной демократии», а также в объединении всех борющихся сил ради сохранения капиталистической общественной системы» (*Irmshler K.* Zur Genesis, Wandlung und Wirksamkeit des theoretischen und methodologischen Konzepts der bürgerlichen «Sozialgeschichte» in der BRD in den 60er und 70er Jahren, S. 166—167).

¹³⁸ Philosophisches Wörterbuch, Bd 2. Stichwort Sozialreformismus. Leipzig, 1974, S. 1146.

¹³⁹ *Hahn E.* Theoretische Fragen des ideologischen Kampfes, S. 1162.

¹⁴⁰ *Wehler H.-U.* Krisenherde des Kaiserreichs, S. 325.

¹⁴¹ *Irmshler K.* Zur Genesis, Wandlung und Wirksamkeit des theoretischen und methodologischen Konzepts der bürgerlichen «Sozialgeschichte» in der BRD in den 60er und 70er Jahren. Thesen, S. 12.

¹⁴² Это было обосновано в книге: *Schleier H.* Theorie der Geschichte — Theorie der Geschichtswissenschaft, S. 18—19, 86—87.

¹⁴³ *Wehler H.-U.* Geschichte als historische Sozialwissenschaft, S. 107.

¹⁴⁴ *Ibid.*, S. 28.

¹⁴⁵ *Ibid.*, S. 22.

¹⁴⁶ *Kocka J.* Geschichte — Strukturgeschichte — Gesellschaftsgeschichte. — Archiv für Sozialgeschichte, Bd 15, 1975, S. 34.

¹⁴⁷ *Kocka J.* Gegenstandsbezogene Theorien in der Geschichtswissenschaft. — Theorien in der Praxis des Historikers, Forschungsbeispiele und ihre Diskussion. Göttingen, 1977, S. 184.

¹⁴⁸ Творчески развивающееся, революционное учение. Материалы международной исследовательской группы в связи с 160-летием со дня рождения К. Маркса. — Проблемы мира и социализма, 1978, № 6 (238), с. 16.

¹⁴⁹ *Kuhn Th. S.* Die Struktur wissenschaftlicher Revolutionen. Frankfurt a. M., 1967; *idem.* Die Suche nach dem Neuen. Frankfurt a. M., 1977; *Hollitscher W.* Der Mensch im Weltbild der Wissenschaft. Wien, 1969; *Porus W. N.* Die «Struktur wissenschaftlicher Revolutionen» und die Dialektik der Wissenschaftsentwicklung.—Sowjetwissenschaft, Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge, 1978, N 1, S. 29.

¹⁵⁰ *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 3.

¹⁵¹ *Kocka J.* Sozialgeschichte — Strukturgeschichte — Gesellschaftsgeschichte, S. 37—38.

¹⁵² *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 8.

¹⁵³ *Ibid.*, S. 3.

¹⁵⁴ Краткое изложение буржуазной концепции «социального изменения» см. в следующих изданиях: Fischer-Lexikon Soziologie. Frankfurt a. M., 1958, S. 268—274; IESS, Bd 14, 1968, S. 365—375; Sozialer Wandel. Zivilisation und Fortschritt als Kategorien der soziologischen

Theorie. Neuwied — Berlin (West), 1967; Theorien des sozialen Wandels. Об оценке концепции см.: *Tjaden K.-H.* Soziales System und sozialer Wandel. Untersuchungen zur Geschichte und Bedeutung zweier Begriffe. Stuttgart, 1969; Wörterbuch der marxistisch-leninistischen Soziologie. Berlin, 1977, S. 706—707.

¹⁵⁵ Fischer-Lexikon Soziologie, S. 268.

¹⁵⁶ *Wehler H.-U.* Geschichte als historische Sozialwissenschaft, S. 30.

¹⁵⁷ См.: *Merton R. K.* Social Theory and Social Action. Glencoe (Ill.), 1957.

¹⁵⁸ *Wehler H.-U.* Geschichte als historische Sozialwissenschaft, S. 18.

¹⁵⁹ *Schleier H.* Theorie der Geschichte — Theorie der Geschichtswissenschaft, S. 46.

¹⁶⁰ См.: *Fourastié J.* Die große Hoffnung des XX. Jahrhunderts. Köln — Deutz, 1954.

¹⁶¹ См.: *Mackenroth G.* Bevölkerungslehre. Berlin (West) — Göttingen — Heidelberg, 1953.

¹⁶² См.: *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962.

¹⁶³ См.: *Riesman D.* Die einsame Masse. Eine Untersuchung der Wandlungen des amerikanischen Charakters. Hamburg, 1958.

¹⁶⁴ См.: *Flora P.* Indikatoren der Modernisierung. Ein historisches Datenhandbuch. Opladen, 1975.

¹⁶⁵ О марксистской оценке буржуазных теорий систем см.: *Warnke C.* Die "abstrakte" Gesellschaft. Systemwissenschaften als Heilsbotschaft in den Gesellschaftsmodellen Parsons', Dahrendorfs und Luhmanns; *Löwe B. P.* Klassenkampf oder sozialer Konflikt. Zu den Gleichgewichts- und Konflikttheorien in der bürgerlichen Soziologie. Berlin, 1973.

¹⁶⁶ *Dahrendorf R.* Zu einer Theorie des sozialen Konflikts. — Theorien des sozialen Wandels, S. 108.

¹⁶⁷ *Wehler H.-U.* Geschichte als historische Sozialwissenschaft, S. 30.

¹⁶⁸ *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 3.

¹⁶⁹ *Wehler H.-U.* Geschichte als historische Sozialwissenschaft, S. 30.

¹⁷⁰ International Encyclopaedia of Social Sciences, vol. 18. N. Y., 1968; Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie, 8 Bde. Freiburg — Basel — Wien, 1966—1972. Переработанное издание на английском языке вышло в свет под названием: Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopaedia in 8 vols. N. Y., 1972—1973.

¹⁷¹ Последнее широкое обсуждение этой проблемы состоялось на XVI конгрессе социологов ФРГ в 1968 г. (см.: Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft? Verhandlungen des 16. Deutsche Soziologentages in Frankfurt a. M., v. 8 bis 11. April 1968 (hg. von Th. W. Adorno). Stuttgart, 1969). Адорно во вступительном докладе характеризовал современное буржуазное общество как «индустриальное общество по уровню своих производительных сил... капитализм с присущими ему производственными отношениями» (S. 18). Д. Белл заимствовал эту характеристику (см.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1973).

¹⁷² *Bergner D., Mocek R.* Bürgerliche Gesellschaftstheorien, S. 45.

¹⁷³ «Концепция контакта», пропагандируемая западногерманскими теоретиками социал-демократического направления с начала 70-х годов, требует взаимного сближения антагонистических общественных систем за счет «демократизации всех социальных структур». «Вместо конвергенции — иллюзорного представления об автоматическом сближении выступает контакт как требование сближения путем проведения общественных реформ» (*Möller W., Vilmar F. Sozialistische Friedenspolitik für Europa. Kein Frieden ohne Gesellschaftsreform in West und Ost. Reinbek b. Hamburg, 1972, S. 118*). «Концепция контакта» изображалась как вариант теории «третьего пути».

¹⁷⁴ *Bergner D., Mocek R. Bürgerliche Gesellschaftstheorien, S. 29, 37.*

¹⁷⁵ *Ibid., S. 37.*

¹⁷⁶ *Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreichs, S. 301.*

¹⁷⁷ *Wehler H.-U. Bismarck und der Imperialismus, S. 16.*

¹⁷⁸ См. биографические заметки Кера в книгах: *Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreichs, S. 259—279; Deutsche Historiker, Bd 1 (hg. von H.-U. Wehler). Göttingen, 1971, S. 100—113.*

¹⁷⁹ *Sozialgeschichte heute, S. 19.*

¹⁸⁰ *Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreichs, S. 273.*

¹⁸¹ *Ibid., S. 276.*

¹⁸² *Ibid., S. 278.*

¹⁸³ *Flora P. Modernisierungsforschung, S. 28.*

¹⁸⁴ *Fourastié J. Die große Hoffnung des XX. Jahrhunderts.*

¹⁸⁵ *Zapf W. Modernisierungstheorien, S. 304.*

¹⁸⁶ *Ibid., S. 305.*

¹⁸⁷ *Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 16.*

¹⁸⁸ *Brandt G. Industrialisierung, Modernisierung, gesellschaftliche Entwicklung, S. 11.*

¹⁸⁹ *Wehler H.-U. Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 3.*

¹⁹⁰ См.: *Schleier H. Explizite Theorie, Imperialismus, Bismarck und Herr Wehler. — Jahrbuch für Geschichte, 6. Berlin, 1972, S. 481.*

¹⁹¹ *Wehler H.-U. Geschichte als historische Sozialwissenschaft, S. 29.*

¹⁹² *Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 59.*

¹⁹³ *Kocka J. Theorien in der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, S. 22.*

¹⁹⁴ *Wehler H.-U. Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 20.*

К главе IV (с. 130-174)

¹ См.: *Unbewältigte Vergangenheit, S. 23—38.*

² *Richter R. Historisch-politische Grundprobleme der Faschismusinterpretation der dominierenden bürgerlichen US — Historiographie, S. 110.*

³ *Irmschler K. Zur Genesis, Wandlung und Wirksamkeit des theoretischen und methodologischen Konzepts der bürgerlichen "Sozialgeschichte" in der BRD in den 60er und 70er Jahren, S. 206, 132—133.*

⁴ *Lozek G. Grundfragen der aktuellen Auslinianderetzung mit der bürgerlichen Historiographie. — Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1980, N 1, S. 25—26.*

⁵ *Herzog J.* Das Traditionsproblem und der Neokolonialismus. Bemerkungen zur "Modernisierungskonzeption" der amerikanischen Politischen Soziologie, S. 25.

⁶ Formationstheorie und Geschichte, S. 713.

⁷ *Bauer A.* Bürgerliche Modernisierungstheorie und moderne Epoche, S. 3.

⁸ *Meißner H.* Methodologische Probleme der ideologischen Auseinandersetzung unter dem Einfluß der friedlichen Koexistenz. Berlin, 1975, S. 13.

⁹ *Hahn E.* Theoretische Fragen des ideologischen Kampfes, S. 1161.

¹⁰ «Борьбу с буржуазной идеологией важно вести потому, что, во-первых, в ней речь идет о господстве одного класса с особыми интересами, противоречащими интересам трудящихся, во-вторых, ее господство имеет исторически преходящий характер» (*Hahn E.* Theoretische Fragen des ideologischen Kampfes, S. 1161).

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. III, с. 446.

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 22.

¹³ Geschichte der materialistischen Dialektik. Von der Entstehung des Marxismus bis zur Leninschen Etappe. Berlin, 1974, S. 252—253.

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 448.

¹⁵ Там же, с. 448—449.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 82.

¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 398.

¹⁸ О значении товарного фетишизма для формирования буржуазной идеологии см.: *Heise W.* Aufbruch in die Illusion. Berlin, 1964, S. 41—57.

¹⁹ См.: *Rose G.* "Industriegesellschaft" und Konvergenztheorie, S. 262—265.

²⁰ *Kocka J.* Wirtschafts- und sozialgeschichte. — Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft, Bd VI, 1972, S. 33.

²¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 80—93.

²² К. Маркс критиковал буржуазных экономистов за то, что они сущность человека понимали «в форме обмена и торговли» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 24).

²³ *Warnke C.* Dialektik und Systemdenken in der Gesellschaftserkenntnis. — Dt. Z. Philos., 1977, N 7, S. 800.

²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 202.

²⁵ *Warnke C.* Dialektik und Systemdenken in der Gesellschaftserkenntnis, S. 802.

²⁶ Die Zukunft im theoretischen Denken. Kritik gegenwärtiger bürgerlicher philosophischer und sozialpolitischer Konzeptionen. Berlin, 1975, S. 141.

²⁷ Так, Сен-Симон (1760—1825) в своей социальной философии дал своеобразную трактовку общественного строя эпохи «индустриализма», согласно которой человек в условиях такого строя не будет более господствовать над другими людьми (*Saint-Simon C. H. de.* Ausgewählte Texte. Berlin, 1957). Об оценке социально-политических идей Сен-Симона см.: *Höppner J., Seidel-Höppner W.* Von Babeuf bis Blanqui. Französischer Sozialismus und Kommunismus vor Marx. Leipzig, 1975, Bd I (Einführung), S. 111—126.

²⁸ *Hegel G. W.* Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte.— Sämtliche Werke, Bd 11. Stuttgart, 1949, S. 557—558.

²⁹ В. Ратенау использовал понятие «индустриализм» как психологически-духовную категорию (см. кроме того: *Raupach H.* Industrialismus als Wirklichkeit und Wirtschaftsstufe. Berlin (West), 1954, S. 29. Раупах приводит многочисленные примеры замены понятий.

«капитализм» и «социализм» понятием «индустриализм», особенно со времен второй мировой войны. Уже в 1933 г. Г. Х. Д. Коле в своей заметке «Индустриализм», написанной для «Энциклопедии социальных наук» (“Encyclopaedia of Social Sciences”), говорит об общем «социалистическом индустриализме» в позитивном смысле. В 1931 г. в “Große Brockhaus” понятие «индустриализм» определяется как «воплощенные всех частно- и народнохозяйственных, хозяйственно-политических, социально-этических и мировоззренческих вопросов, возникающих благодаря усилению индустриализации»).

³⁰ Die Zukunft im theoretischen Denken, S. 142; Bohring G. Technik im Kampf der Weltanschauungen. Ein Beitrag zur Auseinandersetzung der marxistisch-leninistischen Philosophie mit der bürgerlichen “Philosophie der Technik”. Berlin, 1976, S. 76—107, 205—214.

³¹ Hobsbawm E. J. Industrie und Empire. Britische Wirtschaftsgeschichte seit 1750, Bd 1 (2. Bde.). Frankfurt a. M., 1969, S. 11.

³² Walzer M. The Only Revolution. — Dissent, 1964, Bd XI, N 4 (цит. по: Die Zukunft im theoretischen Denken, S. 145).

³³ См.: Buhr M. Über die historische Notwendigkeit des ideologischen Klassenkampfes. Von der bürgerlichen Philosophie zum Marxismus (Zur Kritik der bürgerlichen Ideologie, Bd 75). Berlin, 1976, S. 15.

³⁴ Unbewältigte Vergangenheit, S. 24.

³⁵ См. по этому поводу также: Skinner R. J. Technological Determinism: A Critique of Convergence Theory. — Comparative Studies in Society and History, vol. 18, 1976, N 1, p. 2—25.

³⁶ Wehler H.-U. Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 9.

³⁷ Pye L. The Concept of Political Development. — Pye L. Aspects of Political Development. Boston, 1966, S. 31—48.

³⁸ Das Evolutions-, das Alternativ- und das Akkulturationsmodell. См.: Schuhler C. Zur politischen Ökonomie der armen Welt, S. 32.

³⁹ Das Evolutions-, das Konversions- und das Rückkopplungsmodell. См.: Bühl W. Evolution und Revolution, S. 75.

⁴⁰ Salamon L. M. Comparative History and the Theory of Modernization. — World Politics, vol. 23. Princeton, Oct. 1970 — July 1971, p. 83.

⁴¹ См.: Merrit D. L. Systematic Approaches to Comparative Politics. Chicago, 1969.

⁴² Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.

⁴³ Rostow W. W. Politics and the Stages of Growth. Cambridge (Mass.), 1971.

⁴⁴ Schissler H. Theorien des sozialen Wandels, S. 182.

⁴⁵ См.: Communications and Political Development. Princeton, 1963; Bureaucracy and Political Development. Princeton, 1963; Political Modernization in Japan and Turkey. Princeton, 1964; Education and Political Development. Princeton, 1965; Political Culture and Political Development (hg. von L. W. Pye), Princeton, 1965; Political Parties and Political Development. Princeton, 1966; Crises and Sequences in Political Development. Princeton, 1971.

⁴⁶ Organski A. F. K. The Stages of Political Development. N. Y., 1967.

⁴⁷ Black C. E. The Dynamics of Modernization. N. Y., 1967.

⁴⁸ Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven—London, 1968.

⁴⁹ Party Systems and Voter Alignment. N. Y., 1967.

⁵⁰ Lerner D. The Passing of Traditional Society.

- ⁵¹ *Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 89.
- ⁵² Набросок модели КСП опирается на краткие положения, см.: Modernization: Political Aspects. — IESS, vol. 10, p. 395—400; *Almond G. A.* Politische Systeme und sozialer Wandel. — Theorien des sozialen Wandels, S. 211—227; *Rokkan St.* Die vergleichende Analyse der Nationbildung. — Theorien des sozialen Wandels, S. 28—52; *Zapf W.* Modernisierungstheorien, S. 305—307; *Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 89—92.
- ⁵³ По книге: *Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 91.
- ⁵⁴ *Ibid.*, S. 92.
- ⁵⁵ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 35—36.
- ⁵⁶ *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 7.
- ⁵⁷ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 35.
- ⁵⁸ См.: *Habermas J.* Zum Thema: Geschichte und Evolution. — Geschichte und Gesellschaft, 1976, N 3, S. 329.
- ⁵⁹ *Bendix R.* Die vergleichende Analyse historischer Wandlungen. — Theorien des sozialen Wandels, S. 183.
- ⁶⁰ *Wehler H.-U.* Das deutsche Kaiserreich 1871—1918, S. 233.
- ⁶¹ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 34.
- ⁶² См.: *Habermas J.* Zum Thema: Geschichte und Evolution, S. 327.
- ⁶³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 60—73; 97—113; 186—201.
- ⁶⁴ См.: *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 36.
- ⁶⁵ По этому поводу см. литературу: *Habermas J.* Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M., 1973; *Offe C.* Strukturprobleme des kapitalistischen Staates. Frankfurt a.M., 1973; Politische Systemkrisen. Köln, 1973; *Tetsch H.* Die permanente Revolution. Opladen, 1973.
- ⁶⁶ *Tetsch H.* Die permanente Revolution, S. 11.
- ⁶⁷ *Habermas J.* Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus, S. 98, 103.
- ⁶⁸ *Ibid.*, S. 105.
- ⁶⁹ См.: *Lipset S. M.* The First New Nation. N. Y., 1963.
- ⁷⁰ Под «эмпатией» имеется в виду способность индивида идентифицировать себя с новыми условиями среды. «Эмпатия является психическим механизмом, благодаря которому кто-либо обретает способность ставить себя в положение другого, т. е. идентифицировать себя с ролью, временем и местом другого, отличными от его собственных» (IESS, vol. 10, Stichwort Modernization, Social Aspects, p. 391).
- ⁷¹ См.: *Zapf W.* Modernisierungstheorien, S. 311 (*Flora P.* Indikatoren der Modernisierung).
- ⁷² *Trauzettel R.* Probleme der Modernisierung in Ostasien. — Saeculum, Jg. 26, 1975, S. 191.
- ⁷³ *Lutz H.* Normen und gesellschaftlicher Wandel zwischen Renaissance und Revolution. Differenzierung und Säkularisierung. — Saeculum, Jg. 26, 1975, S. 191.
- ⁷⁴ *Sprandel R.* Über sozialen Wandel im Mittelalter. — Saeculum, Jg. 26, 1975, S. 205, 207.
- ⁷⁵ См.: *Bergier J.-F.* Normen und Gesellschaft in den Wandlungen des industriellen Zeitalters. — Saeculum, Jg. 26, 1975, S. 181.
- ⁷⁶ См.: *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 18.

⁷⁷ См.: *Hahn E. Wertē — Klassenstandpunkt — Weltanschauung. — Einheit*, 1978, N 7—8, S. 810.

⁷⁸ Wörterbuch der marxistisch-leninistischen Soziologie, S. 458—459.

⁷⁹ *Ibid.*, S. 717—718.

⁸⁰ См.: *Квасов Г. Г.* Социология и нравственный прогресс. — Марксистско-ленинская теория социального развития. М., 1978, с. 104—116.

⁸¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 104.

⁸² См. там же, с. 170.

⁸³ См.: *Поршнев Б. Ф.* В. И. Ленин и проблемы социальной психологии. М., 1969.

⁸⁴ *Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 78.

⁸⁵ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 23.

⁸⁶ *Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 78.

⁸⁷ *Moore B. (jr.)* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966 (Soziale Ursprünge von Diktatur und Demokratie).

⁸⁸ *Moore B. (jr.)* Soziale Ursprünge von Diktatur und Demokratie, S. 475.

⁸⁹ *Ibid.*, S. 522.

⁹⁰ *Ibid.*, S. 476.

⁹¹ Ср. по этому поводу: *Schmidt W.* Zu den Wegen der bürgerlichen Umwälzung. — *ZfG*, 1978, N 6, S. 497.

⁹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 227.

⁹³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 210.

⁹⁴ *Veblen Th.* Imperial Germany and the Industrial Revolution. N. Y., 1954.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 220, 249—250.

⁹⁶ П. Флора характеризует работу Мура как «высшую точку и одновременно как тупик историко-социологического анализа... поскольку она не содержит теоретических положений для решения проблемы накопления научного опыта в области исследований модернизации» (*Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 88—89).

⁹⁷ Об изменениях в изучении социализма в буржуазной общественной науке см.: *Rose G.* "Industriegesellschaft" und Konvergenztheorie, S. 67—83; *Ripp G.* Monopolideologie in der Krise. Berlin, 1978, S. 12—35.

⁹⁸ *Freyer H.* Entwicklungstendenzen und Probleme der modernen Industriegesellschaft. — Die Industriegesellschaft in Ost und West. Konvergenzen und Divergenzen. Mainz, o. J., S. 15.

⁹⁹ *Cless O.* Sozialismusforschung in der Bundesrepublik. Das herrschende DDR-Bild und seine Dogmen. Köln, 1978, S. 152—153.

¹⁰⁰ *Aron R.* Le développement de la société industrielle et la stratification sociale. Paris, 1957, p. 25.

¹⁰¹ *Braunmühl C. von.* Kalter Krieg und friedliche Koexistenz. Frankfurt a. M., 1973, S. 73.

¹⁰² *Greiner B.* Amerikanische Außenpolitik von Truman bis heute. Grundsatzdebatten und Strategiediskussionen. Köln, 1980, S. 110.

¹⁰³ *Ibid.*, S. 111—112.

¹⁰⁴ Об изменениях в буржуазной экономической мысли см.: *Bürgerliche Ökonomie ohne Perspektive.* Berlin, 1976, S. 425; *Geschichte der politischen Ökonomie.* Grundriß. Berlin, 1978, S. 653.

¹⁰⁵ См.: *Tenbruck F. H.* Die Soziologie vor der Geschichte. — Soziologie und Sozialgeschichte, Aspekte und Probleme. — Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 16. Opladen, 1972, S. 36—38.

¹⁰⁶ Bendix R. Modernisierung in internationaler Perspektive. — Theorien des sozialen Wandels, S. 511.

¹⁰⁷ См.: Wehler H.-U. Geschichte als historische Sozialwissenschaft, S. 19; Groh D. Strukturgeschichte als "totale" Geschichte? — Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Jg. 58, 1971, S. 289—322.

¹⁰⁸ Unbewältigte Vergangenheit, S. 33.

¹⁰⁹ Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 47.

¹¹⁰ См.: Bendix R. Modernisierung in internationaler Perspektive, S. 506.

¹¹¹ См.: Bendix R. Modernisierung und soziale Ungleichheit. — Wirtschafts- und sozialgeschichtliche Probleme der frühen Industrialisierung. Berlin (West), 1968, S. 179, 222, 227.

¹¹² Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 48.

¹¹³ Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change, p. 51, 83.

¹¹⁴ Ibid., p. 1.

¹¹⁵ Black C. E. The Dynamics of Modernization, p. 6.

¹¹⁶ White L. (jr.) Die mittelalterliche Technik und der Wandel der Gesellschaft. München, 1968, S. 107.

¹¹⁷ Rokkan St. Die vergleichende Analyse der Staaten- und Nationenbildung: Modelle und Methoden. — Theorien des sozialen Wandels, S. 228.

¹¹⁸ Geiss I. Prometheus und Pandora. Zur Stellung der industriellen Revolution in der Weltgeschichte. — Industrielle Gesellschaft und politisches System, S. 32—33.

¹¹⁹ Wehler H.-U. Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 10.

¹²⁰ Geiss I. Prometheus und Pandora, S. 34—36.

¹²¹ Eisenstadt S. N. Studies of Modernization and Sociological Theory, p. 241, 245.

¹²² См. также: Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, N. Y., 1966; Rokkan St. Die vergleichende Analyse der Staaten- und Nationenbildung. — Theorien des sozialen Wandels; Lepsius R. Demokratie in Deutschland als historisch-soziologisches Problem. — Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft, S. 197—213; idem. Soziologische Theoreme über die Sozialstruktur der "Moderne" und die "Modernisierung". — Studien zum Beginn der modernen Welt. Stuttgart, 1977, S. 10—20; Zapf W. Modernisierungstheorien. — Prismata. Dank an Bernhard Haussler.

¹²³ См. также: Organski A. F. K. The Stages of Political Development.

¹²⁴ Г.-У. Велер обращает внимание на то, что в дискуссиях о «модернизации» выявилось по меньшей мере две школы, исходящие из концепции Вебера: «сугубо абстрактно-теоретическая» во главе с Парсонсом и «историко-рестриктивная» во главе с Бендиксом... Обе опираются на два положения Вебера: на претензию социологической казуистики на всеобщность (в поздних сочинениях), а также на предшествовавшие «историко-сравнительные исследования» (см.: Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 80).

¹²⁵ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951, S. 274.

¹²⁶ Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 48.

¹²⁷ Schleier H. Theorie der Geschichte — Theorie der Geschichtswissenschaft, S. 29.

¹²⁸ Wehler H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 74.

¹²⁹ Ripp G. Politische Ökonomie und Ideologie. Kritische Betrachtung.

tungen zur ökonomischen Ideologie des gegenwärtigen Kapitalismus. Berlin, 1974, S. 37.

¹³⁰ *Popper K. R.* The Open Society and Its Enemies, vol. II: The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx and the Aftermath. L., 1945; по общим проблемам также см.: *Kon I. S.* Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts, Bd I. Die Geschichtsphilosophie der Epoche des Imperialismus. Berlin, 1964, S. 275—285; *Bergner R., Mocek R.* Bürgerliche Gesellschaftstheorien, S. 95—112.

¹³¹ *Flora P.* Modernisierungsforschung, S. 15.

¹³² *Zapf W.* Die soziologische Theorie der Modernisierung. — Soziale Welt, Jg. 26, 1975, S. 213.

¹³³ *Wehler H.-U.* Modernisierungstheorie und Geschichte, S. 57.

¹³⁴ *Wehler H.-U.* Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte, S. 7—8.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. ГЕНЕЗИС ТЕОРИЙ «МОДЕРНИЗАЦИИ» И ИССЛЕДОВАНИЙ «МОДЕРНИЗАЦИИ»	12
1. Исторические и социальные условия возникновения теорий	—
2. Исторические и теоретические источники	23
3. Проблема восприятия и адаптации	41
Глава II. ТЕОРИИ «МОДЕРНИЗАЦИИ» И ИССЛЕДОВАНИЯ «МОДЕРНИЗАЦИИ» В США	47
1. «Первоначальная» модель «модернизации» и ее крах	—
2. «Реформа» теорий «модернизации» и исследования процессов «модернизации»	54
3. К истокам исторического исследования «модернизации» в США	66
Глава III. ОТ ТРАДИЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ «ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА» К ТЕОРИЯМ «МОДЕРНИЗАЦИИ» В ФРГ	81
1. Проблемы интерпретации истории	—
2. К вопросу о влиянии общего кризиса капитализма на буржуазную историко-социологическую мысль в начале 70-х годов	89
3. Новое определение предмета, задач и функций исторической науки историками, группирующимися вокруг журнала «История и общество»	102
4. Несостоятельность концепции «индустриального общества», или дефицит теорий как характерная черта «историко-критической социальной науки»	113
Глава IV. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ «МОДЕРНИЗАЦИИ» И ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА «МОДЕРНИЗАЦИИ»	130
1. Диалектика прерывности и непрерывности в концепции «индустриального общества» и теориях «модернизации»	—
2. Общность аксиом	133
3. Структура и методология теорий «модернизации»	140
4. Дилемма исторической теории «модернизации»	171
ЛИТЕРАТУРА	175

Розе Г.

Р64 Прогресс без социальной революции? (Теории «модернизации» и буржуазные социальные науки)/ Пер. с нем. И. Н. Михеевой.—М.: Мысль, 1985.— 207 с.— (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).

1 р. 20 к.

В книге дается критический анализ буржуазных теорий «модернизации», указывается их место в системе современной буржуазной идеологии, рассматривается взаимосвязь с концепцией «индустриального общества», их влияние на развитие буржуазной общественной теории в целом. Автор раскрывает взгляды таких представителей теорий «модернизации», как Г.-У. Велер, А. Гершенкрон, Б. Мур (младший), Г. Фрейер и др., показывает их несостоятельность.

Р 0302020300-213
004(01)-85 53-85

ББК 87.3в02
1ФБ

Гюнтер Розе
ПРОГРЕСС БЕЗ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ?

(Теории «модернизации»
и буржуазные социальные науки)

Заведующая редакцией **В. Е. Викторова**
Редактор **А. Г. Гридчина**
Младший редактор **О. А. Рябченко**
Оформление серии художника **В. П. Григорьева**
Художественный редактор **А. М. Павлов**
Технический редактор **Т. Г. Сергеева**
Корректор **С. С. Новицкая**

ИБ № 2748

Сдано в набор 11.04.85. Подписано в печать 11.10.85. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Литер. гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л.
10,92. Усл. кр.-отг. 11,13. Уч.-изд. л. 12,87. Тираж 9000 экз. Заказ 434.
Цена 1 р. 20 к.

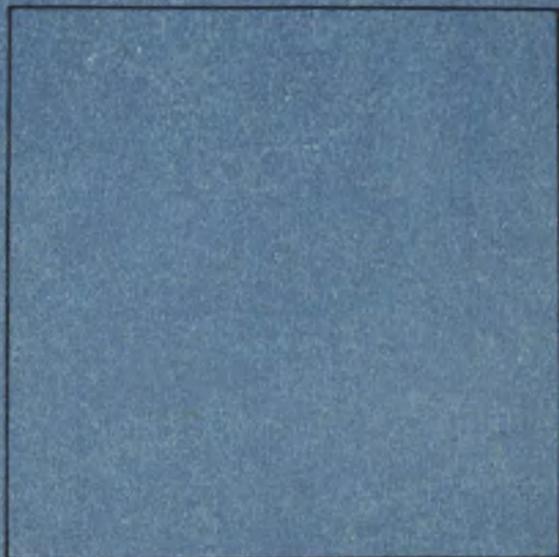
Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15
Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103051, Москва, Цветной бульвар, 26.

1 р. 20 к.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА